

АВТОР БЕСТСЕЛЛЕРОВ ПО ВЕРСИИ НЬЮ-ЙОРК ТАЙМС

ДЕБОРА
БЛАДОН

МИГЛА

РОМАН

Айла Лэйн — амбициозный скрипач, которая тоскует по карьере, которая была у ее бабушки, и всегда планировалась для нее. Несмотря на решимость оставить за собой след на Манхэттене и следовать своей мечте, казалось, она просто не могла вернуться на прежний путь. Угнетенная болью от потери своей бабушки, Айла думает, что нашла идеальное отвлечение, но это идеальное отвлечение будет подвергать ее таким испытаниям, какие она даже не могла бы себе представить. Работа — единственное в жизни для Габриэля Фостера. Члены его семьи и дальнейшая их жизнь зависит от него. Он неустанно работает, чтобы держать под контролем всех и все в своей жизни. Когда Айла Лэйн встречается у него на пути, то весь его мир сходит со своей оси. Притяжение сильное и незамедлительное. Она не похожа ни на кого из тех, что он когда — либо встречал. Он — это все, что ей необходимо, хотя она об этом и не знала. Когда они исследуют то, что могут предложить друг другу, то оба осознают, что может быть недостаточно того, чем один готовы друг с другом поделиться.

Глава 1

Айла

— Сколько вы здесь работаете? — его голос интеллигентный, глубокий и спокойный. Не такая редкость, слышать такой голос в этом магазине. Я здесь работаю в течение шести недель и, как минимум два раза в неделю через дверь, вальсируя, входит неприлично богатый мужчина, с ненасытной потребностью рассматривать молодых женщин, одетых в дорогое белье.

— Добро пожаловать в Liore, — мягко говорю я, поглядывая налево, где он стоит.

Я должна поднять глаза. Он большой: не только из — за роста, но и из — за ширины плеч. У него темные карие глаза, его волосы точно такие же темные. Рельефный нос, сильная челюсть — исключительно яркие черты лица. На нем темно — синий костюм, возможно, даже черный. Это сложно определить из — за света люстр в этом богатом пространстве.

— Айла, — его взгляд падает сначала на мою грудь, и останавливается на бейджике с моим именем, — Приятно познакомиться, Айла.

— Приятно познакомиться... — я делаю паузу. Не только потому, что я обязана узнавать имена клиентов, чтобы подарить им личный опыт покупок. Я хочу узнать, как его зовут.

— Габриэль, — говорит он, слегка пожимая мне руку.

Имя странно знакомое. Пока я раздумываю об этом, вижу, как он поглядывает через бутик на моего босса.

— Чем я могу Вам помочь, Габриэль? Вы ищете что — то для своей девушки или, может быть, для жены?

Выражение его лица слегка меняется.

— Ни той, ни другой у меня нет.

Жаль и не жаль, одновременно. Это именно тот тип мужчины, которого я представляла

в своем воображении, когда прибыла на Манхэттен. Я окончила школу меньше двух лет назад, и мои мечты получить стипендию в «Джуллиард» исчезли так же быстро, как и моя незапятнанная репутация, когда я нарушила слишком много правил в старшей школе.

— Вы ищете что — то конкретное? — краем глаза замечаю через проход от себя взмах руки одного из моих коллег. Я его игнорирую, потому что, когда клиент готов сделать покупку, даже если магазин будет охвачен пламенем, я не сдвинусь с места ни на дюйм. Комиссионные здесь самые большие из всех, что я когда — либо зарабатывала в розничной торговле, а секрет гарантии больших продаж — это сделать так, чтобы клиент чувствовал себя единственным покупателем в бутике.

Его глаза сканируют различные бюстгальтеры, выставленные у нас, далее они движутся к кружевным трусикам и подвязкам.

— Если я попрошу Вас, Айла, примерить что — нибудь для меня, Вы это сделаете? Вы отведете меня в одну из ваших примерочных?

Я читала справочник сотрудника. Нет, я его пролистала по пути на работу в первый рабочий день, несколько недель назад. Правило номер один: никогда не идти в примерочные с мужчинами — покупателями. Мужчины, которые ведут вас в это тихое пространство — жаждут более приватное дефиле. Я знаю это.

— Мне очень жаль, Габриэль. Это противоречит политике компании.

Он осторожно изучает мое лицо. Темные круги под моими голубыми глазами выглядят немного убого при ярком утреннем свете, но в то же время чувственно и соблазнительно. Мои светлые волосы до плеч сегодня прямые, что делает акцент на высоких скулах. Я здесь чтобы продавать женское белье, а светло розовая лента вокруг моего сегодняшнего платья, подчеркивает все, что надо. Он все еще не ушел, значит, все еще готов покупать.

Он сокращает маленькую дистанцию между нами, делая один шаг ко мне.

— Вы не производите впечатление молодой девушки, которая соблюдает все правила.

Звучит заманчиво. Не только потому, что это лишние деньги, которые будут у меня в кармане.

— Я не следую правилам, Габриэль. Если хотите увидеть приватное шоу, я могу приехать к вам в офис после работы.

Он вскидывает брови из — за моего предложения.

— Это то, что вы часто предлагаете клиентам?

Я никогда раньше никому такое не предлагала.

— Я лишь предлагаю такое тем, кто явно меня интересуется.

— Я дам вам свою визитку.

Его рука шарит во внутреннем кармане пиджака. Я беру визитку из его длинных, тонких пальцев и смотрю на него. Я не успеваю прочесть, к нам подходит мой босс — Сесилия.

Я оборачиваюсь, чтобы посмотреть на нее, но она уставилась на Габриэля. Она кладет руку ему на плечо.

— Мистер Фостер, — говорит она медленно. — Я вижу, вы познакомились с нашей новой девушкой, Айла, ты рассказываешь мистеру Фостеру обо всем, что мы предлагаем, да?

Я смотрю на визитку: «мистер Габриэль Фостер — генеральный директор «Фостер Энтерпрайзес» и человек, кому принадлежит этот бутик.

— Айла была довольно гостеприимной, — Он скользит кончиком указательного пальца по моему запястью. — Она приедет сегодня ко мне в офис. Я буду ждать вас в четыре, Айла.

— В четыре, — повторяю я. — Я буду там в четыре, сэр.

Его глаза медленно скользят по моему телу, прежде чем остановится на моем лице.

— Не опаздывайте и захватите те образцы, о которых мы говорили.

Я замираю, когда его рука бежит вверх по моей руке, прежде чем он проходит мимо меня в сторону выхода.

***

— Ты ранее не ответила на мой вопрос, — Сесилия бросает на меня взволнованный взгляд, когда заходит в кладовую, ее темные кудри подпрыгивают на спине при каждом ее шаге, — мне нужно, чтобы ты объяснила, что тут происходит.

Мне нужно от нее отвязаться.

После того как Габриэль Фостер покинул магазин, мой босс направила на меня свое внимание. Ей не может быть больше двадцати восьми лет, но ее строгий, без излишеств подход к управлению магазином, значительно добавляет ей возраста. Она отчитывала меня, как ребенка, когда я на прошлой неделе опоздала на смену на четыре минуты, и постоянно меня воспитывает, говоря о том, как больше продать каждому клиенту.

Я не нуждаюсь в ее снисходительном отношении. Я хорошо делаю свою работу. И я доказала это буквально десять минут назад, когда мой последний клиент здесь оставил более восемнадцати сотен долларов, и покинула магазин с бледно — розовым пакетом с логотипом Liore поперек него. Учитывая тот факт, что она пришла только за парой черных трусиков, я бы назвала это огромным успехом.

— На какой вопрос? — спрашиваю я, не отрываясь от распаковки очередных коробок.

Сегодня в бутике день доставки, это означает, что каждый сотрудник отдела продаж, должен потратить час на то, чтобы разобрать новый товар, чтобы его подготовить, прежде чем он будет выставлен на продажу. Я ненавижу эту часть своей работы, ведь это означает, что комиссионные, которые должны быть моими, пойдут в карманы моих коллег.

— Вопрос о том, что происходит между тобой и мистером Фостером? — она лезет в коробку и достает короткий, желтый, атласный халат, — Тебе нужно это погладить, прежде чем вешать.

Я смотрю на паровой утюг в углу. Я включила его, как только начала открывать коробки и увидела помятые вещи. Я знаю, как важна безупречная репутация для бренда Liore.

— Я позабочусь об этом, Сесилия.

— Ответ на мой вопрос, о чем говорил мистер Фостер? Почему ты идешь к нему в офис с образцами?

Я шумно вздыхаю. Признайся я в том, что предлагала владельцу компании, на которого мы обе работаем, мне урежут и так короткую смену, и в сущности, это будет концом моей работы. Сесилия, безусловно, относится к тому типу, который *«следует всем правилам»*. Это одна из тех вещей, в чем мы полные противоположности. Я делаю шаг в сторону утюга с халатом в руке, мысленно надеюсь, что она изменит ход своих мыслей и не станет тыкать в меня скучным учебником о том, как пользоваться паровым утюгом, хотя она мне уже несколько раз показывала, с тех пор как я тут устроилась.

— Он спрашивал про партию кружевных подвязок, которые прибыли на прошлой неделе? — халат из ее рук падает в коробку, — Должно быть, из — за этого он сегодня был здесь. Предполагалось, что я лично должна была проверить качество этого заказа и доложить ему. Я совсем забыла об этом.

Я еле заметно пожимаю плечами, пока наблюдаю, как она суетится вокруг

нераспечатанных коробок на полу.

— Брось все это, — она взволнованно размахивает руками в моем направлении, — мы должны все подготовить, чтобы быть в его кабинете к четырем часам.

— Мы? — я цепляюсь за одежду в моей руке. — Я думаю, мистер Фостер хотел видеть только меня. Он ничего не говорил о вас.

Любое подобие уязвимости покидает ее лицо, когда она поднимает свои идеально выщипанные темные брови.

— Ты забыла, что ты работаешь на меня, Айла Лэйн? Ты ничего не знаешь об этих образцах. Это одна из новых коллекций, которую мистер Фостер одобрил. Я пойду с тобой. Ты будешь смотреть и учиться.

Не говоря ни слова, я бросаю халат обратно в коробку, и направляюсь в ее сторону. Как бы Сесилия не раздражала меня ежедневно своим дыханием буквально у меня за спиной, она может стать моим спасательным кругом на этой встрече. Я смогу сохранить свою работу, если я правильно разыграю свои карты.

Глава 2

Габриэль

Я вижу свою мать через открытые двери моего офиса, прежде чем она поворачивается, чтобы посмотреть на меня. Именно в этот момент я вспоминаю, что сам назначил эту встречу. Я пригласил ее сюда, потому что мне нужны ответы.

Пока я наблюдаю, как она ведет светскую беседу с моим ассистентом, я не могу не восхищаться тем, как она ведет себя в окружении других людей. Она проявляет чрезмерную уверенность. Как она держит свои плечи — тому свидетельство. Вы бы никогда не подумали, глядя на нее, что она легкомысленная и безрассудная, когда на самом деле, так и есть. Она знает, что я мало чем могу повлиять на ее поведение, кроме как объяснить влияние ее действий на бизнес в целом. Я не сомневаюсь, что она осознает на какой риск идет. Это то, что подпитывает ее и толкает вперед.

Я тянусь, чтобы открыть рамы деревянных двойных дверей, но в этом нет необходимости. Ее темные глаза ловят мой взгляд, пока она оглядывает зону регистрации. Ей наскучило то, о чем непрерывно болтает София, мой помощник. Это явно. София, с другой стороны, не обращает внимания на ее незаинтересованность, а только еще больше повышает голос. Ее громкая болтовня заполняет все пространство, просачиваясь в мой кабинет.

— Габриэль, — красные губы мамы мгновенно трогает улыбка, — Я рано.

Она не рано.

Я попросил ее встретиться со мной почти час назад. Она предложила поужинать сегодня вечером, но мои планы на вечер не подлежат обсуждению. Когда я объяснял ей, что хочу видеть ее в своем кабинете не позднее трех часов, она сказала, что будет к пяти часам. Сейчас без четверти четыре.

— Проходи в мой кабинет, — я смотрю на нее, пока она делает жест рукой, как бы приказывая Софии идти. Этот же жест она использовала и для меня.

— Твой секретарь рассказывала мне диковинный случай про жабу.

Я опускаю взгляд на мраморный пол, чтобы скрыть ухмылку.

— Про жабу?

— Она спрашивала, где я выросла, мистер Фостер, — София продолжает. — я рассказывала ей о некоторых вещах, которые увидела, когда возвращалась домой.

Я поднимаю взгляд и смотрю прямо на нее. Я понятия не имею, где ее «дом» находится. Она начала работать тут, сразу после того, как мой бывший ассистент бросил работу более трех месяцев назад. Я не помню ее имени, но подлая ненависть в ее глазах, когда я ей отказал в дополнительном недельном отпуске на медовый месяц, была запоминающейся.

Все наболевшие обиды которые накопились в ней в течении восемнадцати месяцев, которые она на меня работала, столкнулись с ее здравым смыслом, и злость взяла над ней вверх. Она выплеснула такой шквал оскорблений, что мне пришлось немного потрудиться, чтобы отличить одно от другого.

Когда она успокоилась, я спокойно объяснил ей, что ее двухнедельный отпуск уже исчерпан несколько месяцев назад, а дать ей еще «несколько дней» было бы потерей времени. Она мне будет нужна на неделе моды в Лондоне, а не на Карибском море с коктейлем из тропических фруктов и ароматного рома.

— Нам нужно поговорить, мама, — я говорю, не обращая внимания на ожидаемый вопрос о детстве Софии и какой — то амфибии, которая по — видимому играет важную роль в истории ее жизни. — Вы можете продолжить этот разговор, после того как мы закончим.

Она стреляет в меня предупреждающим взглядом, который должен был выражать угрозу. Это возможно сработало бы, и определенно так бы и было, если бы я все еще был ребенком, но сейчас, когда мне тридцать два года и я управляю международным конгломератом, который гордо носит нашу фамилию, то влияние, которое оказывал взгляд, исчезает, и это к лучшему.

— Ты вынуждаешь меня быть грубой, Габриэль, — она тихонько поправляет алмазную сережку в левом ухе, — Я только знакомлюсь с Софией. Ты можешь подождать несколько минут, пока мы не закончим.

Теперь стало ясно, что она понимала, почему я вызвал ее на эту встречу именно сюда. Также очевидно, почему она настаивала на обсуждении всего за ужином. Она хотела безопасность, которую ей обеспечил бы заполненный ресторан. Моя мать достаточно хорошо меня знает, чтобы понять, что обсуждение семейного бизнеса в общественных местах для меня неприемлемо.

— Это не может ждать, — я направляюсь в свой кабинет, — нам надо поговорить, и мы поговорим, сейчас.

Ее губы сжимаются в твердую, тонкую линию, и она чрезмерно драматично бросает пальто и сумочку на стол Софии, прежде чем направится за мной.

***

— Твой отец не захотел бы в этом участвовать, — она выгибает шею, уже в третий раз, чтобы взглянуть на закрытую дверь моего кабинета, после того как я предложил ей сесть на черный кожаный диван, прежде чем сесть самому. — Он бы все это не одобрил.

Я расстегиваю пиджак.

— Когда ты в последний раз с ним говорила?

— Почему ты спрашиваешь? Не имеет значения, когда я с ним разговаривала.

Вообще — то имеет.

С тех пор, как они развелись больше десяти лет назад, их отношения качнулись, как маятник, от обожания до презрения, граничащего с ненавистью. Обычно в игре последнее, с тех пор, как мой отец преподнес должность в компании своей последней пассии в полное обозрение моей матери.

Его случайные связи были с девушками моложе меня, которые рассматривают его как ступень на лестнице к успеху. Ни одна из десятков женщин, с которыми флиртом пробивали себе путь в жизнь моего отца, не продержалась дольше нескольких месяцев.

— Ты знаешь, как я ценю твой вклад, мама, — я откидываюсь на спинку стула, желая, чтобы язык моего тела передал такой же смысл, как и мои слова. Я всякими сложными способами, путем многих проб и ошибок понял, что единственный способ справиться с Джанной Фостер — это заставить ее почувствовать себя незаменимой и ценной. — Также ты знаешь, что я не нанимаю новых дизайнеров на данный момент.

В раздумье она трет свой лоб. Движение убирает в сторону несколько прядей ее темно — каштановых волос. Моя мать никогда не скрывала свою погоню за молодостью. Она первая в списке, по крайней мере, у трех престижных пластических хирургов Манхэттена. Ее усилия вернуть себе молодое лицо, забрали у нее то естественное сияние, которое я видел, когда я был ребенком. Я помню, тогда думал, что она была самой красивой женщиной, которую я когда — либо видел. Теперь, когда я смотрю на ее идеальное лицо, я вижу потрепанную изнутри, постоянно находящуюся в руках времени, женщину.

— Твой отец тебя надоумил? Ты об этом?

Это коварная тактика, которая направлена на то, чтобы прервать разговор на полпути. В перетягивании каната, который все еще есть и продолжается расторжением их брака, мои родители смотрели на моих двух братьев и меня, как на главный приз. Когда мы отказались принимать, чью — либо сторону, она усилила игру. Теперь, когда есть связанный с нами бизнес, она во всем обвиняет моего отца. А он, тем временем, слишком занят своей двадцатилетней девушкой, и даже не помнит, что компания все еще существует.

— Речь идет о Данте Кастро, — я останавливаюсь на мгновение, прежде чем продолжить, тщательно обдумывая следующие свои слова. — Он талантливый дизайнер, но у нас нет места для него. Тебе нужно отменить предложение, которое ты ему сделала.

После моих слов, ее челюсть напрягается.

— Я не сделаю ничего подобного. Я уже позвонила нескольким своим друзьям, чтобы сообщить, что он возглавит мужской отдел.

По последним подсчетам, она позвонила своим контактам в четырех ведущих модных журналах. Каждый из которых обратился ко мне в последние два часа, чтобы узнать мою реакцию на объявление, что моя мать обеспечила работой неизвестного дизайнера, чьи таланты сомнительны, но это заставит ревновать моего отца. Я не собираюсь передавать бразды правления над нашей мужской линией одежды кому — то, чьей гордостью является проектирование футболок с логотипами любителей скейтбординга.

— Ты должна позвонить ему прямо сейчас, — я слегка нажимаю пальцами на ее левое колено, — Он нам не подходит.

— Он нам идеально подходит, — она начинает дуться, выпячивая вперед нижнюю губу. — Габриэль, я уже сделала объявление. Как это будет выглядеть, если я не дам ему эту работу?

Я шумно втягиваю воздух, желая сказать ей, что вакансия уже занята одним из самых креативных дизайнеров в современном мире. Это плохо скажется на ее глухих, а теперь еще

и расстроенных ушах.

— Дай мне слово, и я заставлю его исчезнуть до официального анонса.

— Сделай это, — говорит она, разглаживая ткань своих темно — синих брюк. — Исправь это так, как ты всегда делаешь.

Глава 3

Айла

Я нервно шарю в своем смартфоне, пока мы сидим в приемной «Фостер Энтерпрайзес». Сесилия прилипла ко мне со своим планом: доставить открытые коробки со скользящими кружевными подвязками в кабинет мистера Фостера.

Мы буквально запикивали сумки Liore в багажник такси рядом с магазином. Короткая мысль о том, что теннисные туфли, которые уже находились в тесном пространстве, пахли, как труп человека, промелькнула в голове, но Сесилия так нервничала, что забыла, что я еду с ней.

Мы сидим здесь почти тридцать минут, и как минимум двадцать Сесилия потратила на что — то вроде репетиции, которая звучала, как ночной рекламный ролик о неоспоримых заманчивых качествах подвязок с безумно завышенными ценами, которые мы принесли.

Если бы она удосужилась спросить о моем мнении, но она не спросила, я бы сказала ей, что если одно единственное, что требует мистер Фостер, это честность, критика о качестве материалов и о расположении крючков для зажимов — это было бы на первом месте в моем списке.

— Тебе нравится работать в магазине?

Мой взгляд отрывается от увлекательной игры на моем телефоне и направляется к лицу женщины, которая нас встретила возле лифта и провела в приемную мистера Фостера. Пространство большое и светлое. Мебель изысканная, а стены окрашены в светло — серый цвет.

Единственное яркое пятно — это женщина за столом, София. У нее легкий южный акцент, который напоминает мне мою учительницу в третьем классе. Она красивая, но только когда молчаливая и скромная.

Я взглянула в сторону Сесилии, которая до сих пор в режиме подготовки. Я жду, когда двери кабинета мистера Фостера откроются, но этого не происходит. Разговор о работе, которую я могу потерять, не помогает моей нарастающей тревоге. Если меня уволят, то я хочу знать, чтобы не терять время и начать искать новую работу, пока мое будущее действительно начинается.

— Это замечательное место для работы, — я стараюсь звучать так искренне, как могу. — А вам нравится здесь работать?

Наступает небольшая пауза, пока ее глаза устремляются через комнату к закрытой двери кабинета. Я вижу колебание в ее глазах, прежде чем слышу это в ее словах:

— Мне очень повезло с этой работой.

Я должна надавить и спросить о большем, но намек на ее рассерженный тон не располагает. Я скорее всего буду уволена из «Фостер Энтерпрайзес» в течении часа, так что, возможно, я вижу ее глаза в последний раз.

Я прочищаю горло в намерении сказать какую — нибудь банальщину про погоду или

ветер, который внезапно подул в городе во второй половине дня, но как только я собираюсь заговорить, двери кабинета мистера Фостера распахиваются.

Сесилия и я в унисон поворачиваемся к красивой женщине, выходящей из двойных дверей, которая одета в темные брюки и белую блузку. Когда она поворачивается, то темно — каштановые волосы рассыпаются по ее плечам. Оттуда, где я сижу, не видно человека, к которому она тянется, но я знаю, что это должен быть он. Всего через несколько секунд, она это подтверждает приглушенным тоном.

— Ты всегда был моим любимчиком, Габриэль. И всегда им будешь.

Глубокий смех заполняет пространство, когда он, делая шаг, оказывается в поле зрения и берет ее за руку. Он подносит ее руку к губам, и смотрит на нее.

— Эшер твой любимчик, мама. И все это знают.

Она коротко качает головой, и тянется к нему, чтобы поцеловать его в щеку.

— Мистер Фостер, — Сесилия игнорирует любое чувство порядочности и прерывает нежный момент, вскакивая на ноги. Ее руки пробегают по юбке ее простого коричневого платья, — мы пришли чуть раньше, сэр. Вы сказали нам быть здесь в четыре. А мы приехали в три пятьдесят. Я говорю это, чтобы вы знали.

После ее слов, его глаза переходят от матери к Сесилии, а потом и на меня, чуть задерживаясь, пока его мать не гладит его по груди.

— Хочу ли я знать, о чем идет речь? Что эти двое делают тут со всеми этими сумками Liore? Это какая — то доставка одежды? Они работают в приюте?

Я еле сдерживаюсь, чтобы не рассмеяться над ее словами, что мы собираем дорожное белье, чтобы одеть нищих города. Если этот комментарий меня забавляет, то Сесилия наоборот сводит с ума.

— Я менеджер бутика Liore, мэм. Вы ведь Джанна Фостер?

Протянутая рука Сесилии на мгновение зависает в воздухе, прежде чем Джанна пожимает ее.

— Я Джанна Фостер. Что вы здесь делаете? Если вы управляете магазином, вы должны быть там?

Да, миссис Фостер, она должна. Вместо этого, она притащила свою задницу сюда вместе с подвязками, хотя я должна была прийти одна.

— Я принесла несколько образцов из нашей новой коллекции, — она дико машет руками перед собой и неуклюже натывается на мешок сзади и все содержимое мешка падает на полированный пол.

Джанна строит гримасу, и указывает на беспорядок рядом с Сесилией.

— Посмотри, что ты наделала.

Прежде чем Сесилия поворачивается, чтобы собрать подвязки, я уже стоя на коленях, обратно заталкиваю их в мешок. Я была бы счастлива остаться там, где я стояла, но чтобы сохранить свою работу, я должна произвести хоть какое — то впечатление на Габриэля Фостера. Это возможно мой единственный шанс.

Тишину в комнате нарушает стук каблуков о мраморный пол. Я мельком вижу черные оксфорды, прежде чем они полностью появляются в поле зрения. Я не сразу понимаю, что происходит, пока не вижу его на корточках рядом с собой. Я делаю глубокий вдох, надеясь, что он не уволит меня перед всеми этим женщинами, пока я стою на четвереньках с бельем в руках.

— Позвольте мне помочь, — его дыхание обжигает мою щеку, когда он наклоняется,

чтобы поднять несколько образцов.

Я только тихонько киваю, но мое дыхание перехватывает, когда наши руки случайно соприкасаются. Прикосновение, в сочетании с запахом его изысканного одеколona и звука его голоса, вскружило мне голову. Я закрываю глаза в надежде отогнать искушение прислониться к нему.

— Ты сейчас занят, сынок, — голос Джанны заставляет Габриэля подняться на ноги. — Я ухожу. Позвоню тебе завтра.

— До завтра, — повторяет он. — Я позабочусь о том деле, которое мы обсудили, до конца дня.

Как только я встаю, Джанна с пальто в руках и сумочкой, поворачивает за угол в сторону лифта.

— Мистер Фостер, — Сесилия встает прямо перед Габриэлем. — я готова показать вам образцы.

— Образцы? — его руки тянутся к серебристому галстуку. Он его поправляет, продолжая глазами изучать мое лицо. — Это образцы, которые были доставлены на прошлой неделе?

— Это они, — она проходит с двумя сумками мимо него в офис.

Я следую ее примеру, потому что сейчас Сесилия буквально управляет этой встречей с ее неуместной мыслью приехать со мной в офис «Фостер Энтерпрайзес». Мистеру Фостеру кажется, далеко не наплевать на все эти вещи, которые мы притащили с собой. Может быть, я недооценила то, что произошло в магазине.

Я беру оставшиеся два мешка и направляюсь в его кабинет. Но облегчение, которое наступило, исчезает в ту же секунду, когда он берет меня за локоть.

Его дыхание обжигает кожу на моей щеке, когда он наклоняется вниз, близко ко мне, его голос достаточно низкий, что только я могу разобрать его слова.

— Я хотел, чтобы ты пришла одна, Айла. Я думал, что я ясно дал понять это.

Черт. Просто замечательно.

Я не оборачиваюсь, чтобы посмотреть на него, когда он убирает руку. Я делаю глубокий вдох и вхожу в его кабинет, ожидая его следующего шага.

Глава 4

Габриэль

— Прошу прощения за задержку, — говорю я, как только закрываю двери позади себя. — появился вопрос, который я не мог проигнорировать.

Сесилия, менеджер бутика, энергично кивает головой в понимании, хотя сейчас около пяти часов. После ухода мамы, я отлучился в один из пустых залов заседаний и сделал звонок Данте Кастро, чтобы решить его карьерный вопрос. Я наполовину ожидал более бурной реакции на эту новость, но он воспринял все спокойно.

Я ожидал, по крайней мере, один или два вопроса о том, почему мы вообще предложили ему эту работу, но ничего подобного не случилось. Его голос поник, когда он сообщил, что все понял и на этом закончил разговор.

Я провел следующие тридцать минут, связываюсь с контактами в журналах, чтобы исправить то, что я называю *«просто небольшой недочет со стороны одного из наших*

внутренних менеджеров».

Я не вижу никакой нужды позорить мою мать. Если я не смогу найти путь, чтобы спасти ее от унижения, то Я его создам. Это все составные части управления и бизнесом, и семьей. Безусловно, помогло то, что я предложил каждому контакту свободный доступ за кулисы на наш показ во время недели моды в Нью — Йорке.

— Могу ли я начинать сейчас? — Сесилия буквально подпрыгивает с дивана, — я распределила подвязки на диване по цветам.

Я смотрю в сторону большого кожаного дивана, где меньше чем час назад сидели я и моя мать. На подушках и подлокотниках расположилось кружевное белье.

— Я сделала презентацию, — Сесилия смотрит вниз на смартфон в своих руках, — все мои заметки открыты. Я готова начинать, когда вы будете готовы.

В отличии от Сесилии, Айла сидит спокойно, скрестив ноги, а ее правая нога качается вверх — вниз. Ее руки покоятся на коленях, осторожно держа на месте подол юбки ее розового платья.

Когда я вошел в комнату, только голова Сесилии повернулась в мою сторону. Плечи Айлы были несколько напряжены, но они расслабились, как только заговорила ее менеджер. Я не упоминал о том, чтобы Сесилия пришла в мой офис, когда был в магазине ранее. Я не уверен в том, что Айла сделала, чтобы убедить своего босса, но это впечатляет. Я восхищаюсь ее креативностью и упорством. Хотя это ничего не меняет.

Предложения Айлы было достаточно, чтобы продлить приглашение. Вне зависимости от того, кто делает предложение, сексуальные услуги для клиентов являются основанием для увольнения. Она может быть новенькой, но нет места для оправданий. Любой сотрудник, который не следует рекомендациям компании — это расходный материал, даже если этот человек имеет лицо, которое парализует все движения, и тело, которое может поставить любого на колени.

Она застала меня врасплох, когда я пришел сегодня в бутик. Я заметил ее, прежде чем приблизился к ней. Я просто встал, как вкопанный у двери, наблюдая, как она возится с дисплеем. Мое намерение поговорить с Сесилией улетучилось в тот момент, когда я увидел Айлу.

Она поправляла каждое белье, ее нежные ручки позаботились о том, чтобы линии трусиков лежали симметрично на столе. Каждые несколько секунд она поднимала голову, чтобы просканировать место рядом с ней. Я понял это, как естественное желание найти себе следующего покупателя. Она была запрограммирована на охоту. Хоть ее руки и были заняты другим делом, но ее целью не было представить наш товар в самом лучшем свете, цель была в том, чтобы сделать еще одну продажу.

Мое тело моментально отреагировало, когда она повернулась в сторону, и я впервые увидел ее профиль. Щедрые изгибы ее тела под платьем просто манили. Она потрясающая, миниатюрная, и к тому же, я полагаю, невероятно трахается. Она также как минимум на десять лет моложе меня.

Когда она посмотрела мне в глаза и предложила поехать ко мне в офис, мой член напрягся. Я был уже твердый, пока Сесилия не коснулась моего плеча, и не напомнила, где я нахожусь.

Бизнес есть бизнес, и здесь нет места удовольствию. Я держу их отдельно из необходимости. Я никогда не прикасался к женщине, которая работает на меня. Это бы привело к своего рода осложнениям, на которые у меня нет ни времени, ни склонности.

— Я впечатлена образцами, мистер Фостер, — Сесилия начинает то, что, я знаю из опыта, будет нудной и долгой презентацией к каждому кружевному белью, которые мы заказали несколько недель назад. Женщина хорошо делает свою работу, но она очень замкнута, — Я могу пройти по ключевым моментам для вас.

Или ты можешь просто убраться отсюда, и я смогу перекинуть Айлу через колени.

Я качаю головой, отгоняя эти мысли прочь, и не отрываю глаз от Сесилии.

— На ваш взгляд, они наравне с другими коллекциями Liore?

— Конечно, сэр, — счастливо щебечет она, — наши клиенты будут в восторге от них.

— Я не согласна, — мягко вставляет Айла, — мне они вообще не нравятся.

Я чувствую, как начинаю улыбаться, но я сдерживаюсь, и поворачиваюсь к ней лицом.

— Вы не согласны?

Она делает небольшой вздох, а ее язык пробегается по нижней губе, увлажняя ее.

— Я бы не стала носить ни одно из них.

Сразу же мою голову заполняют мысли о голой Айле, но я быстро их прогоняю, потому что знаю, что, вероятно, через несколько часов я буду глубоко в женщине, которую встречу в клубе, что больше никогда не вспомню этот образ. Я легко смогу прогнать это желание, я это чувствую. Я делал это уже много раз, когда я чувствовал тягу, я знал, что должен сопротивляться.

— Айла, — Сесилия повышает голос. — ты не можешь так говорить.

— Я не собираюсь втюхивать ему эту фигню, — выплевывает она в ответ. — Эти образцы не заслуживают места в бутике. Вы даже не потрудились взглянуть на них поближе.

— Мистер Фостер, не обращайтесь внимание. Айла — новенькая. — Сесилия проходит мимо меня к дивану, — она молода. Ей всего двадцать. Она не понимает этот бизнес и то, как мы его ведем.

Это опять же доказывает, что не надо судить книгу по обложке. По большей части я думаю, что слова имеют значение, но не во всех случаях. Когда Айла поднимается со стула, я с восторгом наблюдаю за ее покачивающимися бедрами, пока она направляется к Сесилии.

Она двигается с такой грацией, что большинство женщин, которые даже в два или в три раза ее старше, никогда не овладеет таковой. Она чувственная, спокойная, и в ее голубых глазах бушуют искры.

— Что вы носите под платьем? — она останавливается всего в нескольких дюймах от Сесилии и ее руки упираются в бедра.

Я придвигаюсь ближе, заинтригованный вызовом в ее голосе. Сесилия разворачивается на каблучках, и ее руки подпрыгивают, чтобы скрестится на ее груди. Она по меньшей мере, на четыре дюйма выше, чем Айла, но язык их тел не оставляет ни малейшего сомнения в том, кто стал жертвой.

— Почему ты спрашиваешь у меня что — то подобное? Это не твое дело.

Я стою рядом с ними и наблюдаю за этим представлением. Айла уверена в себе и спокойна, и не отрывает глаза от Сесилии. Ее губы немного приоткрываются, прежде чем она наклоняет голову влево и смотрит на подвязки и каблуки ее менеджера.

— Вы не носите белье Liore?

Руки Сесилии импульсивно тянутся к тонкому коричневому ремню на ее талии и она одергивает его.

— Ты нарываешься, Айла. Никого не интересуют мои трусы.

— Это Liore или нет? — Айла слегка шевелит ногой и указывает, открывая свои

подтянутые и загорелые ноги.

— Я не буду на это отвечать, — взгляд Сесилии падает на пол. — у меня нет ответа.

— Вы только что на него ответили, — говорит Айла тихо, после обходит Сесилию. — я знала это, когда впервые вас встретила.

— Знала что? Ты ничего не знаешь обо мне.

— Ошибаетесь, — Айла берет скользкие подвязки и качает ими в воздухе между ними обеими, — Я знаю, что вы покупаете трусы в универмаге. Я полагаю, они из белого хлопка. Вы покупаете их в упаковке, по три или четыре штуки, и пока ты там, берете лифчик со стойки, не примеряя. У вас размер «32Б» ведь?

Сесилия скрещивает руки на груди.

— Да, но...

— Как вы можете их судить, если вы их никогда не носили? — Айла поднимает трусики. — Кружево непрочное и шершавое. Оно может царапаться.

Я держу руки в передних карманах штанов, заинтригованный сценой передо мной. Я знаю, что я должен вмешаться и спасти Сесилию от урока правильного выбора белья, но слишком заморожен Айлой, чтобы вмешиваться.

— Застежки неудобные и труднодоступные, — Айла переворачивает одежду. — Вам придется попросить кого —нибудь помочь его надеть. Это уже нарушает планы.

— Какие планы? — спрашивает Сесилия с невинной легкостью.

Айла опускает подбородок, и легкая лукавая улыбка трогает ее губы.

— Многие из наших клиентов приходят в наш бутик, чтобы купить что — то для особого случая.

Сесилия пожимает плечо.

— Я не понимаю.

— Когда я надеваю что — то подобное, — Айла начинает, держа трусики перед собой, — в последний раз, когда я надела что — то такое, мне пришлось все сделать самой, и мой парень увидел меня в этом в конце свидания, как и планировалось.

Парень.

Это слово застрекает в горле, дыхание перехватывает, а в животе образовывается тугой узел. Естественно у нее есть парень. Каждый мужчина с мозгами будет добиваться ее и сражаться за первый шанс. Скорее всего, это — студент с вечным стояком, ничем не интересующийся, кроме своих собственных проблем. Кем бы он ни был, я сомневаюсь, что этот говнюк дает ей все то, чего она хочет или в чем нуждается. Если бы он это делал, то сегодня днем она не предложила бы мне приехать в мой офис.

Господи. Что я с собой делаю? Она работает на меня. У нее есть чертов парень.

— Вы же знаете, что каждый месяц имеете право получать бесплатное белье на сумму в триста долларов? — Айла сует трусики в руки Сесилии. — вы должны носить это белье, если вы продаете его.

— Мы не можем просто брать товар с полки, — вздыхает Сесилия, — Айла, а ты пользовалась этой услугой? На тебе сейчас белье Liore?

— На мне пуш — ап, из коллекции «Очарование», с телесным кружевом, и соответствующие V — образные трусики.

Я перехожу к попыткам скрыть реакцию своего тела на эти слова. Я чувствую, как жар охватывает мое тело, пульс учащается. Мой член начинает болеть, буквально болеть, натягивая боксеры.

Я возглавлял этот отдел в течении нескольких месяцев. Я видел много шикарных женщин в нашем белье, но ни одна из них не заставляла меня так реагировать. Это глубокое, интенсивное и, на данный момент, совершенно нежелательное чувство.

— Это указано в справочнике сотрудника, — спокойно говорит Айла. — я спросила у Уоллис, когда только начала работать в магазине, и она показала мне все документы, которые я должна заполнять каждый месяц.

Это еще одна причина, почему я попросил Уоллис Кларксон взять на себя ответственность за управление бутиком. Я пригласил ее из другого отдела по надзору, когда магазин открывался. Но она настаивала, что Сесилия идеальный кандидат для менеджера бутика. Вот почему она временно вышла работать консультантом. Сесилия отвечает за организованность в магазине, в чем я начинаю сомневаться.

— Она права, Сесилия, — я прерываю, нуждаясь в том, чтобы побыстрее закончить эту встречу. На самом деле, это случится не так быстро. — Это одно из преимуществ твоей должности, и ты должна этим воспользоваться.

Глаза Сесилии переходят от Айлы на меня.

— Я сделаю это, сэр. Я начну носить белье Liore каждый день.

Глава 5

Айла

По крайней мере, я сегодня переубедила Сесилию в вопросе ношения в не — такого — жаркого белья сотрудниками Liore. Если бы у меня было терпение, и хоть какой — нибудь интерес, я бы также предположила, что, одеваясь на работу, она прекратит ежедневные набеги на шкаф своей бабушки.

Кто я такая, чтобы судить? Она, очевидно, выйдет отсюда с работой, а меня, скорее всего, направят прямо в... ну, в мою квартиру. Я слишком устала, чтобы сегодня вечером даже думать о поиске новой работы.

Я пыталась произвести неизгладимое впечатление своим знанием нижнего белья Сиссели. Она может поверить, что я могу сказать, что она носит простые белые трусики и бюстгалтеры, потому что это очевидно из ее поведения.

По правде говоря, в один прекрасный день я мельком увидела ее после работы в комнате персонала, переодевающуюся в свою повседневную одежду: отвратительные желтые штаны и соответствующую блузку. Вот когда я заметила, что она ней не одето ничего из того, что продается в бутике. Вообще — то это — тот образ, который навсегда будет выжжен в самых дальних уголках моей памяти.

— Айла права. — Мистер Фостер потирает пальцами кружево одной из бретелек пояса с подвязками. — Это вообще не то, что я ожидал. Я это не одобрял.

Сесилия делает шаг к месту рядом с ним, ее руки жадно тянутся вниз, чтобы поднять черные подвязки.

— Я должна согласиться. Наши клиенты определенно не нашли бы их приемлемыми.

Да, чтоб тебя, Сесилия. В самом деле? Теперь, ты со мной согласна?

— Упакуйте их и отправьте обратно. — он бросает подвязки на диван. — Я завтра сделаю необходимые звонки и отправлю новый образец из материалов, которые я одобрил.

— Я могу принести его в Ваш офис, как только он прибудет. — бормочет Сесилия себе

под нос, пока заталкивает подвязки обратно в сумки.

— Конечно — говорит она, кивая головой. — В конце концов, я за это отвечаю.

Я закатила глаза, не заботясь о том, уловит Габриэль Фостер это движение, или нет. Я чертовски сомневаюсь, что сохранила свою работу. Я никоим образом не утешаю себя надеждой, что он не вспомнит о том, что произошло в магазине ранее.

С тех пор, как мы приехали, он был завален тем, что разбирался с Сесилией и ее импровизированным собранием. Я ожидаю, что буду следующей в его повестке дня, что означает, что мне не только придется столкнуться с его гневом, но я должна буду это сделать с Сесилией в качестве свидетеля. Если это не карма, то я не уверена, что именно.

— Вам нужно что —нибудь еще? — он скрещивает руки на груди, пока наблюдает за Сесилией, неловко обращающейся с сумками. — Я полагаю, что мы рассмотрели все, с чем вы сюда пришли.

— Да, спасибо, но если мне придет на ум что —нибудь еще, то я Вам позвоню. — она пихает своей ногой две сумки в мою сторону. — Мы с Айлой пойдем обратно в магазин и запакуем это. Она может забросить их в офис курьера по дороге домой.

Я поворачиваюсь, чтобы посмотреть на нее, понимая, что, если я действительно выйду отсюда с работой, мне придется делать все, что она говорит, учитывая, что она технически контролирует каждое мое движение в Liore.

— Айла не будет сопровождать Вас обратно в бутик. — он делает широкий шаг в нашу сторону. — Мне нужно с ней поговорить.

Лоб Сесилии хмурится, когда она изучает мое лицо.

— Я ее менеджер. Существует что —то, о чем мне нужно знать?

— Это вас не касается. — его глаза сосредоточены на моем лице. Я знаю, что он ждет, чтобы я на это отреагировала, но я этого не сделаю. Я не собираюсь ломаться перед своим менеджером. Я не хочу давать ей возможность даже мельком взглянуть на эту часть меня. Для нее, я просто еще одна в очереди женщин, которые будут работать на Liore в течение короткого времени, прежде чем они что —то испортят.

Я слышала, как она делилась своими историями с Уоллис, в то время как они выкладывали товар на полки. Я буду не первой и не последней женщиной, которая будет уволена из бутика мистера Фостера. Я просто не хочу быть единственной, которая была им уволена перед Сесилией.

— Должна ли я подождать в приемной? — она изо всех сил пытается поднять все четыре сумки. — Я могу там подождать, пока Айла не освободится.

— В бутике есть для вас работа. — он хватает ручки двух сумок. — Я прикажу Софии, чтобы она вызвала для Вас автомобиль. Водитель поможет с сумками.

В ответ она только слабо кивает, когда он ведет ее к дверям своего кабинета и дальше из моего обзора. Когда он закрывает дверь позади них двоих, я опускаюсь обратно в кресло, в котором сидела ранее, чтобы подождать того, что уготовила моя судьба.

***

— Если Вы собираетесь меня уволить, вы можете сделать это сейчас? — я постукиваю по мраморному полу носком одной из моих босоножек. Я вообще не двигалась с тех пор, так как он вернулся в свой кабинет и сел за стол. Он отсутствовал почти двадцать минут, которые для меня ощущались дольше, чем вечность. — Я не люблю играть в игры.

Мое предложение провоцирует слабую улыбку на его полных губах.

— Вам не нравится играть в игры? Произвожу ли я на Вас, Айла, впечатление, как такой человек, который участвует в играх?

Это провокационный вопрос. Судя по тому факту, что над входом в здание, в котором мы сидим, красуется его фамилия, я бы предположила, что Габриэль Фостер играл больше, чем в добрую долю своих корпоративных игр, чтобы быть хозяином положения в беспощадном мире моды. Модели одежды, созданные в его компании, популярны на самых известных мировых подиумах.

Линии «Arilia» для женщин и «Verdine» для мужчин задают тон для успеха компании. Эти модели классические и сложные.

Я взглянула на ценник двух платьев из весенней коллекции, когда несколько недель назад примерила их в бутике в Сохо. Я сделала несколько селфи в зеркале, прежде чем стянуть их со своего тела и передать обратно женщине, ожидающей за дверью примерочной. Она вздохнула себе под нос. Это был слабый звук, который нес осуждение кого — то, кто думал, что я не могу себе позволить дорогую ткань, использование которой подразумевал бренд «Arilia».

Я вышла из магазина и села в автобус, чтобы доехать на свою смену в Liore. Нижнее белье Liore является новым предложением бренда Foster, но оно уже хорошо продается и в течении некоторого времени, я бы хотела быть связана с этим брендом, посредством постоянного потока комиссионных вознаграждений. Это означает, что мне нужно попытаться спасти ситуацию и убедить Габриэля Фостера, что обычно после работы я не планирую тайных встреч в кабинетах мужчин, которые посещают магазин. Я могла отстаивать свою точку зрения, когда Сесилия была в комнате, но теперь есть только я, борющаяся за свою работу.

— Я не думаю, что Вы играете в игры. — я стараюсь казаться искренней. — Я этого не говорила.

Он наклоняется вперед, его темные глаза впиваются в меня.

— Вы предложили мне приватное шоу в комфортной обстановке моего офиса. Я хотел бы понять, что именно это влечет за собой.

Я нервно скольжу своими руками по тонкой ткани юбки моего платья. Я смотрю вниз на свои колени, бледный телесный лак на моих ногтях имеет сколы, оставляя неровный слой сияния, который ловит луч света, когда я скольжу руками к своим голым коленям.

— Айла? У Вас есть для меня объяснение? — спрашивает он, его голос меня пугает.

Я смотрю вверх и через стол, где он сидит. Это солидное место, откуда он ведет свой бизнес, и, по — видимому, также делает людям тонкие намеки. Сейчас он проделывает это со мной. Я знаю, что он ждет, что я отступлю. Такие мужчины, как он, всегда этого ждут. Они думают, что тот факт, что у них больше жизненного опыта, или более крупный банковский счет, означает, что они могут своими словами загнать меня в угол, или в некоторых случаях, с помощью их тел.

— Я такого никогда раньше не делала. — признаюсь я. — Я не делала такого предложения никому из мужчин, которые заходили в бутик.

Его левая бровь выгибается, когда поднимается вверх уголок его губ.

— Я был твоим первым?

Мои глаза путешествуют по его лицу, наблюдая за тем, как его взгляд скользит по моим губам, прежде чем упасть на мою шею. Он этим наслаждается. Он испытывает немного извращенное удовольствие от наблюдения за мной, ерзающей в этом кожаном офисном

кресле.

Он хочет, чтобы я сломалась и в извинении упала на свои колени, таким образом, я могу сохранить свою работу. Я вижу это в том, как его пальцы бренчат по краю стола. Он расслаблен и полностью, совершенно контролирует себя.

— Вы были первым. — я быстро прохожусь языком по своей нижней губе, внезапно чувствуя, будто воздух в его кабинете становится тяжелым и плотным. — Мне не следовало предлагать приехать в Ваш офис. Я не знаю, почему я это сделала. Я предполагаю, что не думала ясно.

Он поправляет свою серебряную запонку, затем другую, прежде чем изящно встать на ноги.

— Встань, Айла.

Я делаю это, потому что у меня нет другого выбора, хотя я и не уверена в том, что мои колени не согнутся от сочетания стресса и желания, которое я чувствую прямо сейчас. Я логически понимаю, что он позвал меня сюда, чтобы сделать мне выговор за нарушение одного из обязательных правил компании, но я не могу не задаваться вопросом, какой он, когда не одет в костюм, а его внимание сосредоточено исключительно на женщине, которую он жаждет. Он другой с тех пор, как выставил Сесилию. Энергия, которую он излучает, — непристойная, более интенсивная.

— В таком случае, политика компании ясна. — говорит он без каких — либо эмоций.

Скрежет в его голосе резонирует, заставляя меня отступить на шаг. Я скрещиваю руки на груди. Этот беспокойный жест направлен на то, чтобы помочь мне обрести свое хладнокровие. На кону моя здесь работа, и даже если я знаю, что завтра смогу устроиться в еще один розничный концерт, мне придется работать вдвое больше, чтобы заработать те деньги, я получаю в Liore. Мне просто нужно продержаться до моего дня рождения в следующем месяце.

— Я — лучшее, что у Вас когда — либо будет. — ляпнула я.

— Ты лучшее, что у меня когда — либо будет? — его голос понижается, когда он делает шаг ко мне. — Вам нужно объяснить мне это.

Я вздыхаю, понимая, насколько высокомерно звучат мои слова.

— Мои продажи больше, чем у всех остальных девушек вместе взятых. Я усердно работаю. Я подвигаю товар. Я — ценный актив для Liore.

— Я сегодня утром проанализировал цифры за прошлый месяц, когда получил их из бухгалтерии. — он кивает подбородком на своей стол. — Ваши продажи впечатляют. Я не собираюсь с этим спорить.

Я провожу кончиками пальцев по своему лбу, прежде чем посмотреть снизу вверх в его лицо.

— Мистер Фостер, сегодня ранее я сделала глупую ошибку. Я гарантирую, что это никогда не повторится.

Он бросает быстрый взгляд вниз на серебряные часы на своем запястье.

— Эта компания — продолжение моей семьи, Айла. Я ожидаю, что все до единого сотрудники «Фостер Интерпрайзес» будут следовать кодексу поведения, изложенному в руководстве сотрудника.

Да, я знаю, что нарушила кодекс, когда я, по существу, предложила приехать к нему в офис и организовать для него приватное шоу с показом нижнего белья.

— У меня нет оправдания за свое поведение, сэр. Я хочу эту работу. Мне нравится

работать на Liore. Все, о чем я прошу, — это второй шанс.

Он чуть — чуть наклоняет голову назад, пока его глаза меня изучают.

— Вы все еще на испытательном сроке. Один инцидент, как этот, — основание для его прекращения.

Мое сердце тонет в словах. Не то, чтобы я планировала всю жизнь продавать нижнее белье. Я этого не хочу. Сейчас я сомневаюсь, что охотно проработала бы здесь три месяца. Прямо сейчас мне нужны те деньги, которые дает мне эта работа, и эти рабочие часы, позволяющие мне заниматься одной вещью, которой я на самом деле увлечена, моей музыкой.

Liore никоим образом не является «всем» для меня. Это средство для достижения цели, и на данный момент, я не хочу отказываться от этого.

— Пожалуйста, помимо того, что произошло сегодня, примите во внимание характеристику моей работы. — я смотрю прямо в его карие глаза, уверенная в том, что чувствую: между нами что — то происходит. — Если вы дадите мне еще один шанс, я обещаю, что вы не пожалеть об этом.

— У меня нет уверенности, что это не то, что вы делаете на регулярной основе. — его голос понижается. — Вы казались очень спокойной, когда делали мне непристойное предложение.

Я была очень спокойна, потому что это было именно то, что я хотела. Магнитное притяжение, которое я чувствовала между нами в бутике, только усилилось с тех пор, как я вошла в его кабинет. Кто бы ни сделал ему непристойное предложение? Он безумно великолепен и горячий, как ад.

— Я думала, что Вы привлекательный. — начинаю я, прежде чем остановиться, чтобы сделать глубокий вдох. — Очевидно, что вы очень привлекательный, сэр. Я просто хотела немного повеселиться. Я обычно не делаю такие вещи. Я не такая.

— А какая Вы? — спрашивает он, напугав меня своим вопросом.

— Какая я? — повторяю я в ответ. — Я не уверена, что знаю, что Вы имеете в виду.

Легкая улыбка трогает его губы.

— Из того, что я видел сегодня, Вы — очень амбициозная, работающая женщина, которая не боится идти за тем, что она хочет. Помимо этого, что мои знания о вас ограничены тем, какая вы проницательная в отношении наших продуктов, и тем фактом, что у вас есть парень.

— Нет. — в спешке выдыхаю я. — У меня нет парня, но вы правы, я очень много работаю. Я считаю, что работаю больше, чем кто — либо в магазине.

Его брови приподнимаются.

— Нет парня? Вы упомянули о нем, когда говорили с Сесилией о нижнем белье.

Смущенная, я встаю на ноги, желая, чтобы он не требовал от меня оставаться на месте. Я чувствую себя выбитой из равновесия.

— Я имела в виду моего последнего парня. Мы встречались в Чикаго, прежде чем я переехала сюда. Он любил красивое нижнее белье.

— Понятно. — бормочет он себе под нос. — Я не правильно это понял. Хотя, я абсолютно правильно понял ваше непристойное предложение. Его было трудно не заметить.

— Я это понимаю. — говорю я, мой голос звучал странно и с придыханием. — Если бы я могла взять это назад, я бы это сделала. Это была ошибка, сэр. Все мы иногда их делаем.

Он слегка поворачивает голову, чтобы оторваться от моего взгляда, прежде чем сделать

шаг назад.

— Я должен быть кое — где этим вечером. Если бы не это, мы бы продолжили этот разговор, но мне нужно на этом его закончить.

Я ощущаю чувство паники подымающееся внутри меня. Это не имеет никакого смысла. Я должна взять свою уязвленную гордость и уйти, не оглядываясь назад, но я не могу. Я даже не хочу думать о том, чтобы пройти через еще одну серию собеседований, в попытке произвести впечатление на незнакомца только, чтобы получить очередную тупиковую работу. Я просто хочу продолжать ходить в Liore и продавать нижнее белье, пока моя жизнь не будет упорядочена.

— Мистер Фостер, я Вас не подведу. Я докажу Вам, что я — ценный актив. Я не сделаю снова то, что сделала сегодня. Даю Вам свое слово.

Он поворачивается, его руки подпрыгивают, чтобы застегнуть верхнюю пуговицу на его сшитом на заказ пиджаке.

— Очень хорошо, Айла. Мы вернемся к этому через несколько дней. Прямо сейчас у меня нет времени. Вы это переживете.

— Я могу завтра вернуться к работе? — мой голос меня предает, когда я звучу гораздо более возбужденной, чем являюсь на самом деле.

— Вы останетесь сотрудником. — начинает он, прежде чем остановить себя, его глаза приковываются к моим губам. — Вы останетесь сотрудником, на данный момент. Это мгновенно изменится, если вы пересечете еще одну границу.

Я не говорю ни слова. Быстро ему киваю, забираю свою сумочку и направляюсь прямо к дверям.

Глава 6

Габриэль

— Я скучала по тебе прошлой ночью, Габриэль. — ее голос предвкушающий и нетерпеливый. — Я ждала тебя, пока не было уже далеко за полночь.

Это слова женщины, с которой я больше никогда не буду спать снова.

Я сделал эту ошибку, более чем три года тому назад, когда мы встретились в клубе на Нижнем Ист — Сайде. Я был один, медленно попивал стакан скотча, когда она села рядом со мной.

Я там искал утешения, приехав сразу после того, как сорвалась коммерческая сделка. Я был зол, терзаем желанием и, когда ее рука коснулась моего бедра, то схватил ее руку и притянул к себе. То, что начиналось, как поцелуй между незнакомцами, закончилось тем, что через два месяца она валялась сломанной кучей на полу моего офиса.

Я привел ее в комнату отеля с почасовой оплатой через несколько минут после того, как мы встретились. Комната была маленькой, отвратительной, и предоставляла все, что мне было нужно: затащить ее в ту яму отчаяния, в которой я находился в то время. Я ее грубо трахал, использовал ее, и, когда дело было сделано, она снова об этом молила.

Я дал ей требуемое на следующую ночь и в течение бесчисленных ночей после этого, но не из — за того, что мое тело не могло ей сопротивляться. Это было бегством, которого я жаждал.

Каждая ночь была повторением предыдущей, но с меньшим количеством эмоций. Пока,

наконец, в одну ночь с каждым толчком моего члена в ее горле, я не почувствовал растущую пустоту. Когда я посмотрел вниз на ее лицо, покрытое смесью пота, ее помады, и моего освобождения, то обнаружил, что об этом сожалею.

Именно тогда я все и закончил; сказал ей, что это было не из — за нее, но, когда тянулись дни, а ее настойчивость росла, то мое терпение лопнуло. Она звонила, посылала сотни e — мейлов и сообщений, а затем, в тот день, когда она приехала в мой офис, одетая в один лишь плащ, я был настоль жесток, как никогда.

Я был холоден и черств, когда говорил ей о том, что она для меня ничего не значила. Я приказал ей выметаться из моего кабинета, моей жизни, и из города, если я правильно помню. Я хотел, чтобы она исчезла, и, когда схватил ее за руку, чтобы пихнуть к двери, то она рухнула. Она упала на пол, плача и шепча слова о своей любви и нашей связи.

Я стоял там, возвышаясь над ней, решительный и непреклонный, когда поднял ее обратно на ноги, застегнул пальто вокруг ее обнаженного тела и приказал охране сопроводить ее на улицу.

После этого я избегал тот клуб в течение более чем двух лет. Изгонял свою потребность в удовлетворении своих желаний, когда путешествовал. Я встречался с женщинами в Риме или Лондоне, а когда ночь заканчивалась, то они были забыты так же легко, как и фильм, который я смотрел во время полета туда.

Месяцы назад, когда я, наконец — то, решился вернуться в тот же клуб, она снова села рядом со мной, когда я заказал свой напиток. Я вздрогнул, когда она коснулась моей ноги. Швырнул ее руку на ее собственные колени, а потом я посмотрел в ее лицо, и когда это сделал, то увидел огромное отличие.

Она была замужем, развелась, и снова была помолвлена — и это все в течение тех нескольких лет, что мы не разговаривали. Она была там со своим женихом, банкиром, занимающим высокий пост на Уолл — стрит, которого она встретила на концерте. Я пожал ему руку, извинился и понял, что, в конечном }счете, ее отчаянное поведение за несколько лет до этого не имело ничего общего со мной. Все дело было в ее внутреннем импульсе найти кого — то, кто бы ей дорожил, и она это сделала.

— Как дела у Клинтона? — спрашиваю я лишь потому, что, если жених уже не играет значительную роль в ее жизни, то рядом со мной ей не место. — Когда свадьба?

— Твое приглашение на почте. — она, не колеблясь, садится за стол рядом со мной. — Ты будешь один или кого —нибудь с собой приведешь?

Я не знаю, существует ли в этом вопросе какой — либо большой умысел, помимо очевидного. Мы проделали долгий путь, и, хотя я никогда не включал ее в круг своих друзей, она мне больше и не враг. Существует часть меня, которую она видела, и которую мне нужно защищать; и сейчас искренность — наилучший способ добиться этого.

— К сожалению, у меня плотное расписание, Сэйдж, но я пришлю подарок. Где вы зарегистрированы?

Она игнорирует вопрос, предпочитая заказать напиток, когда подходит официант.

— Почему тебя бы не было в клубе? Я предполагала, что ты там будешь.

Я отталкиваю свой ленч в сторону, внезапно мой аппетит исчезает.

— Моя помощница сказала тебе, что я буду здесь?

Ее зеленые глаза сканируют шикарный интерьер «Аксель НЙ», прежде чем они снова останавливаются на мне.

— Я заглянула в твой офис, чтобы тебя перехватить. Она мне сказала, что у тебя какое

— то дело за ленчем, но, увы, ты здесь один.

Я делаю мысленную заметку проинструктировать Софию о тонкостях работы с Сэйдж Батлер, которые включают в себя: не говорить ни в коем случае Сэйдж, где я нахожусь.

— Чего ты хочешь?

Ее взгляд падает на официанта, который в настоящее время приближается с ее бокалом мартини с долькой лимона.

— Мне нужно сделать глоток, прежде чем мы поговорим.

Мне нужна целая бутылка виски, прежде чем я смогу вести полномасштабную беседу с Сэйдж, но во второй половине дня у меня намечены три встречи, которые требуют моего полного внимания. Бокал, который я наполовину выпил, — это мой лимит на день. Я должен буду полагаться на него, чтобы справиться с оставшейся частью моего ныне испорченного ланча.

Она осторожно потягивает напиток, покатывая жидкость на своем языке, прежде чем ее проглотить. Немного откидывает назад свою голову. Мужчина, сидящий за столом рядом с нами, следит за ее движениями, его глаза сосредоточены на ее коротких черных волосах. Они беспорядочно уложены, что только еще больше отражает женщину, которой она может быть. Все остальное в ней — безупречно, вплоть до ее дорогих туфель на каблуках и впечатляющего кольца с бриллиантом, украшающего ее левую руку.

— В чем дело, Сэйдж? У тебя есть пять минут до того, как мне нужно уходить.

Мои слова встречены ее хмурым взглядом и еще одним глотком мартини.

— Почему тебя не было в клубе? Я хотела с тобой поговорить. Я там кое — кого встретила, думаю, тебе понравится.

Я тру заднюю часть своей шеи, когда смотрю на официантку, разговаривающую с парой, стоящей у входа. Ее волосы светлые и прямые, спускаются чуть ниже подбородка. Она худая, как вешалка, неуклюжая и, из того, что я увидел, плохо выполняет свою работу.

Я ее заметил в тот момент, как уселся. Я краем глаза заметил цвет ее волос, что привлекло мое внимание. Это тот же самый оттенок, что и у Айлы, но на этом сходство заканчивается. Краткое напоминание о женщине, которая убедила меня дать ей второй шанс, был моим спутником на протяжении всего моего ланча.

Черт, она была у меня в голове с тех пор, как вчера вечером покинула мой кабинет, оставляя за собой след своего аромата. Состоящего из простого сочетания жасмина и ее кожи. Он был легким, воздушным и опьяняющим.

По существу, я вытолкнул ее за дверь, чтобы остановить искушение, которое чувствовал: желание подтолкнуть ее к тому, что она собиралась сделать, когда предложила приехать в мой офис. Я бы хотел услышать эти слова. Я хотел, чтобы она сказала мне, шаг за шагом, что бы произошло, если бы я не был Габриэлем Фостером, человеком, владеющим Liore, а потом я хотел, чтобы она мне это показала.

Я налил себе выпить и сидел в своем кресле после того, как ушла София. Смотрел на огни нижней части Манхэттена в то время, как меня захватили видения о том, чего у меня никогда не будет.

Айла обнаженная на диване в моем кабинете с широко расставленными ногами, а мое лицо похоронено между ее бедрами.

Айла в моей постели, ее совершенная круглая попка в воздухе, когда тишину заполняет лишь ее жадное хныканье.

Я беру то, что хочу от женщин, которых желаю. Как только я их поймел, то очень легко

отталкиваю их в сторону в пользу того, кто ждет за углом. С большинством женщин это великолепно срабатывает.

Я знаю себя достаточно хорошо, чтобы знать, когда одного кусочка будет недостаточно. Именно так было бы с Айлой. Я это почувствовал в тот момент, когда она повернулась ко мне в бутике и посмотрела в мои глаза. Она обладает силой, чтобы разрушить мужчину, поставить его на колени в жалком отчаянии.

Я сомневаюсь, что она это даже понимает. Она была в блаженном неведении о своем влиянии на меня.

Было больше часа ночи, когда я, наконец — то, позвонил своему водителю и вышел из кабинета, направляясь домой в просторный, пустой пентхаус, ради которого я так тяжело работал. Я принял душ, не холодный, но прохладный. Он не сделал ничего, чтобы подавить мое желание. Я знал, что мог бы гладить свой член, пока бы не кончил, но это бы уменьшило только физическое давление. Ничто не успокоит удушливую потребность или желание.

Я ее не знаю.

Я не могу ее иметь.

Мне нужно ее забыть.

— Габриэль, ты меня не слушаешь?

Я прошелся рукой по своим волосам.

— Я не заинтересован, Сэйдж.

— Я тебе даже о ней не рассказала. — она допивает свой напиток одним быстрым глотком, ее язык вырывается наружу, чтобы слизать с ее губ любую пролившуюся жидкость. — Она идеально тебе подходит. Я знаю, что тебе нравится. Тебе не повредит, если ты с ней встретишься.

Я смеюсь, когда открываю свой бумажник, чтобы достать несколько купюр. Бросаю их на стол, когда встаю, протягиваю руку, чтобы поднести стакан виски к моему рту. Выпиваю все, что там есть. Жидкость прожигает горячий путь через язык в мое горло.

— Мне не повредит, но мы оба знаем, что это повредит ей.

Глава 7

Айла

— Ты не оставила записку, Айла. — его голос потрясает меня, когда я иду через порог и в свою квартиру. — Я проснулся, а тебя уже не было.

Я останавливаюсь на своем пути и пялюсь на него. Он одет в серые тренировочные штаны и больше ни во что. Его твердая грудь на полном обозрении, хотя он знает, что не должен бродить полуголым. Она его постоянно за это пилит. Она может быть моей самой лучшей подругой, но, видимо, у нее мало доверия относительно того, что я не брошусь на ее бойфренда.

— Найджел. — говорю я тихо его имя, в надежде, что смогу найти хотя бы футболку, которую он может набросить, прежде чем Кассия проснется и обнаружит, что он не с ней в постели. — Надень какую — нибудь одежду.

— Ты сказала, что сегодня утром мы поговорим о кое — каких вещах. — он идет к дивану, делая большие шаги. Я испытываю немедленное чувство облегчения, когда он натягивает через голову синий свитер. — Я встал рано, чтобы мы могли это сделать.

Я тру рукой свое лицо, убирая на место несколько своенравных прядей своих волос.

— Я пошла на пробежку. Мне нужно было сжечь чуть — чуть энергии.

Его глаза сканируют коридор, останавливаясь, чтобы сосредоточиться на двери спальни Кассии.

— Она крепко спит. Прошлой ночью она опять работала допоздна.

Я не могу сказать, что удивлена. Кассия Монктон — это сама суть сосредоточенности и упорства. Мы вместе ходили в среднюю школу в Чикаго, и как только мы ее закончили, то ее жизнь направилась в совершенно ином направлении, чем моя.

Она переехала на Манхэттен, чтобы посещать «Колумбийский университет», у нее была полная стипендия. Она заняла место стажера в «Hughes Enterprises», в их подразделении по разработке программного обеспечения. Ее жизнь шла по тому пути, который она запланировала даже прежде, чем мы встречались.

Единственное, что отсутствует — это муж, о котором она всегда говорила, когда мы были моложе. Найджел, кажется, думает, что отвечает всем требованиям, но я знаю лучше. Кассия не стесняется, когда речь идет о нашем с ней доверии, Найджел — это приятное, временное развлечение.

Она почти на год моложе меня, и в двадцать лет, последнее, что у нее на уме — это свадьба. К сожалению, это единственное, что на уме у Найджела, именно поэтому он запланировал этот разговор, который я тщетно попыталась избежать, отправляясь на пробежку на рассвете.

— Я не мог спать. — признается он, когда садится на белый диван. — Слишком нервничал.

Я иду в открытую кухню.

— Я собираюсь взять бутылку воды. Ты что — nibудь хочешь?

— Я хочу, чтобы ты пошла со мной и помогла мне выбрать обручальное кольцо.

Моя рука останавливается на полпути в воздухе, когда я тянусь к холодильнику. Я делаю глубокий вдох. Не хочу быть в центре всего этого. Я делала это слишком много раз в старшей школе, когда Кассия не могла набраться смелости, чтобы порвать с ребятами, с которыми встречалась. Она звонила мне, плача, умолять меня быть той, кто позвонит ее бойфрендам, чтобы их бросить.

Я всегда отказывалась, и каждый раз, вместо того, чтобы проявить порядочность, она медленно отдалялась, заканчивая отношения тем, что игнорировала парней, которым когда — то признавалась в любви.

В один прекрасный день между нами был вбит клин, когда я взорвалась, крича на нее за то, что она бессердечная. После этого мы не говорить в течение нескольких месяцев, но потом во вторник рано утро, когда навсегда моя жизнь изменилась, она пришла ко мне домой и поддерживала меня. Она все еще по — своему меня поддерживает, а я все еще пытаюсь направлять ее, чтобы она считалась с сердцами мужчин, которые слишком легко в нее влюбляются.

— Ты не хочешь покупать кольцо прямо сейчас. — наконец — то, говорю я, когда откручиваю крышку бутылки с водой. — Почему бы не подождать до ее дня рождения?

— До него еще несколько месяцев. — обращает внимание он. — Я не могу ждать так долго.

Я делаю большой глоток воды, держа ее во рту, прежде чем проглотить, надеясь, что тишины в комнате будет достаточно, чтобы отправить его обратно в комфорт кровати

Кассии. Это не работает.

— Мне нужно, чтобы ты мне с этим помогла, Айла. — он обхватывает ладонями свой лоб. — Если я ее не спрошу, и все изменится, то всегда буду об этом сожалеть.

Это точно. Сомнение. Он это чувствует.

Не удивительно, учитывая тот факт, что сейчас Кассия не проводит с ним почти столько же времени, как это делала шесть месяцев назад, когда они только начали встречаться. В те времена она не могла заткнуться о том, кой Найджел идеальный. Теперь, большую часть времени, его имя упоминается только тогда, когда она говорит мне о том, что она не знает, что действительно хочет.

В один день он путался под ногами. На следующий день, когда она не слышит от него вестей в течение нескольких часов, то безостановочно пишет ему сообщения, и я избегаю приходить домой, опасаясь услышать, что эти двое занимаются сексом в своей комнате. Половину времени она его не хочет, а другую половину — готова ради него на все. Все, что я могу сделать, это держаться от них обоих на достаточном расстоянии, чтобы не быть втянутой в гуцу событий. Сейчас я пытаюсь сделать именно это, но Найджел не облегчает мне этого.

— Ты пойдешь со мной, чтобы посмотреть на кольца? У меня есть время завтра.

— Завтра я занята. — ляпаю я в ответ без учета свое расписания. — Кассия не очень любит сюрпризы. Подумай об этом, прежде чем что —нибудь сделать.

— Конечно. — хмуро говорит он. — Я об этом подумаю.

Я делаю глубоко вздох от облегчения, когда смотрю, как он встает, идет по коридору и исчезает в темноте комнаты Кассии

***

— О чем Вы с мистером Фостером говорили после того, как я покинула его кабинет? Это было обо мне?

Да, Сесилия, конечно, это было о тебе. О чем еще может захотеть говорить самым горячий мужчина, которого я когда — либо видела, как не о тебе и твоём гардеробе, который, кажется, с каждым днем становится все более уродливым?

— О погоде. — выстреливаю я, когда быстро, но внимательно ее осматриваю. Я надеялась, что мои глаза меня обманули, когда двадцать минут назад вошла в бутик, но это действительно был разноцветный брючный костюм в сочетании с зелеными ботильонами. Она выглядит, как радуга, врезающаяся в дерево.

Я выбрала короткое, платье с цветочным принтом и туфли зеленого оттенка. Мне следует закончить свои шуточки, если я сегодня хочу внимания клиентов. С тех пор, как я начала свою смену, то в бутик зашло всего три человека, они фактически остановились, чтобы поглазеть на Сесилию.

— О погоде? — повторяет она в ответ, пока вскидывает обе брови. — Мистер Фостер не производит впечатление человека, который говорит о тривиальных вещах. К тому же, зачем бы мне нужно было уходить, если вы об этом говорили? Я знаю, что это было обо мне.

Поезд ее эго явно покинул станцию и на бешеной скорости катился вдоль по рельсам. Я предполагаю, что топливом для этого является тот факт, что мистер Фостер позвонил десять минут назад, чтобы рассказать ей о новой рекламной акции, которую он хочет запустить в следующем месяце.

Я подслушала разговор, или, по крайней мере, ту часть, которую говорила Сесилия. Ее

голос был более высокого тембра. Она внимательно слушала, а потом задала ряд коротких вопросов, прежде чем поблагодарить его за звонок. Та улыбка, которая осветила ее лицо, когда она повернулась ко мне, раздражала меня так, как это не должно было быть.

Сесилия — пожизненный сотрудник Liore. Очевидно, что она планирует строить здесь свою карьеру, так что я не должна ее винить за то, что она хорошо делает свою работу. Мне следует контролировать свое отношение, если я собираюсь наметить новый курс. Я хочу эту работу в обозримом будущем, так что мне нужно делать то, что необходимо, и что включает в себя подчинение ее правилам. Она, в конце концов, мой босс.

— Что ты делаешь в последнюю среду месяца? — ее слова останавливают меня, когда я уже огибаю прилавок, направляясь к клиенту, который второй раз бросает взгляд на шелковые трусики.

— Что? Ты имеешь в виду 30-е число? — я поворачиваю назад, так что стою к ней лицом.

Она тихо кивает.

— Ты работаешь только до трех часов дня. Я должна работать до закрытия магазина, но мне нужно, поменяться сменами.

Я изучаю ее лицо, задаваясь вопросом, тестирует ли она меня. Это не имеет значения, делает она или нет, в тот вечер я занята.

— Мне очень жаль, Сесилия. Я не могу. У меня есть планы.

Я вижу, как что — то мелькает в выражении ее лица. Я не могу это распознать, так как оно исчезает слишком быстро.

— У меня тоже есть планы. Мои связаны с мистером Фостером.

Если она ожидает от меня какой — то реакции, то я не собираюсь реагировать. Я стою стойко, хотя мой мозг мчится. Габриэль Фостер и Сесилия? Если бы я поставила на это деньги, то проиграла бы. Мне не кажется, что она его тип, но что я знаю?

— Я попрошу кого —нибудь другого. — она смотрит через мое плечо. — Я не хочу разочаровывать мистера Фостера. Он ждет этого с нетерпением.

Уверена, что так и есть. Я не имею понятия, почему бы ему с нетерпением этого ждать, но каждому свое, как говорится.

— Ты должна выйти в зал, Айла. — ее пальцы указывают мне за голову. — Клиенты ждут.

Я бросаю быстрый взгляд в ту сторону, куда направлена ее рука: мужчина средних лет держит бюстгальтер на расстоянии вытянутой руки, его «Rolex» выглядывает из — под рукава его пиджака. Я улыбаюсь, когда иду прямо к нему, зная, что к тому времени, когда он выйдет из магазина, я заработаю половину своей арендной месячной платы.

Глава 8

Габриэль

— В кого теперь ты «вставляешь свой болт»?

Мне не нужно смотреть, чтобы знать, кто стоит в дверях моего кабинета. Это — тот же вопрос, который он задавал мне с тех пор, как мы были подростками, живущими в тесном особняке. Тогда он был таким же дерзким и откровенным, как и сейчас. Тот факт, что он недавно женился, вообще не сделал его более сдержанным. Калев, мой младший брат,

никогда не изменится.

— Закрой дверь. — мои глаза остаются прикованными к планшету.

— Это же не та женщина из бухгалтерии, да? — отрывисто спрашивает он, когда захлопывает за собой дверь. — Когда я был там на прошлой неделе, то мельком увидел ее компьютер, и ты, мой дорогой брат, у нее на заставке.

— Я что? — я, наконец — то, смотрю вверх. — У кого?

— Я не знаю ее имени. — он опускается в одно из кресел перед моим столом. — Она рыженькая с чокнутыми глазами. Она работает на третьем этаже в кабинке возле лифта.

— Я с ней не знаком. — говорю я с ухмылкой. — Я у нее на заставке?

Он кивает.

— Это фото, где ты одет в смокинг. Должно быть, она скачала его с корпоративного веб-сайта. Ты хорошо в нем выглядишь. Держу пари, что она «нажимает на выключатель», глядя на фото, когда все остальные в ее отделе уходят в конце дня.

— «Нажимает на выключатель»? — я изгибаю бровь.

— Ну, ты знаешь, она «слегка ударяет по своей фасолинке», делает «двойной щелчок мышкой». Ты — ее сладенький, когда она...

— Заткнись. — я буквально содрогаюсь при этой мысли. Я не имею ни малейшего понятия, какую сотрудницу он имеет в виду, но я не обращаю внимания на взгляды, которые бросают на меня некоторые работающие в здании женщины, когда я каждое утро вхожу в вестибюль. Кроме того, довольно часто во время поездки в переполненном лифте какая — нибудь женщина прижимается ко мне своим телом.

Я был свидетелем того, как то же самое происходило с Каледом. Это все еще происходит, в некоторой степени, но многое изменилось с тех пор, как он женился на Роуэн Белл, моем втором руководителе в отделении Liore.

— Как Белл? — спрашиваю я, а не только потому, что она почти месяц была в Европе, но правда в том, то я ее обожаю. Я рассматриваю ее, как младшую сестру. Это имеет смысл, учитывая тот факт, что она жила по соседству с нами, когда мы были детьми.

— Несчастна без меня. — широкая улыбка захватывает власть над его ртом. — Тебе нужно ей сказать, чтобы она возвращала сюда свою задницу, Габриэль. Я по ней скучаю.

— Я по ней тоже скучаю. Я могу пересчитать своих близких друзей по пальцам одной руки, и Белл в верхней части списка. Я защищаю ее от кое — каких вещей, я не хочу, чтобы мир знал их обо мне, но, помимо этого, я с ней близок. Я был взволнован, когда она решила уйти со своей последней работы, чтобы работать у меня. Она полна решимости такая же, как и я, касательно того, чтобы Liore добился успеха, что является главной причиной того, что она так умело справляется с повседневными операциями.

— Она вернется в конце недели. Я полагаю, что она тебе об этом уже сказала.

— Сказала. — он откидывается в кресле, скрестив ноги. — Ты не ответил на мой вопрос.

— На какой вопрос?

— С кем ты переписываешься в последнее время? — он постукивает пальцами по ручке кресла. — Я слышал, что в конце месяца ты приведешь кого — то на бенефис.

— Ты неправильно слышал. — я наклоняю свой подбородок в его сторону. — Я пригласил несколько сотрудников из наших магазинов. Это хороший маркетинговый ход. Он показывает, как сильно мы заботимся о наших сотрудниках.

— А та симпатичная блондинка, которая умчалась из твоего офиса прошлым вечером,

является одним из тех сотрудников?

Я откидываюсь на спинку кресла, скрестив руки на груди.

— Она не приглашена.

Он смотрит мимо меня на окна с обширным видом на Манхэттен.

— Я ждал лифт. Она практически оббежала меня, чтобы войти в него передо мной. Как ее зовут?

— Зачем тебе? — огрызаюсь, слишком быстро, слишком напряженно.

— Ооо. — его руки взлетают в ложной капитуляции. — Я не преследую ее. Я женат, помнишь?

— Как я могу забыть? При каждом удобном случае ты напоминаешь мне о том, что я никогда не найду женщину столь же совершенную, как та, на которой ты женат.

— Я видел ту блондинку раньше. — его рот задумчиво изгибается. — Я пытался это вспомнить с тех пор. Я откуда — то ее знаю.

— Она работает в бутике Liore на Пятой авеню.

— Я никогда там не был. — он наклоняется вперед в своем кресле. — Я, должно быть, спугал ее с кем — то еще. В Нью — Йорке много симпатичных блондинок.

Я провожу пальцем по экрану своего планшета, выводя на экран серию изображений галстуков из будущей мужской весенней линии. Он пришел сюда, чтобы поговорить о делах, а не обсуждать Айлу Лейн. Она может быть красивой блондинкой, которую я жажду трахнуть, но она сотрудник. Она под запретом и, хотя, этот вызов является заманчивым, но не его последствия.

Сегодня вечером я собираюсь найти именно то, чего хочу.

Всего на несколько часов мне нужна женщина: великолепная, жаждущая, и чьи пределы выстраиваются в одну линию с моими.

***

— Она не имеет ничего общего с большинством девушек, которые сюда приходят. Она — другая.

Это маловероятно.

Также это несущественно.

Сегодня вечером я пришел в этот клуб с одной целью. Если эта цель приходит в виде женщины, которая, как думает Сэйдж, является одной — в-своем — роде, так и будет. Я здесь не для того, чтобы осуждать. Никто из входящих в этот клуб, не будет этого делать. Мы все здесь по одинаковым причинам: чтобы трахать или быть трахнутым, чтобы приказывать или подчиняться.

Единственное различие между любым из нас — это толстый, стеклянный барьер, который отделяет опытных членов клуба от тех, кому любопытно. Там также это вопрос соглашения о конфиденциальности, которое вы подписываете, когда вас пригласили переступить порог частной зоны клуба «Skyn».

Осторожность имеет первостепенное значение и, к счастью, требуется по закону.

Я здесь общаюсь со многими из элиты Нью — Йорка. Ни один из них не хочет, чтобы их пристрастия следовали за ними в мир за пределами этих стен. И я не отличаюсь от них.

— Ты едва коснулся своего напитка, Габриэль. — Сэйдж поднимает свой практически пустой бокал для тоста. — За то, что ты, наконец — то, ринешься обратно в бой.

Я слегка киваю, моя рука крепко сжимает стакан скотча, который я заказал вскоре

после того, как приехал. Как только Калев покинул мой кабинет с инструкциями, касательно коллекции галстуков, я отправился в спортзал, чтобы сразиться в спарринге с Лэндоном Беккетом, старым другом. Я был неугомонным и хотел выпустить сдерживаемую энергию, прежде чем пойти в душ.

Говоря о Калебе: его жизнь приняла форму предсказуемости с женщиной, к которой он испытывает страсть. Я сомневаюсь, что он бы понял мою потребность быть здесь. Я сомневаюсь, что это бы поняло большинство людей в моем близком окружении.

Я никогда не заботился об этом. Я никогда не искал чьего — либо одобрения, когда дело доходило до того, что я делаю после работы, в мои собственные часы. Это моя жизнь. Это мои потребности. Это то, что я жажду, и сегодня я нахожусь здесь, чтобы их утолить.

— Она там. — пальцы Сэйдж нарисовать невидимый след вдоль стекла.

Я придвигаюсь ближе, мои глаза внимательно всматриваются в переполненный людьми танцпол, расположенный прямо перед нами. Некоторые из них знают, что есть и другие, с четким и не подверженным цензуре видом того, что они делают. Другие, те, которые являются новичками для «Skyn», думают, что это просто еще один клуб на Нижнем Ист — Сайде, что и следует из рекламы. Они не обращают внимания на тот факт, что зеркальная стена, которая проходит вдоль танцпола, три ночи в неделю становится чем — то еще.

И в те ночи эти большие комнаты за стеной начинают оживать посредством укомплектованного бара, музыки, и все этих людей, которые хотят одно и то же. Позади прозрачного зеркала мы можем оценить, жаждать и, наконец — то, пригласить кого — то в это место, где легко дается согласие, и редко обмениваются настоящими именами.

Для тех из нас, кто понимает эту необходимость, есть частные комнаты, оснащенные всеми инструментами для удовольствия и для боли, мы здесь находимся по одной причине, по одной — единственной причине.

— Где? — я наклоняюсь ближе к Сэйдж, надеюсь, что мой голос будет слышен сквозь увеличивающийся звук ритмичной музыки, наполняющей весь клуб.

Она постукивает рукой по стеклу.

— Это она. Она одета в красное платье. У нее длинные волосы, каштановые. Она практически такая же высокая, как и я.

Я осматриваю танцпол. Я практически сразу выделяю из толпы женщину, на которую указывает Сэйдж. Ее платье, алого цвета, плотно обхватывает ее тело. Она высокая и гибкая, и у нее тело танцовщицы. Она робкая, ее глаза мечутся от одной стороны комнаты в другую, все время избегают кого — либо.

— Она жаждет с тобой встретиться. Я рассказала ей о тебе.

Эти детали были бы редкими, в лучшем случае. Сэйдж, как и любой, имеющий приглашение в эту зону клуба, ценит свою частную жизнь. Она не будет добровольно рисковать своей репутацией, являясь лицом одной из самых успешных линий по уходу за кожей страны.

С того эпизода в моем офисе несколько лет назад, она проявляла сдержанность. Я не доверяю ей полностью. И никогда не буду, но я признаю ее необходимость быть на глазах общественности. Ее бренд — это то, что побуждает ее держать скрытыми свои собственные секреты, а также мои.

— Как ее зовут? — спрашиваю я, когда поворачиваюсь, чтобы взглянуть на брюнетку. Я не ожидаю ответа, основанного на правде. Меня не волнует ее настоящее имя. Я позову ее, вне зависимости оттого, что она хочет, лишь на сегодняшний вечер, потому что, когда я

выйду из этого клуба, я знаю, что вожделенная нужда, которую я испытываю прямо сейчас, утихнет. Я также знаю, что через некоторое время я снова почувствую желание, но я буду в Италии по делам, или Германии, или еще где — нибудь, да где угодно, далеко отсюда.

— Ее зовут...

Голос Сэйдж заглушен. Это не из — за музыки, или бурных звуков голосов, раздающихся рядом с нами; меня застигает врасплох не это. Все дело в моем дыхании. В моем собственном затрудненном дыхании.

Я застываю, когда мои глаза блуждают от женщины, на которую указала Сэйдж, к другой, находящейся на другой стороне танцпола. Хотя она повернута ко мне спиной, но притяжение мгновенное и интенсивное.

Сначала я заметил ее ноги. Они не длинные, но слегка загорелые. Они исчезают под тонким куском черного шелка, который служит только для того, чтобы покрывать округлости задницы безупречной формы. Задняя часть ее платья с лямкой на шее, надетого на ней, отсутствует, обнажая гладкую, изящно изогнутую спину.

Когда она слегка поворачивается, хвост, в который стянуты ее волосы, движется в такт ее движениям, а серебряная сережка — кольцо в левом ухе ударяет о ее шею. Даже под приглушенным освещением танцпола, нельзя не узнать под тканью платья очертания ее полной груди. Она гибкая, чувственная и, хотя я еще не видел ее лица, она, бесспорно, самая красивая женщина в той комнате.

— Габриэль. — я чувствую руку Сэйдж на своем плече. — Ты меня слышишь? Я сказала, что ее зовут Джови.

— Не она. — я смотрю на женщину в коротком черном платье. — Я не хочу Джови. Она не та самая.

— Она та самая. — ее голос настойчив. — Я разговаривала с ней. Мы выпили прошлым вечером. Она идеально подходит.

— Нет, я нашел ту, которую я хочу.

— Кого? — ее интонация невыразительная и суровая.

Я чувствую, как затвердевает мой член, когда женщина, от которой я не могу оторвать глаз, начинает двигаться под музыку. Ткань ее платья трется о ее задницу, соблазняя каждого в поле зрения. Я вижу очевидные голодные взгляды мужчин вокруг нее. Я смотрю, как они продвигаются ближе, окружая ей, как дикие животные, которыми они и являются.

Ни один из них не будет касаться этого тела, пробовать его на вкус, или удовлетворить его так, как буду я.

Ядвигаюсь к одному из менеджеров клуба, которые находятся здесь, чтобы содействовать потребностям людей в этой комнате. Их работа состоит в том, чтобы выходить и разведывать обстановку. Они разговаривают с клиентами клуба, которые привлекли внимание частного члена. Если этот интерес является взаимным, то они приводят из их в этот зал, инструктируют относительно протокола и делают всю необходимую бумажную работу, что является гарантией того, что происходящее здесь, остается здесь.

Я поправляю пряжку своего ремня, прежде чем моя рука слегка задевает переднюю часть моих штанов. Я такой твердый, что боль причиняет мучения. Это именно то, что мне нужно. Она — то, что мне нужно.

— Есть кто — то, с кем вы хотели бы встретиться?

Пожилой человек, который подходит ко мне, не использует мое имя, даже если мы вместе ходили на ленч, в рамках моего бизнеса.

— Та, что в коротком черном платье, в серебряных туфлях на шпильках и с серьгами — кольцами.

Он смотрит мимо меня на стеклянную стену, его рука поднимается в воздухе.

— Эта, сэр?

Я снова поворачиваюсь к танцполу и, когда мои глаза еще раз ловят ее, то мои руки сжимаются в кулаки. Прямо сейчас она стоит ко мне лицом, ее шея слегка наклонена влево, когда она разговаривает с блондином, которого я видел здесь, за пеленой из стекла. Он постоянный член клуба и, когда она смотрит в его глаза, мой желудок сжимается.

Тогда, я вижу то, как она случайно об него трется, и, когда она смотрит в ту сторону, где я стою, спрятанный за стеклянной стеной, нельзя не заметить блестящий взгляд ее голубых глаз.

— Она — та, сэр? Это блондинка?

— Возьми себе еще выпить. — я поворачиваюсь в сторону Сэйдж. — Мне нужна минутка.

Она рассеянно кивает, когда идет в сторону бара.

Я опускаю глаза на менеджера.

— У вас проблема.

Он нервно посмеивается.

— У меня проблема?

— Эта женщина — несовершеннолетняя.

— Это невозможно. — он перемещается ближе к стеклу, пока его нос не останавливается рядом с ним. — У нас строгая политика в отношении надлежащей идентификации. Это бы выяснилось на входе.

— Это возможно. — шиплю я. — На самом деле, это реальность. Этой женщине двадцать лет. Также, она явно в состоянии алкогольного опьянения.

— Я не уверен в том, как это произошло. — он достает из кармана смартфон. — Я прикажу работникам службы безопасности выставить ее.

— Вы прикажете женщине — менеджеру спокойно вывести ее, прежде чем она проведет ее домой.

— У нас не хватает персонала...

— Это не просьба. — я смотрю туда, где стоит Айла, ее руки в настоящее время вокруг шеи мужчины, с которым она разговаривает. — Сейчас же позаботьтесь об этом, или я позвоню Джулиану, чтобы он разобрался с этим сам.

Упоминание о владельце клуба достаточно, чтобы зажечь огонь под менеджером. Когда он уходит, я поворачиваюсь обратно к танцполу. Подношу к своим губам стакан, находящийся в моей руке, делаю большой глоток и сыплю проклятия себе под нос, пока задаюсь вопросом, что, бля, Айла Лэйн делает в этом клубе.

Глава 9

Айла

— Вам нужно пойти со мной.

Я сначала ее игнорирую, и не потому, что я груба. По крайней мере, я стараюсь не быть грубой. Я не обращаю на нее никакого внимания, потому что уверена, что она разговаривает

с женщиной рядом со мной, которая сверкала своими сиськами перед каким — то парнем, расположившемся на барном стуле.

В своей работе я вижу много грудей. В любой день я бы рискнула предположить, что вижу, по крайней мере, четыре или пять пар, когда помогаю клиенткам примерять бюстгалтеры.

Я не сравниваю их с моими, потому что знаю, что мои — эффектные. Я не тщеславна. Просто, каждый парень, с которым я когда — либо трахалась, говорил то же самое.

Ну, я имею в виду, что они говорили другие вещи, типа: я хороша в оральном сексе или я слишком громкая, когда кончаю, но, по большей части, им нравились мои груди. Мне они тоже нравятся.

— Извините. — вместе со словами я чувствую легкое постукивание на своем плече.

Интонация слишком высокая, чтобы это был Барри. К тому же, он пялится на меня и, по крайней мере, в течение двух минут не сказал ни слова. Я думаю, что он у меня о чем — то спросил. Он меня о чем — то спросил?

Меня тошнит. Типа, прямо сейчас мне настолько плохо.

— Я бы хотела, чтобы вы пошли со мной. — снова слышу я голос. Это определенно женщина.

Я смотрю слева от себя, и вижу ее там. Она одета во все черное. Даже ее темные волосы стянуты назад в пучок. Она полная противоположность веселью. Она не веселая. Интересно, связана ли она с Сесилией.

Думаю, что меня может стошнить.

— Она никуда с вами не пойдет. Я беру ее с собой в заднюю комнату. — очень громко говорит Барри, светловолосый дантист, которого я встретила ранее. Он говорит это так громко, что у меня болит голова.

— Есть проблема, сэр. — сварливая дама тянет меня за руку. — Я собираюсь сопроводить ее из клуба.

— Этого не произойдет. — Барри хватается меня за талию. — Мы идем в заднюю комнату. Я пригласил ее, и она приняла приглашение.

Технически я еще не ответила согласием. Он приглашал меня, когда целовал мою шею и слюнявил мне на ухо. Я склонялась больше к тому, чтобы не идти. Он — не мой тип, и я сегодня не использовала нить для чистки зубов, так что мы совсем не подходим друг другу. Я знаю, как сильно стоматологи ненавидят, когда вы не используете зубную нить. Моя бабушка всегда говорила, что если ты не можешь сказать что — нибудь милое, попробуй и скажи что — нибудь милое... нет, подождите, если ты не можешь сказать что — то милое, скажи что — нибудь неприятное? Нет... это было...

— Ты — хороший танцор. — я постукиваю своей рукой по его груди. — Мне нравится с тобой танцевать.

— В чем проблема? — Барри игнорирует мой комплимент. — Я не понимаю, в чем проблема.

— Проблема с ее удостоверением личности. — женщина указывает в сторону моего клатча.

— Какая проблема? — голос Барри становится еще громче. У меня определенно головная боль.

— Тсс. — подношу палец к своим губам. — Ты такой громкий.

Женщина в темной одежде наклоняется близко к нам обоим.

— У нас есть основания полагать, что она использовала поддельное удостоверение личности, чтобы попасть в клуб.

Ну, дерьмо. Я так чертовски опростоволосилась прямо сейчас.

Я притягиваю ближе свой клатч. Это поддельное удостоверение личности дорого мне стоило, и мне оно нужно, по крайней мере, в течение следующих десяти дней, пока мне на самом деле не исполнится двадцать один год. Я не хочу, чтобы эта женщина отняла его у меня. Что если однажды я решу, что мне нужно выпить после работы?

Кого я обманываю? После сегодняшней ночи, я никогда не буду пить снова.

— Ее удостоверение легитимное. — говорит Барри.

— Не говори «легитимное». — морщусь я, когда смотрю в его лицо, и качаю головой из стороны в сторону. — Это не круто, Барри. Ты словно за тем холмом, ты знаешь, что я имею в виду?

Женщина разговаривает с нами, сдерживая смех.

— Дай мне это удостоверение. — Барри хватается мой клатч так быстро, что у меня нет времени, чтобы среагировать. В большинстве своем это имеет отношение к двум, подождите, к трем водкам с содовой, которые я выпила с тех пор, как попала сюда.

— Я хочу ее обратно. — я стараюсь выдернуть сумочку, чтобы она снова была у меня в руках. — Это мое.

— Сэр, вам нужно сделать шаг назад. — сейчас рядом с нами стоит мужчина, одетый в темный костюм. Я узнаю его лысую голову. Я видела ее, когда впервые пришла в клуб. Он встречает некоторых людей, у двери.

— Он взял мою сумочку. — скулю я. — Скажите ему вернуть ее назад.

Я сильнее тяну за клатч, но Барри схватил его мертвой хваткой. Он качает головой и стискивает зубы.

— Я покажу вам, что ее удостоверение настоящее. Ей, по крайней мере, двадцать пять лет. Посмотрите на нее.

Я тяну сильнее.

— Ты думаешь, что мне двадцать пять лет? В самом деле? Я кажусь тебе двадцати пяти летней?

— Как минимум. — Барри толкает лысого мужчину в сторону, когда тянет мой клатч. — Просто скажи им, что удостоверение личности настоящее, так что мы можем пойти в заднюю комнату.

— Нет. — я качаю головой, когда отпускаю клатч. — Оно не настоящее. Мне всего лишь двадцать. Мне не будет двадцати одного года еще в течение десяти дней.

Я не вижу выражение лица Барри, когда он падает на свою задницу. Мои глаза прикованы к моему клатчу и тому, как он вылетает из его рук и движется по воздуху, я шепчу про себя молитву о том, чтобы сломанная застежка держалась крепко.

Но она не держится.

Все, что я могу сделать, это прикрыть свои глаза, когда содержимое моего клатча выливается и находится в поле зрения практически в любой комнате, кто остановился, чтобы посмотреть на суматоху, которую мы вызвали. Я слышу слабые вздохи и хихиканье, когда на пол вываливается мой телефон, шесть презервативов, две десятидолларовые банкноты и поддельное удостоверение личности, прямо рядом с новыми блестящими наручниками, которые я принесла с собой

***

— Ты дерьмово выглядишь, Айла.

Если бы сегодня я потрудились посмотреть в зеркало, то, вероятно, увидела бы это сама. Я нарочно его избегала. На самом деле, это первый раз, когда я целый день бодрствовала, а добралась лишь только до дивана.

Я упала в постель сразу после того, как меня довели. Женщина из клуба не только проводила меня к обочине, она забралась на переднее сиденье темного седана, который остановился на улице после того, как она сопровождала меня, держа за спину.

Я дала свой адрес, когда его спросили, ни разу не интересуясь, почему я не была выброшена из клуба, чтобы самой позаботиться о себе. До того, пока я не проснулась этим утром, я не осознавала, что женщина также помогла мне добраться в здание и осталась со мной, пока я не закрыла дверь своей квартиры после того, как поблагодарила ее за все.

— Я слишком много выпила вчера вечером. — я делаю глоток из бутылки с водой, которую держу в своей руке в течение последних тридцати минут. — У тебя есть аспирин?

— У меня есть то, что поможет. — Кассия марширует через гостиную в ту сторону, где она бросила свою сумочку, когда пять минут назад вернулась домой. — У тебя было свидание? Куда ты пошла, что так напилась?

Я пошла в эксцентричный клуб, потому что мне нравится, когда меня заковывают в наручники и шлепают, пока моя задница не начинает гореть, Касс. А Что ты делала прошлой ночью?

— Никакого свидания. — признаюсь я. — Я никого не встретила с тех пор, как прибыла в Нью — Йорк.

Ее брови оживились, когда она вылавливает из своей сумочки бутылку ибупрофена.

— Ты никого не встретила? Я думаю, что это имеет смысл. Ты работаешь в магазине нижнего белья. Должно быть, туда все время ходят одни лишь женщины.

Это не так. По крайней мере, половина клиентов — мужчины, также ищущие что — то для своей женщины, или мужчины, которые ищут кого — то, кто бы устроил им бесплатное дефиле.

— Ты не поверишь, сколько мужчин приходит в Lioge, желая зайти в примерочные.

— Ты шутишь. — ее голос взрывается в пространстве, воздействуя на мой до сих пор больной мозг. Я клянусь, что сегодня болят даже мои ресницы. Я открываю бутылку и закидываю в свой рот две таблетки, используя последнюю воду, чтобы их запить.

— Я серьезно. — говорю я спокойно, надеюсь, что она поймет намек и смягчит свой тон. — Со мной такое случалось несколько раз.

— Ты никогда не делала это на самом деле? Скажи мне, что ты этого не делала.

Я должна быть обижена этим вопросом, но не могу. Кассия знает меня лучше, чем кто — либо. Она была той, кто смеялся вместе со мной, когда в старшей школе меня поймали с капитаном команды дебатов в кладовке класса искусства. Мы только целовались, но этого было достаточно для еще одного предупреждения в моем деле.

— Я этого не делаю. — говорю я честно. — Это противоречит политике компании. Я бы не стала рисковать.

— Я удивлена тем, насколько тебе нравится эта работа. — она идет на кухню. — Я знаю, что это просто временная работа, но ты гробишь себя там.

Я гроблю себя. Мне вчера заплатили, и со всеми комиссионными, которые я заработала, мой чек был на самую большую сумму, чем когда — либо. Если бы у меня не было никакого

другого направления в жизни, то я могла бы остаться в Liore на год или два.

Хотя, я не могу позволить этому случиться. Я дала себе обещание и продажа белья в течение следующих трех или четырех, или более лет моей жизни, не является частью этого.

— Ты уже решила, собираешься ли ты на прослушивание? — она идет обратно в комнату со стаканом апельсинового сока. — Вот, выпей это.

Я на ощупь беру стакан из ее рук, когда смотрю на ее лицо. Ее оливковая кожа светится. Ее ореховые глаза окружены длинными, красивыми ресницами. Она редко использует косметику. Ей никогда не нужно было это делать. Ее естественная красота соперничает с любой женщиной, которую я когда — либо встречала.

— Нет, еще нет. Мне нужно больше времени, чтобы думать об этом.

— Есть женщина, с которой я работаю в Hughes Enterprises. Я рассказывала ей о тебе и...

— Ты рассказывала ей обо мне? — прерываю я. — Что ты ей сказала?

— Обычные вещи, которые кто — либо рассказал бы другому человеку о своей лучшей подруге. — она нервно переминается с ноги на ногу. — У вас много общего.

Непроизвольная улыбка растягивается в уголках моего рта.

— Она также играет на скрипке, как и я?

— Никто не играет на скрипке, как ты, Айла. — она проводит своей рукой по моему лбу, чтобы убрать в сторону мои волосы. — Если ты сходишь на прослушивание для того открытия Струнного оркестра, то ты получишь это место. Черт, если ты скажешь им, кем являешься, то они предоставят тебе место, не заставляя тебя сыграть ни одной ноты.

Я с трудом сплываю. Я знаю, что она пытается помочь, но она не помогает. Это в Швейцарии. Это полностью отличается от моей жизни здесь.

— Я еще к этому не готова. Мне нужно больше времени.

Вздых, вырвавшийся из ее рта, замечен в тишине комнаты.

— Я знаю. Я просто не хочу, чтобы ты тратила свой талант. Это дар, Айла. Я знаю, что ты можешь этого и не видеть, но это правда.

Я это вижу. Это потому, что я провела первые тринадцать лет своей жизни, выставленной на показ по всему земному шару, словно цирковой пони со скрипкой в руке. Я была талоном на еду моей матери, и она, недвусмысленно, дала понять, что мой талант был тем, что держало на плаву нашу семью.

Она возмущалась тем фактом, что, когда она была ребенком, то моя бабушка, Элла Амхерст, была сосредоточена на своей собственной карьере в качестве главного скрипача Лондонской филармонии. Моя мама бунтовала всеми возможными способами, включая то, что забеременела мной, когда она была еще подростком.

Когда они обе, наконец — то, поселились в Чикаго вскоре после того, как родилась я, то моя бабушка заняла там место в Оркестре. Моя мать сошлась с одним мужчиной, а потом еще с одним, и, в конце концов, все закончилось тем, что у меня было две младшие сестры и куча отчимов.

Единственным моим утешением, которое провело меня через все неурядицы, была скрипка, подаренная мне моей бабушкой. Она научила меня играть, и с каждым приглашением, которое я получала, чтобы появляться в местных телевизионных программах или радиостанциях, росла и жадность моей матери. В конце концов, она договаривалась, чтобы я играла на свадьбах, на днях рождения и даже на похоронах.

Я была очаровательной белокурой девочкой с большими голубыми глазами и с талантом

бабушки. Это была обыкновенная новизна, внимание знаменитостей и королевской семьи, которые думали, что мило обратить внимание на маленького ребенка, который мог играть классическую музыку наравне со многими из лучших музыкантов в мире.

Пока раздувался мой банковский счет, страдала моя учеба в школе, и когда мне нужно было повторно идти в седьмой класс, потому что репетитор, которого наняла моя мать, существовал только на бумаге, как повод для списания налогов, вмешалась моя бабушка.

Она рано ушла на пенсию, наняла адвокатов и бухгалтеров, а когда осела пыль, и были найдены мои целевые счета, то для всех было очевидно, что большой дом моей матери и ее дорогой автомобиль не были оплачены из ее зарплаты менеджера. Она у меня крала; деньги, время, мое детство.

Тогда я переехала к своей бабушке, и каждый день после школы она настаивала, чтобы я сначала заканчивала свою домашнюю работу, а потом мы играли на наших скрипках, бок обок, ее помощь мне усовершенствовала мою технику. Это — те моменты, которыми я всегда буду дорожить.

— Ты подумаешь о прослушивании, Айла. Обещай мне, что сделаешь это. — руки Кассии покоятся на моих плечах.

— Я об этом подумаю. Я обещаю.

Глава 10

Габриэль

— Если понадобится, чтобы мой адвокат в этом участвовал, то я к нему обращусь.

Это должно звучать также угрожающе, как и звучит. Также доказано, что это — эффективный способ борьбы с полчищами людей, которые считают, что могут производить поддельные, некачественные товары, и продавать их с прикрепленными к ним поддельными лейблами Arilia или Verdine.

— Нет, пожалуйста, нет, сэр. — маленький, на вид кроткий человек пялится на меня снизу вверх. — Я не знал. Я вам все отдам. Вы можете забрать их прямо сейчас.

Это решит все его проблемы. К сожалению, это лишь продлит неизбежное. Если я заберу десятки белых мужских рубашек и горсть женских блузок, которые у него лежат на видном месте, то это лишь создаст брешь в его бизнесе не более чем на день, или два.

Эти портативные тележки, торгующих поддельными товарами, являются такой же частью пейзажа улиц Манхэттена, как и те, что продают хот — доги и крендели. Единственное отличие состоит в том, что продавцы пищи зарабатывают на жизнь честным путем.

Он может прикидываться скромником столько, сколько захочет, но я видел, как это происходило снова и снова.

— Я в течение часа пошлю кого —нибудь, чтобы разобраться с этим. — я разворачиваюсь на месте, не обращая внимания на его умоляющие предложения обойтись без полиции.

Я это сделаю.

Все, что мне нужно, это угроза судебного процесса, представленная в виде одного из штатных адвокатов компании, чтобы гарантировать, что больше ничто не нанесет вред любому из модных брендов «Фостер»; поэтому этот торговец будет обвинен.

Я делаю быстрый звонок начальнику юридического отдела «Фостер Энтерпрайзес», обрисовывая ей ситуацию, в том числе расположение тележки, которая, по иронии судьбы, находится менее чем в одном квартале от моего офиса.

Когда я заканчиваю звонок, то слышу безошибочный сигнал, информируют о новом сообщении.

Я смотрю вниз на экран своего телефона, читаю сообщение и сыплю проклятиями себе под нос.

Что это за хрень?

Я пошел в местный магазинчик, чтобы достать чашку кофе и прочистить свою голову. Мне нужен был свежий воздух и отдых от этого дня, который был наполнен ни чем иным, кроме обыденных проблем, которые ощущаются, как пустая трата моего времени.

Сейчас у меня другая актуальная проблема и, так как мой водитель находится, по крайней мере, в пятнадцати минутах езды отсюда, то я делаю единственное, о чем могу думать. Я бросаю бумажный стаканчик в мусорное ведро, машу рукой в воздухе и ловлю первое проезжающее такси, чтобы оно отвезло меня в бутик Liore.

***

Это самый эротический случай дежавю, который я когда — либо испытывал.

Когда я иду через дверь бутика, мои глаза мгновенно притягивает Айла. Она стоит с клиенткой ближе к задней части бутика.

Сегодня ее волосы выглядят по — другому. Они волнистые, словно она позволила им высохнуть самостоятельно, прежде чем пробежать пальцами по золотым локонам. Ее платье бледно — голубого цвета, приталенное и отделанное кружевом. Она выглядит невинно и коротко. Ее внешний вид совершенно не похож на то, как она выглядела три ночи назад в Skyn, когда ее сопровождали из клуба.

Я покинул приватную комнату и стоя в тени, слушая, как она говорит с женщиной — менеджером, которая была послана, чтобы сопроводить ее домой. Она была милой, сексуальной и неотразимой, когда пыталась отобрать свой клатч у мудака, который не имел никакого права быть рядом с ней.

Я наблюдал, будучи в ужасе и, вместе с тем, был очарован тем, как ее клатч открылся, показывая все, что она туда сложила перед тем, как приехала в клуб.

Презервативы и деньги не были неожиданностью. Наручники застали меня врасплох.

Я не касался ни одной пары с колледжа, когда использовал их на женщине, которую я встретил в клубе, похожем на Skyn. Она была уверена, что это было то, чего она хотела, но когда она услышала щелчок металла закрывающегося вокруг ее запястий, и я раздвинул ей ноги, чтобы ее трахнуть, то она запаниковала.

Я возился с ключом, пока их открывал, пытаюсь ее успокоить, но она шлепнула меня по лицу и умчалась.

Она в гневе оставила мою комнату в общежитии с наручниками все еще прикрепленными к одному из столбиков моей кровати. Я выбросил их в мусорное ведро вместе с ее номером.

Я предпочитаю более мягкие ограничения. Ткани, которые дают достаточно свободы, чтобы позволить женщине чувствовать себя комфортно, но достаточно прочные, чтобы удержать ее точно там, где я хочу, чтобы она была.

Предпочтение Айлы — металл. Хотя, судя по состоянию ее наручников, которые упали

на пол в нескольких футах от места, где я стоял, они редко используются, если вообще когда — либо использовались.

Это может говорить об ее опыте или об отсутствии такового. В любом случае, становится все труднее ее игнорировать.

— Мистер Фостер, вы наконец — то здесь.

Я смотрю справа от себя, где стоит Сесилия, ее голос передает ту же панику, что и ее сообщение.

— Сесилия, здание не горит. Я не вижу, чтобы кто — нибудь стоял с оружием, требуя денег. — я указываю на переполненный торговый зал. — Если и существует чрезвычайная ситуация, то я ее здесь не вижу.

— Я не имела в виду, чрезвычайную ситуацию такого рода, сэр. — она сжимает пару кружевных трусиков в своих узловатых кулаках так сильно, что я не удивлюсь, если они разорвутся на две части.

— Не обращайтесь грубо с товаром.

— Я попыталась позвонить Уоллис, но звонок идет прямо на голосовую почту. — она тяжело вздыхает, когда ее глаза обследуют бутик. — Я нашла кое — что в одной из примерочных. Я не знаю, что с этим делать.

Я понятия не имею, почему не позвонил ей, прежде чем примчался в бутик. Вообще — то, это ложь. Я знаю почему. Причиной является блондинка, красивая без каких — либо усилий, которая сейчас стоит, наклонившись вперед, чтобы достать бюстгальтер, который уронил тот клиент, которому она помогает. Я хотел видеть Айлу.

— Вы посмотрите на это?

— Посмотрю на что? — я не могу оторвать от Айлы своего взгляда. Она смеется. Ее глаза, танцуют на лице женщины, которой она помогает. Совершенно очевидно, почему она продает больше товаров, чем любой другой продавец в этом магазине. Она — очаровательная. Кто в здравом уме смог бы от нее уйти?

— Это в бэк — офисе, сэр. — рука Сесилии покоится на моем предплечье. — Я сейчас вам покажу.

Я поворачиваю голову, чтобы посмотреть на ее руку.

— У меня нет на это времени. Вы менеджер. Ваша задача справиться с чем угодно и со всем, что включает в себя этот магазин.

— Я знаю. Я это делаю. Я просто не знаю, как справиться с этим.

— Вы ведете себя подобным образом и с Роуэн? — спрашиваю из явного разочарования.

«Фостер Энтерпрайзес» — место работы тысяч людей по всему миру. Каждый из этих людей должен отчитываться перед кем — то, кто стоит над ним в иерархии компании. Для Сесилии это Роуэн Белл, и прямо сейчас, я проклинал тот факт, что вообще послал ее в Европу. Она должна быть здесь, держа за руку Сесилию, чтобы провести ее через этот последний «не кризис».

— Каким образом?

— Что именно я здесь делаю? — высвобождаю свою руку, так что могу повернуться, чтобы стать к ней лицом. — Я не могу себе представить, что такое вы нашли, что оправдывает то, что я должен был бросить все, чтобы приехать сюда.

— Я не могу сказать, сэр. — она краснеет, когда смотрит на меня. — Пожалуйста, вы можете просто пойти со мной, чтобы я могла вам показать?

— Хорошо. — огрызаюсь я. Если я не дам этой женщине того, что она хочет, то это

займет даже больше моего времени, ведь она этого не оставит.

Я следую за ней через магазин, мои глаза на короткое время встречают взгляд Айлы, когда я приветствую клиента, которому она помогает. Хотя, я ничего не хочу больше, чем остановиться, чтобы поговорить с Айлой, но я этого не делаю. Мне нужно, увидеть, что заставляет нервничать Сесилию, чтобы я мог добраться на первую из нескольких встреч, которые у меня назначены во второй половине дня.

— Это прямо здесь, сэр. — Сесилия марширует по кафельному полу тесного офиса к мусорному ведру, находящемуся рядом с простым металлическим столом, заваленным счетами — фактурами, бланками заказов и графиками.

— Что здесь? — я останавливаюсь, чтобы взглянуть вниз на смартфон в моей ладони.

— Это. — ее рука поднимается в воздух, указывая в сторону мусорки. — Я обнаружила это час назад на полу в одной из примерочных.

Я качаю головой, когда двигаюсь к ней, мои глаза прикованы к ее лицу.

— Мы наняли вас на эту должность из-за вашего образования в розничной торговле, Сесилия. Если вы не можете показать больше лидерских качеств и взять больше контроля над этим магазином, я собираюсь обсудить с Роуэн альтернативные меры.

Выражение ее лица вообще не меняется, и я понимаю, что она, вероятно, не слышала ничего, что я только что сказал. Ее рука качается в воздухе прямо над мусоркой.

Я бросаю свой внимательный взгляд, наклонившись вперед, и заглядываю в него.

— Вы обнаружили это в примерочной?

Она бодро кивает.

— Я нашла это час назад, сэр.

— Кто тогда работал? Кто здесь был?

Ее нижняя губа слегка дрожит.

— Здесь были только мы с Айлой. Мы были здесь только вдвоем.

Я смотрю на использованный презерватив и пустую упаковку из фольги. Он был той же марки, которая выпала из клатча Айлы и валялась на полу в клубе.

Глава 11

Айла

Я увидела мистера Фостера, проверяющего меня, когда он двадцать минут назад вошел в бутик.

«Проверяет меня» — это может быть слишком сильно сказано или, скорее всего, принятием желаемого за действительное.

Я заметила, как он пялился в мою сторону. Возможно, это все было связано с тем, что у меня не было достаточно времени, чтобы выпрямить свои волосы после того, как я приняла душ. У меня все идет наперекосяк. Сегодня утром я проспала, а опоздание — не то, что я могу позволить себе прямо сейчас.

Я опять напортачила. Мистер Фостер очень ясно дал это понять.

— Айла, подойди на одно слово.

Моя голова быстро поднимается на суровый монотонный звук голоса мистера Фостера. Он стоит перед прилавком, не более чем в двух футах от того места, где стою я. Сесилия — рядом с ним, ее руки сложены на груди.

Я в дерьме. На этот раз в настоящем дерьме.

— Конечно, сэр. — говорю я самым искренним тоном, который могу из себя выдать. — Может кто — то взять на себя мои обязанности?

Сесилия осматривает магазин.

— Стеф начала десять минут назад. Я прикажу ей за всем присмотреть.

Я киваю, пока стою на месте, мои глаза полностью сосредоточены на мистере Фостере. Сегодня он одет в черные рубашку и костюм. Единственный контраст — серебряный галстук вокруг его шеи. Он — безупречен, спокоен и, судя по тому, как он смотрит на меня, то не будет столь же понимающим, каким был в последний раз.

К счастью для меня, с тех пор я не нарушала никаких правил; по крайней мере, ни одного, о котором я бы знала.

— Мы сделаем это в офисе. — он отходит от прилавка, когда Стеф, другой продавец, появляется в поле зрения. — Следуйте за мной.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

Я делаю, как мне сказано. Мои каблуки отбивают быстрый ритм о кафельный пол, когда я следую позади него. Я не оборачиваюсь, чтобы посмотреть, но инстинктивно знаю, что Сесилия является замыкающей частью этого поезда обреченности.

Она выглядела паникующей, когда ранее шла из примерочных раскладывать товар. Я остановила ее, чтобы задать вопрос, но она отмахнулась от меня, покачав головой и взмахнув в воздухе рукой, чтобы заставить меня замолчать.

Я не настаивала. Я работала на ее достаточно долго, чтобы знать, что, когда у нее есть какая — то миссия, лучше, к чертям, убраться с ее пути. Я это и сделала, сосредоточив внимание на клиентах и делая то, для чего и была принята на работу.

— Закройте дверь, Сесилия.

Мой желудок мгновенно сжимается, когда я слышу дерзкий тон его голоса. Что — то определенно не так. Эта работа становится намного более проблемной, чем это того стоит.

Я слышу щелчок двери, когда она закрывается. Я тихо стою, ожидая, когда он заговорит.

— Сегодня утром в одной из примерочных у тебя были половые отношения. — тревожный голос Сесилии нарушает тишину. — Я знаю, что это была ты.

Мистер Фостер выгибает темную бровь, когда его глаза резко устремляются к моему лицу. Я не могу сказать, что у него за реакция. Он сохраняет молчание, за исключением слабого постукивания его обуви о пол.

— Что? — я качаю головой из стороны в сторону, когда Сесилия перемещается в поле моего зрения. — Я этого не делала. Я бы не стала.

— Ты это делала. — она доходит до мусорки. — Я нашла использованный... там была использованная вещь. Я нашла также и упаковку.

— Использованную вещь? Презерватив? — я исследую ее лицо, пытаюсь найти там что — то, напоминающее хоть толику здравого смысла. Все утро я была в пределах ее видимости. Я была в торговом зале, помогая одному клиенту, а затем другому. — Я не была в примерочных. Это была не я. А кто — то еще.

— Ну, это была не я. — выплевывает она слова. — Я проверила все комнаты, прежде чем открыла магазин так же, как делаю каждое утро, и там ничего не было. Там не было одежды, оставшейся после того, как вчера клиенты примеряли кое — какие вещи, и не было... в этой комнате не было ничего другого. Это означает, что ты привела туда мужчину, так что ты могла делать с ним такие вещи.

Вещи? Вырасти, бля, наконец, Сесилия и просто говори начистоту. Ты думаешь, что я трахнула в примерочной какого — то случайного мужика.

— Мистер Фостер. — тихо говорю я его имя, понимая, что мне нужно обращаться непосредственно к нему. Сесилия уже признала меня виновной в том, что я — бесстыдная шлюха. — Я этого не делала. Я знаю правила.

Его полные губы слегка раскрываются, прежде чем он стучит кончиком указательного пальца над своей бровью.

— Мы уже это обсуждали, Айла. Вы не всегда следуете всем правилам.

Я делаю медленный глубокий вдох, когда его глаза падают от моего лица к верхней части моего платья.

— Я не нарушала этого правила. Я бы не привела мужчину с собой в примерочную.

— У вас есть какие — либо идеи, кто бы это мог сделать? — говорит он скрипучим голосом. — Если это не была Сесилия или вы, то объясните мне, кто имел такой доступ.

Я не могу. Двери заперты, пока работник не разблокирует их. Это та мера, которая принята здесь, чтобы предотвратить кражу. Мы точно знаем, какие изделия находятся в каждой примерочной, и мы должны учитывать то, что от туда выносятся. Также нам не разрешается позволять мужчинам идти туда, чтобы увидеть своих жен или подруг, примеряющих изделия.

— Я не знаю. Все, что я знаю, — это была не я.

— Ты говоришь, что это была я? — руки Сесилии прыгают к поясу ее фиолетового платья. — Ты думаешь, что это была я, Айла?

Я осматриваю ее с головы до ног.

— Конечно, нет. Никто бы не подумал, что это ты.

Ее глаза прищуриваются.

— Что это значит?

Я не должна этого объяснять. Я не могу этого объяснить. Я не забыла, что у Сесилии и мистера Фостера свидание вечером в следующую пятницу. Я не собираюсь оскорблять ее при нем, стоящим меньше, чем в футе от меня.

— Я была в торговом зале с тех пор, как попала сюда. — я смотрю вниз на свои руки, переплетая в расстройстве пальцы. — Меня вообще сегодня не было рядом с примерочными.

— Ты не отводила кого — либо из клиентов в примерочные? — говорит Сесилия таким тоном, в котором присутствует явное слишком сильное осуждение. — Ты говоришь мне, что ни один из твоих клиентов хотел ничего примерить?

Я поворачиваюсь к ней, мое терпение истощается.

— Этим утром я провела время с двумя клиентами. — я поднимаю верх два пальца. — Одна из них — женщина, которая хотела купить новые бюстгалтеры для своей матери, у которой только что была ампутация обеих молочных желез и реконструктивная хирургия. Она знала размер. Это идеальный 34С. Другая моя клиентка была здесь на прошлой неделе. Ее мужу так сильно понравились те вещи, которые она купила, что она вернулась за большим, чтобы удивить его на их годовщину. Ни у одной из них не было необходимости идти в примерочные.

Глаза Сесилии движутся от моего лица к лицу мистера Фостера.

— У нас есть камеры безопасности. — вслух думаю я. — Я видела, как Уоллис смотрела кассеты, когда она поймала вора. В примерочных нет ни одной, но на них видно тех, кто входит и выходит из примерочных.

— Я только что хотела это предположить. — Сесилии поворачивается к двери. — Я помню, как Уоллис о них упоминала. Мы можем посмотреть их прямо сейчас, чтобы доказать, что на самом деле произошло.

— Мне надо идти. — я не иду на зрительный контакт ни с одним из них. — У меня есть клиенты, которые меня ждут.

Я протискиваюсь мимо Сесилии, поворачиваю своей рукой дверную ручку, и иду назад в переднюю часть магазина, зная, что, как только смогу, то я навсегда свалю из этого чертового цирка.

Глава 12

Габриэль

Сверху на меня льет вода. Теплая струя прокладывает дорогу вдоль моей спины. Мои глаза закрыты. Мой мозг слишком бодрствующий. Сейчас около трех часов ночи, и я не спал. Я не могу успокоить свои мысли.

Полный рабочий день, который я запланировал, резко оборвался, так как я смотрел кассеты с камер безопасности в магазине Liore. Я вызвал Уоллис в магазин из корпоративного офиса, чтобы помочь мне. Она была на встрече, на важном совещании, касающемся мужской линии.

Моя рассудительность была сметена моей ненасытной, необъяснимой потребностью увидеть, кто кого трахал в той примерочной.

Когда Сесилия показала мне эту упаковку от презерватива и отходы, оставшиеся после того, что произошло в тесном пространстве, я был поражен образами Айлы наклоненной над скамейкой с платьем, задранном до талии, с трусиками, отодвинутыми в сторону, пока клиент стоит сзади и бьется в нее своим членом.

Я представлял себе его руку тянущую ее за волосы, оттягивая назад за ее шею, пока он ее объезжал быстро и жестко. Чувство гнева, которое я почувствовал из — за этих мыслей, вторгавшихся в мой мозг, было осязаемым. Оно не было рациональным, но было реальным и удушающим.

Она выглядела по — другому, когда ее глаза встретились с моими в бутике. Я видел в них потребность и желание, которого там не наблюдалось ранее. Это могло быть ни чем большим, чем моими воспоминаниями о том, как она выглядела в клубе. Она была такой готовой, согласной на все и ожидающей того, чтобы ее взяли.

Мое намерение, когда она следовала за мной в кабинет, было ясным. Я хотел простого объяснения. Я хотел ее заверений в том, что она не была той, кто привел мужчину в то место. Мне нужно было это знать. Это не имело ничего общего с ее работой. Все дело было в моей эгоистичной необходимости проскользнуть внутрь нее своим членом.

Я чувствовал омывающее меня облегчение, когда Уоллис заметила на кадрах преступников. Клининговая команда предоставила себе карт — бланш в бутике за несколько часов до открытия магазина. Мужчина и женщина, нанятые, чтобы убирать магазин, вместо этого трахались, как кролики, в коридоре, ведущем в примерочную, прежде чем они исчезли из поля зрения, спрятавшись в ней.

Объяснение Сесилии о том, что она не находила никаких доказательств их проступков, когда делала требуемую проверку всех комнат перед открытием магазина, имело далеко

идущие последствия. Ее прервали в середине проверки, как она утверждала вначале, клиент стучал в дверь, желая ранний доступ к продаваемым изделиям.

Когда Уоллис в последний раз пробежалась по кадрам камер безопасности, история Сесилии потеряла все достоинство. Было ясно, что она прогуливалась по коридору до открытия магазина, открывая каждый замок на дверях примерочных перед тем, как толчком ноги широко открыть каждую из них, пока ее глаза были опущены на ее смартфон. Она была в блаженном неведении, что камеры были расположены даже в этом месте.

Когда через два часа я, наконец — то, прошел через бутик, направляясь на выход, Айла была повернута ко мне спиной. Я остановился, чтобы поблагодарить ее за то, что она была готовой к сотрудничеству, но единственным ответом был слабый кивок ее головы, прежде чем она пошла влево, чтобы поправить ряд чулок, который был сбит жадными руками охотников за распродажами.

Она злилась. Я не осуждаю ее. Сесилия облажалась, а я был в это втянут.

Я не такой.

Я хочу таким быть.

Меня не волнует, если женщина, в которой я заинтересован, трахает кого — то еще. Я нахожу другую.

Меня не волнует, если женщина, которую я хочу, посылает меня ко всем чертям.

Я двигаюсь дальше. Я нахожу кого — то другого. Я трахаю ее, пока не забываю всех остальных, а потом я ухожу.

Вот кто я.

Именно таким я хочу быть.

В настоящее время единственная разница состоит в том, что я знаю, что Айла Лейн существует, и я не могу выбросить ее из своей головы.

***

— Ты не можешь сердиться на любого из них, Габриэль. — моя мама нежно меня обнимает, заботясь о том, чтобы не прикоснуться своим лицом к моему. Судя по ней, она часами находится в кресле какого —нибудь стилиста. — Калев и Роуэн ждали меня. Я хотел выглядеть наилучшим образом.

Она выглядит потрясающе.

Я не удивлен. Моя мать будет выкладываться по — полной всякий раз, когда она будет в центре внимания, или, когда разослана красная ковровая дорожка. Сегодня она одета в платье поразительно яркого оттенка синего из одного из наших бутиков. Его вырез достаточно низкий, чтобы показать потрясающее бриллиантовое ожерелье. Я не собираюсь спрашивать, откуда оно взялось. Мы будем это обсуждать через несколько недель, когда ко мне на стол попадет выписка по ее кредитной карте.

— Я не сержусь. — спокойно говорю я, надеясь ее отвлечь. Если камеры не направлены на нее, она сделает все необходимое, чтобы привлечь их внимание. Однажды, три или четыре года назад, она внезапно начала петь песню во время пресс — конференции для линии *Berdine*. Потребовались месяцы переговоров, манипулирования и тонкого принуждения, чтобы заставить сплетников из разных газетёнок, наконец — то, перейти к другой истории.

В то время моя мама рассматривала их постоянное внимание как лесть. Я же знал лучше. Они будут преследовать ее в надежде поймать во время момента ее отчаяния. Сейчас

все успокоилось, но я упорно тружусь, чтобы держать ее на заднем плане, вне досягаемости любых случайных микрофонов или камер.

Сегодня вечером, я благодарен, что они сосредоточили все свое внимание на Либби Дункан, актрисе «Бродвея», которая, к счастью, надела красное платье без бретелек из коллекции Arilia. Завтра утром ее фотографией будет усеяно бесчисленное количество статей и сайтов, а это платье будет распродано в течение нескольких часов. Этот тип рекламы — бесценен.

— Я надеялся, что Калек будет здесь, чтобы представить чек. — я гляжу туда, где стоит мой брат со своей женой, оживленно разговаривая с дирижером оркестра. — Я позаботился об этом. Я просто рад, что ты здесь во время, чтобы посмотреть выступление.

— Я никогда не была на симфоническом концерте, мистер Фостер.

Я оборачиваюсь на женский голос. Это Сесилия, в ярко — желтом платье. Я делаю мысленную заметку поговорить с Калеком о том, чтобы предложить нашим сотрудникам стипендию, которая будет включать в себя бесплатный товар из каждого из наших бутиков. Посещение Arilia принесет пользу Сесилии, и нашей прибыли не повредит, если она каждый день будет носить одежду нашего дизайнера в Liore. Перекрестные продажи наших собственных брендов — это разумный шаг.

Общение с сотрудниками — это не то, что я обычно делаю, но это событие принесет выгоду организации, которая продвигает искусство для детей. Председатель — близкий друг моей матери, а также главный партнер в одной из самых престижных юридических фирм в Нью — Йорке.

С самого начала он был надежным сторонником «Фонда Фостеров», организации, основанной двумя из моих кузенов, которая оказывает медицинскую помощь лицам, у которых трудные времена. Сегодняшнее присутствие с чеком на большую сумму в руке является преимуществом для всех.

— Приятно вас видеть, Сесилия. — говорю я, пока наблюдаю, как моя мать идет к Калебу.

Сесилия хватается за мою руку, притягивая ее ближе к себе.

— Я никогда не была на таком мероприятии, как это. Я так горжусь тем, что вы попросили меня присоединиться к вам.

Мой взгляд следует за движением ее руки. Я вырываю свою руку, так как она собирается прижать ее к своей груди.

— Это важный повод. Жизненно важно то, что «Фостер Энтерпрайзес» показывает свою поддержку. Я рад, что вы, и другие сотрудники, имели возможность сюда прийти.

Она смотрит на меня снизу вверх, волна разочарования омывает ее глаза.

— Я всегда рада помочь компании любым возможным способом, сэр.

Я попросил ее принять участие в этом бенефисе, а также в благотворительном концерте, который незамедлительно последует, это происходило по телефону во второй половине дня, когда я делал подобные звонки, приглашая более дюжины сотрудников.

В то время я не обращал внимание на свой выбор слов, потому что предполагал, что она поймет, что приглашение было предоставлено из — за ее положения в Liore. Ни разу мне не приходило в голову, что она считает, что мы двое будем присутствовать на этой коктейльной вечеринке перед выступлением симфонического оркестра, в качестве кого — то большего, чем представителей «Фостер Энтерпрайзес».

— В бутике дела идут хорошо. — выпаливает она, я полагаю, чтобы сменить тему. —

Вы не приходили с того дня. Я имею в виду тот день, когда я обнаружила тот мусор.

Прошло почти две недели с тех пор, как я рассмотрел те кадры с камер безопасности. Потребовалась вся сдержанность, которой я обладал, чтобы не вернуться в бутик после того дня. Практически каждый час я ощущал тягу туда сходить, под прикрытием короткой встречи с Сесилией, лишь чтобы я смог увидеть Айлу.

Это было тем типом искушения, который является настоящей пыткой. Желание — ошеломляющее, необходимость — неопределимая, и мощное стремление услышать ее голос, вдыхать ее сладкий запах и прикоснуться к ней.

После того, как Роуэн вернулась, я снова ей все поручил, напоминая ей, что она, и только она, отвечает за ежедневные операции отделения Liore.

Чтобы упростить организацию работы, она вернулась на шаг назад, разговаривая с Сесилией о ее управленческих навыках и времени, проведенном в магазине. Все успокоилось, даже моя необъяснимая потребность увидеть Айлу.

В тот день я практически ворвался в бутик. Мое сердце колотилось, когда я смотрел на те кадры, затаив дыхание в надежде на то, что Айла не трахала кого — то еще. Это не имело никакого смысла. У меня нет на нее никаких прав.

Я не могу затянуть ее в свой мир. Также я сам из него не выйду. Я не могу этим рисковать, даже ради такой женщины, как Айла.

— Представление начнется в ближайшее время, Габриэль. — моя мать стучит меня по плечу. — Я хочу освежиться, прежде чем мы займем наши места. Я найду тебя в концертном зале.

Нет, она этого не сделает. Она найдет коктейль, а потом еще один, и, скорее всего, кто — то больший, чем человек просто готовый выслушать ее, пересказывающую историю о том, как она считает, ее мучили в юности в Бельгии. Она никогда не поймет, что необходимость иногда налить самой себе стакан молока, когда частный повар моих бабушки и дедушки был занят, не то же самое, что не иметь достаточно пищи, чтобы поесть.

— Я покажу тебе дорогу. — я двигаюсь к дверям, которые ведут из приемного зала и в фойе. — Я бы не хотел, чтобы ты заблудилась. Из этого ничего хорошего не выйдет.

Глава 13

Айла

— Ты нервничаешь? — я протягиваю руку, чтобы поправить лацкан смокинга, надетого на нем. Это второй раз, когда я вижу его в нем. Он выглядит энергичным. Я сказала ему это в первый раз, и он рассмеялся так, как делает, когда смущен. — Ты выглядишь очень нервным, Дэвис.

— Немного. — признается он, когда обхватывает мою руку своей. — Я хотел, чтобы Дерек пришел со мной сегодня вечером, но он должен был работать.

Я ощущала разочарование в его глазах в тот момент, когда увидела его через комнату. Его партнер, Дерек, является источником силы, которая, как он думает, ему нужна. Он ошибается. Я знала Дэвиса Бенуа большую часть своей жизни, и я восхищаюсь им больше, чем кем — либо другим.

Многое из этого, связано с его не оградённым природным талантом, но также присутствует и тот факт, что он — самый скромный человек, которого я когда — либо

встречала. Я наблюдала за ним, принимающим многочисленные награды, и каждый раз, когда его награждают, он говорит мне, что уверен в том, что они совершили ошибку. Нет никакой ошибки. Дэвис — выдающийся человек, и мне очень повезло, что он — один из моих самых близких друзей.

— Который сейчас час?

Я бросаю быстрый взгляд вниз на свои руки, понимая, что оставила клатч, со своим телефоном внутри, в той комнате, куда меня направили, когда я только приехала.

— У тебя нет телефона? — я касаюсь его руки, прежде чем указать на пиджак, одетый на нем.

— Я забыл свой дома. Я спешил. Как думаешь, у меня есть время, воспользоваться уборной?

Я тяжело вздыхаю. Я знаю, что он должен знать время не только потому, что мог бы выкроить несколько минут, но таким образом он может мысленно подготовить себя. Каждый раз мы придерживаемся одной и той же рутине. Единственное отличие состоит в том, что, как правило, Дерек находится поблизости, и он носит часы.

Я просматриваю область рядом с нами в поисках официанта. Они всегда знают время, и маловероятно, что они будут смотреть на меня свысока, когда я спрошу. Я ни одного не вижу, так что делать несколько шагов в сторону, надеясь, что один из них появится в поле зрения.

Я слегка пожимаю плечами на вопрос Дэвиса, прежде чем направиться в сторону пары, стоящей в нескольких футах от нас. Они не могут быть намного старше, чем я, и когда я только приехала, то женщина мне улыбнулась. Это было не более чем обычный акт порядочности, но мне это показалось благородным.

Я пытаюсь подойти к ней, но меня быстро поглощает толпа. Я смотрю назад, но Дэвис исчез за стеной из людей, которых я никогда раньше не встречала.

— Айла Лейн?

Звук мужского голоса, в сочетании с легким стуком на моем плече, останавливает меня на моем пути. Я роюсь в памяти, пытаюсь сопоставить лицо с голосу. Голос глубокий, грубоватый и совершенно незнакомым.

Я поворачиваюсь на каблуках и смотрю снизу вверх, мои глаза быстро застилаются слезами.

— Мистер Бенуа. — произношу я его имя, когда он притягивает меня к своей груди. — Вы пришли. Я не думала, что вы это сделаете.

— Я не могу сопротивляться твоему приглашению. Ты попросила, и я доставлен.

— Дэвис будет так взволнован. — я игриво стучаю его по плечу, когда смотрю снизу вверх на его доброе лицо, сейчас покрыто седой бородой. — Он понятия не имеет, что вы прилетели сюда из Чикаго?

— Я не сказал ни слова. — его глаза оставляют мои, чтобы обследовать людей вокруг нас. — Где он? У меня есть сейчас время, чтобы с ним поговорить?

Я хватаю его за запястье и бросаю быстрый взгляд на антикварные золотые часы, которые он носит. — У вас есть время. Он рядом с театральной кассой. Вот где я его оставила.

— Ты мне покажешь? — он протягивает перед собой руку. — Я хочу, чтобы он знал, что это была твоя идея, чтобы я пришел сегодня вечером.

— Мне действительно нужно в дамскую комнату. — лгу я. — Я догоню вас двоих через

несколько минут.

Он кивает, когда уходит, осторожно протискиваясь сквозь толпу. Я стою на месте, желая дать им хотя бы несколько минут побыть вместе, прежде чем я появлюсь снова. Им нужен шанс, чтобы просто быть отцом и сыном. Мне нужно время, чтобы разыскать стакан воды и утолить свою жажду.

Я смотрю налево в поисках официанта и, как только вижу одного, в моем поле зрения появляется мужчина. Я смотрю на тщательно созданный смокинг, в который он одет, прежде чем мои глаза путешествуют к его лицу и к небольшой растительности, покрывающей его подбородок. В тот момент, когда мой внимательный взгляд достигает его губ, мой пульс учащается. Это он. Габриэль Фостер, шикарно одетый, пялится прямо на меня.

***

— Возможно, вы хотели бы выпить что —нибудь покрепче?

Я слизываю воду со своих губ и передаю ему теперь уже пустой стакан.

— Теперь я в порядке. Спасибо.

Он кивает официантке, когда ставит стеклянный стакан обратно на поднос. Я остановила ее, когда она проходила мимо меня, как раз после того, как увидела его на другой стороне фойе. Я выпила воду так быстро, что несколько капель упали на переднюю часть моего черного шелкового платья. Я отряхнула их. Когда я это сделала, глаза его осмотрели меня с головы до ног.

— Я не ожидал увидеть вас здесь. Вы прекрасно выглядите, Айла.

Я выгляжу совершенно неуместно. Я знала, что это событие было формальным. Я получила ту записку, но это одно из трех платьев, которые я всегда надеваю на такие события, как это. Оно никоим образом не элегантно. А простое и удлиненное.

— Спасибо. — спокойно говорю я. — Вероятно, я должна идти. Кое — то меня ждет.

— Подождите. — его голос тихий, когда он наклоняет набок свою голову. — Это тот самый Дэвис Бенуа? Я видел, как вы разговаривали с ним ранее.

Я не должна быть удивлена из — за того, что он знает, кто такой Дэвис. В прошлом месяце в художественной секции субботней газеты была большая статья о нем. Она шла вместе с заявлением, что ему было предложено место в «программе повышения квалификации работников искусства» с одним из самых влиятельных виолончелистов в мире.

— Это он. — монотонно отвечаю я.

— Откуда вы его знаете? — он смотрит на пару, стоящую рядом с нами. — Он пришел посмотреть выступление? Вы — его пара?

Я изучаю его лицо, интересно, есть ли где —нибудь под этим непроницаемым выражением лица, намек на ревность. В любом случае, я не могу этого представить. Он настолько великолепен и владеет собой. Он мог бы подойти практически к любой женщине в этой комнате, и она была бы обнаженной и стояла бы на коленях в течение пяти минут.

— Дэвис — гей. — выстреливаю я в ответ. — Мы познакомились, когда я жила в Чикаго. С тех пор мы — друзья.

Небольшая ухмылка переливается на его губах.

— Я ошибался.

— По всей видимости. — я слегка пожимаю плечами. — Как Сесилия?

— Сесилия? Ваш менеджер?

Мне не нужно, чтобы он напоминал мне, что я отвечаю перед ей. Сегодняшний вечер — это побег из бутика. Это шанс для меня, чтобы быть той, кто я есть на самом деле. Я не хочу думать о завтрашнем дне, когда должна буду вернуться к работе и снова столкнуться с Сесилией.

— Ваша пара. — парирую я.

Он вскидывает свою левую бровь.

— Недопонимания взаимны, мисс Лейн. Я здесь один.

— Сесилия сказала, что у нее с вами есть планы, я только предположила, что... — начинаю я, прежде чем увидеть ее, приближающуюся справа. — Я предположила, что вы пришли вместе.

Он поворачивает голову к ней.

— Я здесь не с ней, и не кем — либо другим, если уж на то пошло. Она одна из группы сотрудников, которых мы пригласили.

Меня не должно волновать, что она не встречается с ним. Для меня не должно иметь значения то, что он здесь, в этой комнате, пялится на меня, но меня это волнует.

— Я хочу извиниться за то, что произошло в бутике. — он протягивает руку, словно собирается дотронуться до моей руки, но потом он ее убирает. — У меня не было всех фактов, когда Сесилия мне позвонила. Если бы они у меня были, то я никогда бы в вас не усомнился.

— Я дала вам свое слово, что не буду нарушать правила. Я не нарушаю свое слово, мистер Фостер.

— Айла, вот ты где. — я чувствую руку на моем плече, как только слышу, как Дэвис говорит мое имя. — Пришло время. Нам нужно идти.

Я делаю глубокий вдох, жаль, что этот момент должен закончиться.

— Было очень приятно вас видеть, сэр. Я надеюсь, что вы насладитесь вашим вечером.

— Так и будет, Айла. — его глаза захватывают мои. — Я, безусловно, буду наслаждаться.

Глава 14

Габриэль

— Нам нужно общаться, Габриэль. — моя мама тянет меня за предплечье. — Это то, зачем мы сюда пришли.

Я не помню, зачем я сюда пришел. Все, что я помню: то, как на меня посмотрела Айла, когда спросила меня о Сесилии. Когда я сказал ей, что один, то в ответе ее глаз было вплетено приглашение. Ее тело его поддержало, когда я посмотрел вниз, чтобы увидеть очертания ее набухших сосков под шелком платья, в которое она была одета.

Она ушла от меня, не оборачиваясь. Это лишь увеличило мое к ней желание. Она может думать, что все скрыла, но я почувствовал это. Я почувствовал между нами ощутимую напряженность.

— В атриуме играет струнный квартет. Я хочу на него посмотреть, прежде чем мы пойдем в концертный зал.

Отказ в чем — нибудь моей матери в этот момент только приведет к резкой перемене настроения, которое может конкурировать с настроением ребенка. Я пришел сюда, чтобы

показать «Фостер Энтерпрайзес» в лучшем виде, так что я твердо намерен это сделать, даже если мое тело жаждет вкуса Айлы.

— Ты иди вперед. — я жестом указываю в сторону входа в атриум. — Мне нужно выпить.

— Хорошо. — моя мать побегает своим пальцем по моему подбородку. — Кстати мне не нравится эта щетина. Тебе нужно ее сбрить.

Я киваю. Я позволю ей продолжать думать, что ее мнение имеет на меня большое влияние. Больше нет. Влияние моей матери ограничивается постоянным напоминанием о том типе женщины, с которым я не хочу связываться.

Я бесконечно люблю свою мать, но ее ненадежность утомительна. Всю свою жизнь я был свидетелем ее неуверенности в себе и последствий этого.

Я сомневаюсь, когда я приближаюсь к одному из официантов, зная, что должен быть в гуще толпы, пожимая руки и говоря о хорошей работе, которую делает благотворительная организация, которую я здесь поддерживаю. Я тихонько шлю проклятия, поправляю рукав своего пиджака и иду к атриуму, надеясь в какой — то момент, что снова увижу Айлу прежде, чем закончится вечер.

***

Сейчас она красивее, чем когда я увидел ее в фойе. В этом пространстве она другая, ее глаза закрыты, а ее тело медленно движется под музыку.

Ее руки изящные, одаренные; когда она поднимает вверх свой подбородок на последней ноте, то я осознаю, что это не то, что я когда — либо мог себе представить, когда она стояла в моем кабинете, моля о втором шансе продавать нижнее белье в моем бутике, или, когда я ее видел в Skyn, использующей свое тело, чтобы привлечь внимание каждого мужчины в том клубе.

Эта молодая женщина очаровала всю комнату. Я заметил навязчивые звуки скрипки в тот момент, когда вошел в это пространство. Я вежливо проталкивался через замороженную толпу, пока не встал рядом со своей матерью на расстоянии меньше фута от того места, где расположился квартет. Вот когда я увидел того, кто создавал томительную мелодию, которая повисла в воздухе. Это Айла.

Она раскрывает свои губы, когда мягкие аплодисменты заполняют пространство. Я присоединяюсь, тихо хлопая своими руками, когда пялюсь на нее, в восторге от того, чему я только что был свидетелем.

С ней тихо говорит темноволосая женщина, держащая альт [Прим. пер. — Альт — струнно — смычковый музыкальный инструмент такого же устройства, что и скрипка, но несколько больших размеров]. Айла кивает и касается ее плеча, прежде чем она мягко тянет смычок назад и скользит им по струнам скрипки, расположенной под ее подбородком.

Женщина присоединяется со своим альтом, прекрасно аккомпанируя нежным звукам скрипки Айлы. Дэвис Бенуа находится рядом с ней, виолончель стоит наизготовку. Играет еще один скрипач, но я ничего не слышу, ничего, кроме той музыки, которую создает Айла.

Я смотрю сверху вниз на свою мать, которая пленена звуками, ее глаза закрыты, ее тело медленно покачивается, когда она находит утешение в музыке.

Это один из видов любви в ее жизни. Когда мы были детьми, она брала нас на симфонии, пока наши друзья ходили на блокбастеры. Она записала на уроки музыки моих братьев и меня, но мы с Каледом с треском провалились. А вот Ашер, мой младший брат,

был тем, кто нашел там свою страсть.

Я узнаю талант, когда его вижу. Я был натренирован слухом моей матери, чтобы распознавать истинный дар, которым обладает Айла.

Я чувствую постукивание на своем плече, которое стараюсь игнорировать, вместо того сосредоточив свои глаза исключительно на Айле. Она — обворожительная, и с каждой новой музыкальной пьесой, которую она играет, я дольше вынужден стоять на месте.

— Габриэль. — голос нарушает момент, просачиваясь в мое ухо. — Это важно. Нам нужно поговорить прямо сейчас.

Я мгновенно узнаю этот голос. Это друг моего отца; человек, который в течение многих десятилетий работал в нашей компании, прежде чем пришел я и отодвинул в сторону старые пути развития и его. Он был мертвым грузом, получающим здоровенную зарплату за то, что в основном путешествовал за наш счет. Он ничего не делал, и когда я урезал ему выходное пособие и послал его своей дорогой, то я имел дело с гневом своего отца. Наши отношения никогда полностью от этого не оправились, но с компанией это произошло. С тех пор я каждый год увеличивал свою прибыль, и я не вижу конца нашему успеху.

Я игнорирую его, надеясь, что он поймет мою невнимательность, как отказ говорить. Он не понимает. Он становится более настойчивым, сейчас постукивая меня по спине, его голос поднимается до нормального звучания.

Женщина, играющая на альте, бормочет что — то себе под нос что — то непонятное, но слова и пренебрежение направлены на меня. Я не собираюсь очернить этот момент для Айлы, так что быстро поворачиваюсь на своих каблуках, направляя мужчину через толпу, и выхожу из комнаты.

— Что ты, бля, хочешь, Сирил? — я и не пытаюсь усмирить свою досаду.

— Дело в Романе. — он смотрит мимо меня в сторону атриума. — С тобой была Джанна?

— Это не твое дело. Что с моим отцом?

Я заставляю себя стать к нему лицом. Его глупость может стоить ему работы, но он по — прежнему изо всех сил пытается вернуть мою благосклонность. Я не хочу иметь ничего общего с этим человеком.

— Ты еще не слышал?

Его не — ответ только больше меня раздражает.

— Если тебе есть что сказать, то сделайте это сейчас, чтобы я смог сосредоточиться на своем вечере.

— Твой отец женится.

— Что? — огрызаюсь я. — На ком?

— На Катерине Омари. — он делает шаг назад, как будто уверен в том, как я буду на это реагировать.

Она — модель, чье имя для меня ничего не значит. Она бросалась в объятия Калеба и в мои, когда два года назад соперничала за место в женском показе мод в Париже. Я быстро ей отказал. Калев — не тот, кто будет умалчивать свое мнение, касательно любого человека, он наказал ее за непрофессионализм в прессе. Ни у одного из нас не было никакой заинтересованности. Видимо, у моего отца она есть.

— Он — взрослый человек. Его решения являются его собственными. — поворачиваю назад к атриуму и останавливаюсь. — Передавай ему привет.

Глава 15

Айла

— Твоя бабушка была бы так горда тобой сегодня вечером, Айла. — Дэвис оборачивает свою руку вокруг моего плеча, когда мы выходим из концертного зала. — Я бы хотел, чтобы она могла быть здесь, чтобы увидеть тебя.

Я улыбаюсь его нежным словам. Смерть моей бабушки была тяжелой и для Дэвиса. Он знал ее с тех пор, как был ребенком, впервые учащимся играть на виолончели.

После ее выхода на пенсию, она стала одной из самых любимых частных учителей музыки в Чикаго. Ее расписание всегда было заполнено, а улыбка постоянно находилась на ее лице. Музыка была ее страстью, и она передала ее, и многое другое, мне.

— Она была бы так горда и тобой тоже. — я постукиваю его руку. — Ты — одна из ее величайших историй успеха.

— Я? — он делает шаг назад, чтобы толкнуть локтем своего отца. — Ты слышал это, папа? Айла снова поет мне дифирамбы.

Я громко смеюсь.

— Я буду скучать по тебе, как сумасшедшая, когда ты уедешь в Израиль. — я закрываю глаза, пытаясь сдержать свои эмоции. — Кто будет звонить мне поздно ночью, чтобы спросить, тренировалась ли я?

Его улыбка сияет.

— Я собираюсь названивать тебе каждый день, а ты будешь продолжать тренироваться. Не то, чтобы ты нуждалась в тренировке. Сегодня вечером ты была звездой шоу, Айла.

— У меня нет ничего от них. — я указываю на главную сцену. Возможность наблюдать за тем, как сегодня вечером играл Оркестр филармонии, была нашим подарком за добровольное согласие быть частью мероприятия на благо искусств. Наряду с классическим гитаристом, пианистом и дуэтом трубачей, мы согласились принять участие в демонстрации молодых талантов.

Когда Дэвису позвонили с просьбой, чтобы наш квартет принял в этом участие, он не колебался, чтобы сказать «да». Это не только удивительная возможность; также это наш последний шанс выступить вместе. Новый виолончелист, женщина немного старше меня, займет его место в конце следующего месяца, мы тогда приглашены в мэрию на церемонию посвящения.

— Однажды ты будешь на этой сцене. — Дэвис смотрит вниз на изношенный футляр для скрипки в моих руках. — А я буду сидеть впереди в центре и смотреть.

— Мы оба будем смотреть. — говорит мистер Бенуа сквозь улыбку. — Завтра твой день рождения, Айла? Давай пойдем выпьем. Я угощаю. Не каждый день тебе исполняется двадцать один год.

Я должна отметить, что мне не будет двадцать один год еще в течение часа, и я оставила свой фальшивое удостоверение личности у себя дома. На самом деле, я не использовала его с той ночи в Skype. Я до сих пор обдумываю, вернусь ли я когда —нибудь туда.

— Я думаю, я просто отправлюсь домой. — я оглядываюсь на ныне пустой концертный зал. Я надеялась еще раз увидеть мистера Фостера, но этого не произошло.

— Для нас есть машина. — Дэвис поднимает обе брови. — В основном так я могу доставить обратно в свой отель мою виолончель.

— Замечательно. — протяжно говорю я. — Я отвезу это на автобусе.

— Ты поедешь с нами. — Дэвис протягивает руку в мою сторону. — Мы высадим тебя по дороге.

— В этом нет необходимости. — я слышу явно рычащий голос Габриэля Фостера, как раз тогда, когда его рука касается моей поясницы. — Я доставлю Айлу домой.

***

Я еще раз смотрю на спинку сиденья передо мной. Водитель поместил мой футляр для скрипки на переднем пассажирском сидении, прежде чем держал открытой для меня заднюю дверь.

— Я буду охранять ее ценой собственной жизни, Айла. — улыбка мистера Фостера мягкая и манящая. — Это — сокровище. Я понятия не имел, что вы играете на скрипке.

Я понятия не имела, что он настоит на том, чтобы я приняла его предложение отвезти меня домой.

Сначала я отказалась, сказав ему, что хочу провести время с Дэвисом, прежде чем он уедет, но он был очаровательным, когда настаивал. Я наконец — то согласилась, когда увидела, как Дэвис показывает мне два поднятых больших пальца за спиной мистера Фостера. Он может думать, что этот мужчина имеет скрытые мотивы, приглашая меня на заднее сиденье своего седана, управляемого водителем, но я — то знаю лучше. Ему любопытно узнать о моей музыке. Она застала его врасплох.

— Вы — замечательная девушка. — он нажимает кнопку на консоли перед нами, которая поднимает вверх барьер из тонированного стекла, отделяющего нас от водителя. — Как долго вы играете?

— Вечность. — честно говорю я. — Я играла большую часть своей жизни.

— Вы изучали скрипку?

— Я брала уроки музыки. — быстро продолжаю я, — общие музыкальные занятия, которые есть у всех детей в школе, но моя бабушка была той, кто обучал меня.

— Ваша бабушка? — его темные глаза скользят по моему лицу. — Она — учитель музыки?

Я пробегаюсь рукой по своим волосам, прежде чем почесать подбородок.

— Моя бабушка была самым талантливым скрипачом в мире. Она закончила свою карьеру в Чикаго. После этого она преподавала музыку, пока...

Он устраивается на сидении, сгибая колено, так что оказывается ко мне лицом.

— Ее больше нет, Айла? Вы говорите, как будто она умерла.

Я прикусываю свою нижнюю губу. Я неохотно разговариваю об этом с кем бы то ни было. Боль из — за ее смерти может быть не столь же острой, как это было в то утро, когда я нашла ее в своей постели холодной и неподвижной, но это все еще та потеря, от которой я никогда не оправлюсь.

— Да, сэр. Она умерла.

— Мне жаль это слышать. — он наклоняется, чтобы коснуться моей руки.

Я пялюсь на его руку, восхищаясь тем, насколько она большая по сравнению с моей.

— Благодарю вас, мистер Фостер. Я ценю это.

— Габриэль. — он ведет своим указательным пальцем вверх по моей руке. — Я бы предпочел, чтобы ты называла меня «Габриэль».

Чувство того, как его палец прокладывает путь по моей коже, заставляет меня покрываться мурашками. Звук его голоса влияет на меня таким образом, который и

нервирует, и возбуждает.

— Габриэль. Я буду звать тебя «Габриэль».

— Я первым признаю, что у меня вообще нет музыкального таланта. В нашей семье весь талант унаследовал мой брат.

— Ты имеешь в виду Ашера? — спрашиваю я, не задумываясь. — Конечно же, ты имеешь в виду Ашера. Сейчас он повсюду.

— Прямо сейчас он находится в Токио, на гастролях. — его рот дергается. — Я все еще приспособливаюсь к тому, что мой младший брат — рок — звезда.

— Я думаю, что он невероятно талантливый. — говорю я. — Я люблю его музыку. Я слушаю ее все время.

Он скользит одной своей рукой на спинку сиденья позади моей головы, а другая направляется к черной коже на сиденье рядом со мной, заключая меня в клетку. Он так близко, что я могу вдыхать аромат его одеколona.

— Расскажи мне о своем дне рождения, Айла. Сегодня вечером я слышал, как твои друзья говорили об этом. Что такая женщина как ты запланировала на такой особый день?

Я всматриваюсь через затемненное окно на улицы Манхэттена. Уже около полуночи, но город все еще жив. Люди идут по тротуарам, такси и машины пролетают мимо нас, когда мы едем к моей квартире.

— Я не думала об этом.

— Должно же быть что — то особенное, что тебе понравится? Возможно, опыт, которого у тебя никогда не было прежде.

Я быстро поворачиваюсь, чтобы взглянуть на него.

— Женщина твоего возраста должна переживать что — то новое. — его рука покидает сидение; проходя медленный путь вверх по моей руке к плечу, прежде чем он достигает моего подбородка. — Город наполнен множеством возможностей.

Я чувствую, как прилив желания пробегает вверх по моей шее. Я тяжело сглатываю, пытаюсь устранить комок, который находится у меня в горле. Даже если бы я хотела ответить, сомневаюсь, что любой звук, который покинет меня прямо сейчас, напомнил бы что — либо, кроме глубокого и неконтролируемого стога.

Машина направляется к остановке, но я так загипнотизирована тем, как он смотрит на меня, что не сдвигаюсь ни на дюйм. Я не хочу. Я никогда не была так близко к мужчине, похожем на этого, и, определенно, на меня никогда не смотрел мужчина так, как он это делает прямо сейчас.

— Ты дома. — он наклоняется ближе. — Позволь мне быть первым, кто поздравит тебя с днем рождения.

Я задерживаю дыхание, когда его голова опускается ко мне. Я слабо стону и тогда, когда начинаю закрывать глаза, то чувствую, как его губы проходятся по моей щеке.

— С Днем Рождения, Айла. — шепотом говорит он в мою кожу. — Пусть это будет лучший год твоей жизни.

Глава 16

Габриэль

Ее кожа пахнет совершенством. Я мешкаю, как только целую ее в щеку, зная, что мне

нужно выйти из машины, ведь у меня есть возможность провести ее в здание.

Мы не разговариваем, тут так тихо. Ее дыхание неровное и быстрое. Мои губы все еще покоятся на ней, мои руки сжаты в кулаки — видимый признак внутренней борьбы, я борюсь с собой.

Я ее хочу.

Я хочу поцеловать ее красивые губы.

Я хочу трахать ее сладкое, соблазнительное тело.

— Мистер Фостер. — ее голос такой тихий, что я едва могу ее услышать. — Габриэль, пожалуйста.

Пожалуйста.

Ее рука движется от нее коленей к моему предплечью. Она зажимает в кулаке материал пиджака, прежде чем отпустить его. Я дрожу, когда чувствую, как ее рука движется вверх по моему бицепсу, по моему плечу, а затем, наконец — то, она прислоняется к задней стороне моей шеи.

Это приглашение; также, как и звук ее дыхания. Также, как и движение ее бедер на коже сидения, когда она раздвигает их, желая моего прикосновения.

Ее рука скользит выше, останавливаясь, когда достигает основания моих волос. Ее пальцы слегка касаются моей кожи, нежно, так нежно.

— Пожалуйста. — на этот раз это — мой голос. Я не умоляю. Я не буду умолять.

К черту это. Я буду ее умолять.

Ее рука запутывается в нижней части моих волос, когда она выгибает свою шею, скользит своими губами по моей щеке и, наконец, наконец, я чувствую ее вкус на моих губах.

Я издаю стон, когда ее мягкие губы надавливают на мои. Я проскальзываю своим языком в ее рот, желая насладиться ею любым возможным способом.

Моя награда — это самый сладкий стон наряду со слабыми звуками ее перемещения на кожаном сиденье автомобиля.

Я перетягиваю ее к себе на колени так, чтобы она сидела ко мне лицом и обхватывала меня своими бедрами. Вдалеке я слышу, как звонит мой телефон. Это не важно. Это не может быть важным. Ничто не может быть также важно, как это.

Она устраивается, потираясь через штаны о мою эрекцию. Моя грудь вздымается от этого ощущения. Я никогда не кончал от стимуляции моего члена только женским телом или рукой женщины. Чтобы заставить меня разрядиться, всегда требовался жадный рот или гладкая киска. Я никогда не кончал подобным образом, до сего момента, но я знаю, что мог бы это сделать прямо сейчас.

Чувствую, что могу взорваться, если она не остановится.

— Айла. — я пробегаюсь своими руками вверх по ее бедрам, поднимая выше юбку ее платья. — У тебя такая мягкая кожа.

Мой телефон звонит снова. На этот раз, его настойчивое жужжание останавливает ее движения.

— Может быть, это важно. — ее дыхание касается моих губ на мгновение раньше, чем это делают ее губы.

Я качаю головой, сильнее сжимая ее бедра. Она толкается своими трусиками в мою промежность, кружась, искушая, желая.

— Ты — красивая женщина, — шепчу я, когда смотрю вниз на ее бедра. — Прекрасна

каждая часть тебя.

Она дышит урывками, когда я еще выше поднимаю ее платье, открывая прозрачные черные трусики, надетые на ней.

— Иисусе, Айла. — я двигаю своей левой рукой, медленно продвигаясь ею вверх по ее бедру.

Наглый стук в стеклянную перегородку пугает ее так сильно, что она откидывается назад, чуть не падая с моих коленей. Мои руки быстро хватают Айлу за талию, притягивая ее к моей груди.

— Что. — рывкаю я. — Что такое, Чарльз?

Стекло опускается не более чем на дюйм.

— Мистер Фостер, я прошу прощения.

Мой телефон звонит снова. Я смотрю вниз туда, где он вибрирует, на внутренний карман моего пиджака.

— Что происходит, Чарльз? Я полагаю, что твое вмешательство связано с этими непрекращающимися звонками.

— Все дело в вашей матери, сэр, — громко говорит он. Его голос приглушен стеклом. — Она была доставлена в больницу.

***

Я вхожу в отделение неотложной помощи и сразу же меня охватывает чувство обреченности. Здесь нет репортеров требующих заявления. В фойе я не засек ни одного фотографа, пытающегося получить доступ к палате моей матери.

Это уже третий раз в этом году, когда моя мать жаловалась на боли в груди. Каждый из двух предыдущих раз, она при полном параде, прибывала на машине скорой помощи. Врачам понадобилось не более часа, чтобы определить, что ее дискомфорт вызван чувством тревоги.

Позже, гораздо позже, я узнал, что она договорилась с прессой, чтобы они были там оба раза. Она искала сочувствия. Это был завуалированный план: сделать так чтобы ее имя быстро попало в центр внимания и на некоторое время оказалось в поле зрения моего отца.

— Бен. — называю я имя своего кузена, когда вижу, что он стоит рядом с медсестрой. — Моя мать. Она была доставлена сюда.

— Габриэль. — Он сует медсестре планшет, находящийся в его руке, прежде чем подойти ко мне. — Мы тебя ждали.

Я не стесняюсь, когда он крепко меня обнимает. Мы не всегда были близки, но это изменилось, когда он наладил отношения со своим братом — близнецом, Ноем. Бен отстранился от семьи после смерти своей матери, и мы потеряли связь. Теперь, когда он находится в Нью — Йорке и работает главой Отделения Скорой помощи в одной из самых оживленных больниц города, я постоянно его вижу. Мы медленно возобновили нашу дружбу, что было хорошо для нас обоих.

— Как она? — я слышу дрожь в своем собственном голосе, когда касаюсь его щеки. — Я пытался дозвониться Калэбу по дороге сюда, но он не отвечал.

Он кладет руку мне на спину.

— Мы делаем анализы. Калэб и Роуэн находятся с ней. Я отведу тебя к ним.

Анализы. Само слово не о чем не говорит. Ей делали анализы и раньше, но каждый раз результаты были одинаковы. Она испытывает тревожность. Она перевозбуждается. Она требует внимания.

— Кто —нибудь звонил Ашеру? — ее голос — это первое, что я слышу, когда отодвигаю в сторону синюю занавеску, отделяющий ее кабинку от других. — Он придет? Он придет, чтобы меня увидеть?

Калев сидит на пластиковом стуле, близко придвинутом к кровати. Роуэн, все еще одетая в серебристое платье — футляр, которое было на ней ранее, стоит позади него, ее руки покоятся на плечах Калеба.

— Сейчас он не может, Джанна, — тихо говорит она. — Я сказала ему, что мы ему позвоним, как только узнаем больше.

— Я хочу с ним поговорить. — ее голос дрожит. — Может кто — то позвать его к телефону?

Я делаю шаг вперед не только, чтобы ответить на ее вопрос, но чтобы сменить моего брата на его посту.

— Я здесь. Я пришел, когда услышал.

Ее глаза лениво проходятся по моему лицу, ни разу не останавливаясь, чтобы выразить признательность за мое присутствие.

— Если вы скажете Ашеру, что он мне нужен, то он придет.

— Скажи мне, как ты себя чувствуешь, мама. — я стукаю Калеба по плечу, показывая, чтобы он двигался. — Сейчас я с тобой посижу.

— У нее повышенное артериальное давление. — Роуэн смотрит на меня. — Ей было трудно дышать. Я была на кухне, делаю ей кофе, а Калев переодевался в спальне. Я слышала, как она упала.

— Она с вами поехала домой? — спрашиваю я, выгнув бровь. У моей матери есть номер в отеле нашей компании. Это личное пространство, выделенное только ей, когда она находится в Нью — Йорке.

Калев сжимает мое плечо.

— Я подумал, что так будет лучше. Я надеялся, что мы оба могли поговорить с ней утром о последнем развитии событий с папой.

Я бросил взгляд вниз на кровать. Очевидно, что это больше, чем приступ тревоги. Краска полностью сошла с ее лица. Она заметно дрожит.

— С тобой все в порядке? — наклоняюсь, чтобы поцеловать ее в лоб. — Что случилось? Ты почувствовала слабость?

Ее нижняя губа слегка дрожит, прежде чем ее глаза останавливаются на Калебе, а потом на мне.

— Он позвонил, когда я пошла в дамскую комнату.

Я делаю глубокий вдох, теперь понимая, что произошло. Она знает. Отец звонил, чтобы сказать ей.

— Я думаю, что мое сердце разбито. — ее рука, с трубкой, прикрепленной чтобы подавать жидкость из капельницы, покоится на середине груди. — Он любит кого — то другого. Он никогда снова меня не полюбит.

Глава 17

Айла

— Ты когда —нибудь была влюблена, Айла?

Интересно, это вопрос с подвохом или нет. Он может быть искренний, но это сомнительно. Я отвечу честно, потому что это лучшая политика, или так говорят. К тому же, этот разговор может реально помочь отвлечь меня от Габриэля. Я все еще чувствую наслаждение после того, что случилось в его машине прошлой ночью.

— Нет, я никогда не была влюблена.

— Это из — за твоего веса?

Ну, бля. Я сама на это пошла.

— Что не так с моим весом?

Глаза Сесилии осматривают то же розовое облегающее платье, которое я надеваю, по крайней мере, один раз в неделю.

— Ничего. Я не имею в виду, что у тебя на самом деле есть лишний вес. Я думаю, что ты относишься к тем, кого люди называют «соблазнительная».

Я думаю, что ты относишься к тем, кого я называю «бесноватая сучка».

— У меня никогда не было жалоб. — Я провожу своей рукой вниз по своему боку к талии.

— Ты говорила, что у тебя есть парень, — непринужденно продолжает она. — Ты его не любишь?

— Нет. — Я вытаскиваю больше бюстгалтеров из картонной коробки у моих ног. — У меня был парень, и я его не любила.

— Он тебя бросил, да?

Серьезно, Сесилия? Преодолей уже себя.

— Наш разрыв был взаимным, — говорю я, хотя знаю, что я должна увести ее от этого разговора, как бы он не закончился. Я вернулась сюда более часа назад, чтобы помочь ей распаковать доставленный товар. Сейчас очередь Стеф это сделать. — Что насчет тебя, ты когда —нибудь была влюблена?

— Да.

Ответ на этот вопрос так сильно застает меня врасплох, что я роняю обратно в коробку бюстгалтеры, находящиеся в моих руках.

— Ты была влюблена?

— Однажды. — Она так громко сглатывает, что я уверена, что все в бутике могли это услышать. — Это было очень давно. Я была молода.

Она все еще молодая.

— Каким он был?

Ее брови слегка морщатся, когда она подбирает бюстгалтеры и сама начинает сортировать их. Я смотрю, не произнося ни слова, как она шевелит губами, как будто репетирует то, что скажет.

— Сегодня твой день рождения? — Она одаривает меня слабой улыбкой. — Сегодня утром я забыла поздравить тебя с днем рождения.

Я никогда раньше не чувствовала жалость к Сесилии. Она преподносит себя, как закрытую и холодную личность. Может быть, это только фасад и под всем этим находится сердце, которое подвергалось мучениям, и было разбито. Возможно, ей причинили такую сильную боль, что она не может позволить себе чувствовать что — либо к кому — либо, нет даже намека доброты и сострадания.

— Спасибо. Я улыбаюсь в ответ.

— Ты должна идти обратно в зал. — Она кивает подбородком в сторону открытой двери

на склад. — Товар, не может продать себя сам.

***

— Я думаю, что это принадлежит тебе. — Габриэль держит футляр для скрипки в своих руках. — Сожалею, что не вернул ее раньше.

Я слегка качаю своей головой.

— Нет, пожалуйста. Тебе не за что извиняться. Как твоя мать?

Он протискивается мимо меня, чтобы поставить футляр на прилавок.

— Она будет в порядке. Все дело было из — за переутомления и стресса. Она день или два будет восстанавливаться в больнице. Затем мы ее оттуда заберем.

Я смотрю через бутик туда, где Сесилия помогает клиенту.

— Я рада, что она в порядке. Вчера вечером я волновалась после того звонка.

Он делает шаг вперед, его рука подпрыгивает к темно — синему галстуку на его шее. Он поправляет его, пока смотрит на меня сверху вниз.

— Если бы это был кто — либо другой, остро во мне нуждающийся, я бы сказал ему идти в ад.

Я опускаю свои глаза в пол, когда чувствую румянец, охватывающий мои щеки. Он был джентльменом, после того, как водитель рассказал ему о своей матери. Он стянул меня со своих коленей, почти сразу же вышел из машины, а затем помог выбраться мне. Проводив меня к входной двери моего дома, поцеловал меня в лоб, прежде чем развернуться и пойти обратно к машине.

— Спасибо, что довез меня домой.

— Ты можешь поблагодарить меня, позволив мне сегодня вечером купить для тебя ужин, в честь твоего дня рождения.

Я смотрю снизу вверх в его глаза.

— Сегодня вечером? Ты хочешь пойти на ужин сегодня вечером?

Резко выдыхая, он подходит еще ближе.

— Я понимаю, что это приглашение в самый последний момент. У тебя есть планы?

Это неофициальные планы. Когда я прошлым вечером зашла в дверь квартиры, Найджел и Кассия свернулись в клубок под одеялом на диване. Я сразу же почувствовал облегчение, когда увидела, что они оба были одеты. Я попыталась прошмыгнуть мимо них к себе в спальню, но Кассия остановила меня, чтобы настоять на том, что я буду сегодня ужинать с ней и с Найджелом. Я согласилась, главным образом потому, что была очень уставшей, и все еще под кайфом от того, что несколько минут назад поцеловала Габриэля.

— Я сказала своей соседке по квартире и ее бойфренду, что поужинаю с ними, — честно я говорю.

Прежде чем он что — то говорит, повисает очень заметная тишина, и я понимаю, что он ждет, чтобы я продолжила. Он ожидает, что я скажу, что изменю свои планы. Я могу это сделать, но Кассия была так добра ко мне с тех пор, как я переехала в Нью — Йорк, и воодушевление в ее улыбке было таким трогательным, когда я сказала, что хотела бы поужинать с ними.

— Тогда в другой раз. — Он делает шаг назад.

— Мне бы этого очень хотелось. — говорю я. — Еще раз спасибо за то, что принес мне мою скрипку.

— Наслаждайся своим днем рождения, Айла. — Он изучает мое лицо, прежде чем егс

глаза путешествуют вниз к моему платью. — Ты на пороге невероятного будущего. Я чувствую себя гордым тем, что прошлым вечером увидел, как ты играешь.

Эти слова означают гораздо больше, чем он когда — нибудь об этом узнает.

— Спасибо, Габриэль.

Призрак ухмылки расплывается на его губах.

— Ты слушала. Мне это нравится. Я буду на связи.

— Я с нетерпением этого жду. — я делаю глубокий, прерывистый вдох, когда наблюдаю, как он разворачивается и выходит из магазина.

На этот раз я знаю, без тени сомнения, что Габриэль Фостер приходил не только для того, чтобы меня проверить, он заинтересован во мне также как и я в нем. Это может быть лучшим днем рождения, который у меня когда — либо был.

Глава 18

Габриэль

В середине дня был доставлен букет цветов, который я заказал для Айлы. Я был настойчив при разговоре с флористом касательно того, какие цветы она включит в букет. Я не знаю о том, что предпочитает Айла, но знаю то, что нахожу красивым. Я хотел чего — то очаровательного и яркого, что вызовет улыбку на ее великолепном лице.

Так и было.

Она позвонила в мой офис вскоре после трех и попросила поговорить со мной. Я был на встрече, но Софья получила указания прервать меня в тот же момент, как позвонит Мисс Лейн.

По телефону ее голос звучит также мягко, как и при личном общении. Я услышал искреннюю благодарность в ее голосе.

Карточка, доставленная вместе с букетом, содержала в себе приглашение на праздничный напиток в мой любимый бар после запланированного ужина. Она сообщила мне по телефону, что согласна со мной там встретиться в одиннадцать часов вечера.

Через шесть часов.

Это риск, возможно, даже необдуманый. Прошлым вечером, в тот момент, когда мы целовались, я затерялся в ней. В потребности узнать ее, в сильном желании быть рядом с ней, и в постоянном и всегда присутствующем вожделении овладеть ею.

— Ты сегодня собираешься провести время с мамой, или нет? — Калеб заворачивает за угол и проходит через открытые двери моего офиса. — Я только что из больницы, и мать сказала, что ты не показывался.

Естественно, что она это сказала. Я заглянул туда после того, как был в бутике, чтобы вернуть скрипку Айле. Моя мать, выпрямившись, сидела в кресле у окна, болтая по своему смартфону с кем — то, кто явно симпатизировал ее тяжелому положению.

Я целых двадцать минут сидел на краю ее больничной койки, ожидая, когда она закончит разговор, но она так этого и не сделала. Мой день был слишком загруженным, чтобы посвятить его тому, чтобы слушать рассуждения моей матери о выборе цвета лака для ногтей, так как ее маникюрша уже ехала к ней в больницу.

После того, как быстро поцеловал ее в лоб, и поговорил с моим кузеном, Беном, об улучшении ее состояния, я уехал.

— Я был там раньше. — я сильно ударяю пальцем по столу. — Она разговаривала по телефону.

— Она ждет, что ты к ней заедешь. — Он игнорирует все, что я только что сказал. — Роуэн заглянет в больницу после работы. Ты можешь сесть ей на хвост.

— У меня планы. — и это правда. Я собираюсь в спортзал, прежде чем принять долгий, горячий душ. После этого, я оденусь, а затем отправлюсь в бар, чтобы встретиться с Айлой.

Он выгибает левую бровь.

— Она взбесится.

— Я позвоню ей, чтобы пожелать спокойной ночи. — я указываю жестом на свой телефон. — Она с этим справится, Калев. Она всегда справляется.

***

Я пью второй стакан скотча, когда вижу ее, входящую в бар. Ее руки удерживают на месте юбку короткого черного платья, которая задирается из — за сильного ветра, который начался поздно вечером. Ее волосы, вероятно, свежeweымытые и политые лаком перед тем, как она вышла из своей квартиры на ужин, сейчас лежат вокруг ее лица спутанной беспорядочной массой.

Она выглядит растрепанной в самом заманчивом виде, который только возможен.

Ее глаза сканируют слабо освещенное пространство в тот момент, когда я встаю. Я вижу на ее лице мгновенное узнавание и, возможно, облегчение, когда ее рука поднимается и слегка машет.

Она подходит ко мне. Решительно и устойчиво двигаясь на своих каблуках. Хотя, они добавляют ей несколько добрых дюймов роста, я все еще возвышаюсь над ней.

— Габриэль. — Ее язык выскакивает и увлажняет ее нижнюю губу. — Мне очень жаль, если я опоздала.

Она не опоздала. Я битый час расхаживал по своему пентхаусу, прежде чем я позвонил водителю, чтобы он меня сюда привез. Это было вскоре после девяти часов вечера.

Я сидел в этом кресле, просматривая электронную почту на телефоне, пока ждал ее. За короткое время я разделил стол с дизайнером, с которым работал три года тому назад, а затем дважды с женщинами, которые сами подсаживались, чтобы присоединиться ко мне.

Я незамедлительно ясно дал понять, что берегу свое время и внимание, для кое — кого другого.

В любую другую ночь я бы купил выпить одной женщине или им обеим. Я бы слушал, как они рассказывали мне о своей жизни и недостатках мужчин, с которыми они были раньше. Затем, я бы заплатил по счету, сопроводил их в отель и через несколько минут, я бы вытрахал каждую последнюю унцию стресса из своего тела.

Не сегодня. Сегодняшний вечер только для Айлы.

— Ты не поздно. — Я хватаю ее за предплечье, когда наклоняюсь, чтобы поцеловать ее в щеку. — Ты сегодня прекрасно выглядишь.

Хватка моих рук заставляет ее застонать. Ее губы раскрываются, когда она смотрит снизу вверх на мое лицо.

— Ты тоже привлекательно выглядишь.

Такие комплименты, как этот, являются частью моей жизни. Я принимаю их с благодарностью, но я никогда не придаю им значения. Нью — Йорк наполнен красивыми, успешными людьми. Я это знаю.

Но слышать эти слова от Айлы, это совсем другое. И это понятно, так как она невероятно от всех отличается.

— Как прошел ужин? — спрашиваю я, выдвигая за спинку стул, стоящий рядом с тем, где я сидел.

Она на него садится, кивая головой в знак признательности.

— Ужин был восхитительным. Они отвели меня в ресторан в Гринвич — Виллидж. Там было так хорошо.

Я снова сажусь, но перед этим придвигаю свой стул ближе к ней.

— Как называлось то место?

Ее глаза скользят по моим бедрам, прежде чем она смотрит на меня.

— Я не уверена. Мы все вместе ехали туда в такси. Хотя у меня есть фотографии моего ужина.

Она протягивает руку к своему клатчу, лежащему на столе. Движение туго натягивает перед ее платья, а в низком вырезе видна полнота ее груди.

Я заказываю выпить. Мне, возможно, потребуется еще один стакан скотча.

— Он был действительно хорош. — Она прокручивает изображение на своем телефоне. Я мельком увидел несколько фото: ее рядом с темноволосой женщиной ее возраста, голубя, который ест хлебные крошки с тротуара, а затем тарелку пасты.

Она пихает телефон в мою сторону.

— Я сделала несколько снимков. Ты можешь увидеть, что я имею в виду. На вкус это так же, как и выглядит, божественно.

Ее восторженность заразна. Я не могу не улыбнуться, когда смотрю, как она говорит.

Бросаю взгляд от ее лица к ее телефону, лежащему на столе передо мной. Я смотрю на экран и чаша пасты, которую она считает достаточно достойной того, чтобы пленить воображение, плохо видна на фотографии.

— Есть еще две фотки. — Она наклоняется ближе, ее рука трётся о мою. — Просто проведи пальцем.

Я делаю, как говорят, провожу пальцем по экрану.

— Это не та. — Она тянется вперед, чтобы схватить телефон, но я слишком быстр. Я хватаю ее за руку, чтобы остановить.

Опускаю свой подбородок к экрану с изображением Айлы в голубом платье. Очевидно, она сделала фото в зеркале.

— Это один из наших дизайнов. Ты в этом выглядишь сногшибательно, Айла.

Ее губы слегка двигаются, когда ее глаза исследуют моих.

— Я просто хотела его примерить. Я однажды отправилась в бутик Arilia перед работой.

— Я понятия не имел, что платье может так выглядеть. — Я беру телефон, наклоняя его немного влево, чтобы получить больше света от лампы, расположенной над головой. — Ты просто создана для этого платья.

Она протягивает руку, чтобы мягко взять телефон из моих рук.

— Все платья в бутике Arilia красивые. Дизайнеры действительно талантливы.

Я не продолжаю эту тему, когда вижу, что приближается официант. Я жду, пока он спрашивает ее, что она хотела бы выпить.

Она проводит рукой по своим волосам, заправляя за левое ухо свои мягкие белокурые локоны.

— Я думаю, что должна придерживаться газированной воды. Прямо сейчас я стараюсь

избегать употребления алкоголя.

— Правда? — спрашиваю я с ухмылкой. — Это твой двадцать первый день рождения. Ты не хочешь выпить, чтобы это праздновать?

— Нет, — уверенно говорит она. — Я не могу. Я пообещал себе, что не буду пить сегодня вечером. Я хочу помнить каждый момент моего первого дня рождения на Манхэттене. Иногда, когда я пью вещи становятся туманными.

Я смотрю вниз на свои часы.

— Осталось еще сорок пять минут твоего дня рождения. Я бы хотел сделать его запоминающимся.

Ее губы изгибаются.

— Что у тебя на уме?

Я встаю со стула и протягиваю ей руку.

— Пойдем со мной, Айла. Я сделаю так, что ты никогда не забудешь это день.

Глава 19

Айла

— Ты не будешь стоять близко к краю. — Я слегка стучу по его груди. — А мир знает, что Габриэль Фостер боится высоты?

Он смеется низким голосом, звук отражается от стальных стен лифта.

— Я не боюсь высоты, Айла. Я смотрел, как ты наслаждалась видом.

— Это твоя история? — хихикаю я. — Я могу подтвердить это для прессы, если они спросят.

Его брови взлетают.

— Вы бы сделали это для меня, мисс Лейн? И ты не скажешь «гончим псам», что я отвел тебя на крышу здания «Фостер Энтерпрайзес», чтобы ты могла посмотреть на звезды, в то время как я стоял в своих ботинках далеко от края, дрожа от страха?

— Это не ботинки. — Я указываю на его ноги. — Это причудливые туфли Фостера.

— Причудливые туфли Фостера? — Его рука прыгает на мой подбородок, прежде чем он пробегает своим пальцем по моей нижней губе. — Это как раз может быть хэштегом, который мы используем в социальных СМИ, когда запустим новую мужскую коллекцию обуви.

Я слегка раскрываю свои губы, проталкивая наружу свой язык, чтобы он мог коснуться пальца Габриэля.

— Ты ведь не ответственный за маркетинг? Если ты эти занимаешься, то в дальнейшем тебе не стоит этого делать.

Он наклоняет свой подбородок, его глаза медленно осматривают меня с головы до ног, когда лифт издает сигнал, оповещающий о нашем прибытии на верхний этаж.

— Ты уверена, что хочешь присоединиться ко мне за бутылочкой газированной воды?

— Да, сэр, я уверена.

Его пристальный взгляд встречается с моим, и я вижу какие — то изменения. Его игривая часть снова ускользнула на задний план. Напряженность, которая почти всегда между нами присутствует, появляется и сейчас.

Двери лифта открываются. Его голова слегка поворачивается к огромному

пространству, дополненному большими окнами, из которых открывается вид на город.

— Я пообещал сделать этот день таким, что ты его никогда не забудешь, Айла. Пойдем со мной.

***

Все время, что мы с Габриэлем были на крыше здания «Фостер Энтерпрайзес», я была полностью осведомлена о том, как он на меня смотрел. Даже когда я находилась у края, а он был в десяти футах позади меня, я чувствовала, как его глаза скользили по моей спине.

Когда мы сели в машину, то я надеялась, что он снова меня поцелует. Я этого хотела, но, вместо этого, он притянул мою руку к своему бедру и накрыл ее своей, пока рассказывал обо всех тех вещах, что любит на Манхэттене.

Габриэль Фостер излучает уверенность. Он привлекает внимание, когда проходит мимо людей на улице. Я это видела своими собственными глазами, когда мы вышли из здания к тому месту, где Чарльз припарковал машину. Несколько человек повернулись, чтобы просто на него посмотреть. Он такой красивый, что это заставляет вас задаться вопросом, каково это, поцеловать его или прикоснуться к нему. Теперь я знаю, как это ощущается, и когда мы сидели в машине, и я слушала его рассказы об особняке, в котором он вырос, то увидела в его глазах вспышку чего — то уязвимого. Он быстро повернулся, чтобы взглянуть на медленное движение, но не смог этого скрыть.

Сейчас я снова это вижу, когда он поворачивается к тому месту, где я стою у окон, которые выходят на нижнюю часть Манхэттена.

— У меня кое — что для тебя есть, Айла.

Это не то, что я себе представляла, когда он спросил, хочу ли я присоединиться к нему, чтобы закончить ночь бутылочкой газированной воды. Моя страсть заполнила мою голову грезами: он бы сильно толкнул меня к стене лифта, прежде чем поцеловать меня так глубоко, что мои пальцы подворачивались бы прямо в туфлях, одетых на мне. Затем я представляла его руки, падающие к подолу моего платья, прежде чем он одним быстрым движением стянул бы его через мою голову, чтобы он мог овладеть мной.

Что — то, что у него для меня есть — это явно не что — то твердое как скала, и скрытое под тканью его дорогих штанов. После того, как он налил каждому из нас стакан воды, то подобрал с длинного стола конверт.

— Что это? — осторожно спрашиваю я.

Он засовывает конверт под мышку, когда берет в свои ладони два стакана воды. Я молча смотрю, как он ко мне идет. Он скинул пиджак от своего костюма, как только мы вошли в квартиру, прежде чем ослабить галстук. Это лишь незначительное изменение, но это его меняет. Его волосы поймали ветер, когда мы стояли на крыше, и, не смотря на то, что в лифте он провел по ним рукой, ничто не смогло их приручить. Сейчас он выглядит по — другому, это отличается от любого другого раза, когда я его видела. Он мягче, меньше все контролирует.

Я беру стакан воды, когда он его предлагает, выпиваю половину. Он внимательно за мной наблюдает, прежде чем забирает у меня стакан и ставит его рядом со своим на большой стальной журнальный столик.

— Открой его. — он кладет конверт в мою руку.

Я смотрю на конверт.

Мисс Лейн.

Это все, что на нем написано. Чернила черного цвета; почерк мужской. Совершенно очевидно, что он подписал его, но не ту карточку, которая была вместе с утонченным букетом цветов, который был доставлен в бутик во второй половине дня. Я отчаянно пыталась скрыть карточку от взгляда Сесилии, но она явно увидела ее через плечо. Об этом свидетельствовало ее стервозное отношение во время оставшейся части моей смены.

Я смотрю снизу вверх в его темные глаза, прежде чем бросить свой взгляд обратно на конверт. Переворачиваю его в своих руках, зацепив ногтем плотную бумагу.

Открытка легко выскользывает. Она захватывает дух. Работа на лицевой стороне такая яркая, как все, что вы увидите, выставленным в музее. Цвета яркие, а дизайн подкупает. Я просматриваю ее, мои глаза останавливаются на безошибочной подписи, нацарапанной в нижнем углу.

— Она прекрасна, — начинаю я, прежде чем бросить свой внимательный взгляд на его лицо. — Это фотография работы Брайтона Бека?

Его правая бровь выгибается во время неумолимого движения головы, когда он ее чуть — чуть наклоняет.

— Ты знакома с работой Брайтона Бека?

Я пробегаю пальцы по своему подбородку.

— Да. Это фото из журнала *VOYAGE*. Он написал ее после рождения своего сына. Думаю, он передал ее в детскую больницу в Париже. Они продают открытки с фотографией работы в магазине подарков, чтобы собрать деньги на оборудование.

Он изучает мое лицо, выражение его лица нельзя прочесть. Я должна рассказать ему, что знаю, что все об этом, потому что моя бабушка любила Брайтона Бека с такой страстью, которая могла сравниться лишь с ее обожанием музыки и ее жаждой к литературе. Когда она купила одну из его акварелей на аукционе, то была легкомысленной. Она повесила ее над изношенным кожаным креслом в библиотеке своего дома. Каждый раз, когда я приходила туда, чтобы поговорить с ней, то заставляла ее, рассматривающей картину. Я следила за карьерой художника с момента ее смерти.

— Я могу открыть открытку? — нерешительно спрашиваю я, желая нарушить молчание.

— Пожалуйста, — говорит он, двигая своим подбородком в сторону моих рук.

Я мягко улыбаюсь, прежде бросить взгляд вниз на открытку, удивление, внутри меня ждал сюрприз.

Глава 20

Габриэль

По сравнению с примечательными отношениями, которые были в моей жизни, я до сих пор еще не знаю Айлу Лейн. В общей сложности мы провели вместе не более нескольких часов. Она на много лет моложе меня. Она занимает должность начального уровня в одном из многочисленных бутиков, которыми владеет моя компания. Она была честна в своем заявлении на работу, когда упомянула, что на один лишь год отказалась от мысли учиться в общественном колледже. Она собиралась получить степени бакалавра в музыке, но, видимо, решила временно это отложить на потом.

Я получил две степени в Принстоне. Я на «ты» со многими самыми влиятельными людьми в мире. У меня есть несколько квартир на разных континентах, и я почитаю

искусство, потому что нахожу это подкупающим таким образом, о котором многие люди не имеют понятия.

Тем не менее, теперь, когда я смотрю на Айлу, рассматривающую открытку, которую купил месяц назад, я испытываю благоговейный трепет. Я вошел в сувенирный магазин больницы в Париже после того, как посетил там одного из наших руководящих работников. Сотрудница была там после несложной операции, вместе со своим мужем, они стоя следили за их новорожденной дочерью.

Открытки сразу же бросились мне в глаза. Я не являюсь другом Брайтона Бека, но у нас есть общие знакомые и опыт хождения по коридорам таких учреждений; когда я шел к выходу, то это было унижительно. У меня всегда было здоровье, и увидеть детей, борющихся с их болезнями, было достаточно, чтобы побудить меня купить все открытки, которые у них были.

Я засунул их в шкаф в моем кабинете, когда вернулся в Нью — Йорк, но сегодня, думая о дне рождения Айлы, мне захотелось подарить ей одну из них.

Обычно я делегировал работу по выбору подарка на свою ассистентку, но с Айлой я хотел чего — то большего. Я хотел, чтобы подарок быть личным. Я хотел, чтобы ее лицо засветилось, когда она увидела бы открытку, даже если я думал, что ее реакция будет ограничиваться комментарием о красоте дизайна.

Как, черт возьми, я мог знать, что она не только узнает работу Брайтона Бека, но поймет и оценит значение того, что она напечатана на открытке?

— Это билеты в симфонию. — Она обхватывает два билета своими пальцами. — Близко к сцене. Это места рядом с оркестром?

На ее лице неподдельная улыбка. Это то, что я ожидал, когда позвонил в театральную кассу и небрежно упомянул несколько уважаемых имен в надежде обеспечить два билета на представление, которое состоится на следующей неделе, и на которое уже распроданы все билеты.

— Я знаю, что вчера вечером твое место располагалось на третьем балконе. Я хотел, чтобы ты узнала, каково это, находиться близко к сцене.

— Мое место было расположено практически за пределами здания, — говорит она себе под нос. — Это потрясающе.

— Ты можешь взять с собой кого захочешь. — я провожу пальцами по ее руке. — Возможно, Дэвис Бенуа хотел бы с тобой пойти, или твоя соседка по квартире.

Ее лицо смягчается, когда она смотрит на меня снизу вверх. Ее губы немного раскрываются, прежде чем она их снова закрывает, ее глаза снова устремляются на билеты.

— Это щедрый подарок. Спасибо.

— Тебе суждено быть на каждом выступлении, — говорю я, когда протягиваю руку вниз, чтобы схватить стакан воды, которую пил раньше. — На самом деле, тебе суждено быть на сцене.

Она не отрывается от моего внимательного взгляда, когда она впитывает мой комплимент. Я инстинктивно знаю, что это потому, что она верит, что в моих словах много правды. Я проглатываю воду одним длинным глотком, все время сожалея о том, что не налил себе чего —нибудь покрепче.

— Пойдешь со мной?

Это — то приглашение, на которое я надеялся. Я легко мог бы пригласил ее на выступление, но хотел, чтобы она сама сделала выбор. Я хочу, чтобы она жаждала моего

присутствие рядом с ней, так же, как я жажду ее присутствия рядом с собой.

Я ставлю стакан на стол, прежде чем сделать размеренный шаг ближе к ней.

— Для меня большая честь пойти с тобой, Айла. Поздний ужин после выступления будет окончанием прекрасного вечера.

— Поздний ужин здесь? — ее глаза сканируют слабо освещенную комнату, прежде чем они останавливаются на панораме города.

Я снова уменьшаю расстояние между нами, когда придвигаюсь к ней еще ближе. Сейчас нас разделяет расстояние немного больше дюйма [Прим. пер. — примерно 3 см]

— Я могу это устроить. Это то, чего ты хочешь? Вернуться сюда после того, как мы посмотрим выступление?

Она кладет открытку и конверт на стол, прежде чем повернуться так, что ее спина оказывается у окна. Она слегка отходит назад, совсем чуть — чуть, сплетает свои пальцы перед собой.

— Да, я этого хочу.

Я пристально смотрю на ее лицо, очарованный тем, насколько совершенная ее красота. Ее нос тонкий, а губы полные и розовые. Ее голубые глаза широко раскрыты и обрамлены длинными ресницами. От нее захватывает дух, хотя, ее помада слегка смазана, а ее волосы еще более растрепаны, чем это было раньше.

Я медленно расстегиваю свою запонку на левом запястье, кладу его в карман своих штанов, прежде чем закатать до локтя рукав моей белой рубашки. Ее глаза следят за каждым моим движением, когда то же самое я делаю со своей правой рукой.

— Ты запомнишь этот день рождения? — Моя рука бросается к поясу вокруг ее талии. — Ты запомнишь этот день?

Ее глаза следят за моими пальцами. Я медленно тяну за ее пояс. Он немного сопротивляется, прежде чем оказывается в моей руке.

— Я думаю, что буду помнить его всегда, сэр.

Я делаю шаг вперед, мои руки быстро устремляются к ее шее, я обхватываю ее лицо своими ладонями. Провожу подушечкой своего большого пальца по ее нижней губе. Наклоняюсь, чтобы мягко ее поцеловать, вкушая сладость ее дыхания.

— Я собираюсь убедиться, что ты его никогда не забудешь.

Глава 21

Айла

Наслаждайся, Габриэль.

Это всего лишь два слова. Они были единственным, что он написал в открытке, которую мне подарил. Он мог знать буквальное значение, содержащееся в этих словах. Но не мог знать, каким будет ощущение, когда он опустил ко мне свое лицо и поцеловал меня. Я растаяла. Я крепко держалась за руки, когда они обхватили мои щеки, когда он лизнул своим языком мою нижнюю губу, и я очень громко застонала, когда его рука упала на мое бедро.

— Ты такая совершенная. — Его губы проделывали путь вдоль моей щеки. — Я думал об этом в течение нескольких дней.

Я хочу сказать что — нибудь в ответ; что — то поэтичное и вдумчивое, чтобы эта ночь оставалась в его памяти так же долго, сколько она будет оставаться в моей. Сомневаюсь, что

это возможно.

Я никогда не забуду запаха его кожи, когда он наклоняет голову, чтобы пройтись своими губами вдоль моей шеи. Я никогда не забуду мягкости его волос, когда я пробираюсь сквозь них своими пальцами, и я никогда не забуду, каково это, ощущать его прикосновения.

Он отстраняется достаточно для того, чтобы это вызвало хныканье где — то глубоко внутри меня. Моя рука бросается ко рту, мои щеки мгновенно заливаются краской от осознания того, что мое тело реагирует на него на базовом, первобытном уровне.

— Ты подумаешь, что я говорю об этом... — он останавливается на середине мысли, чтобы наклониться вперед и мягко меня поцеловать. — Айла, ты выглядела такой прекрасной, когда вошла в бар сегодня вечером. У меня никогда не было более сильного желания прикоснуться к женщине.

Эти слова толкают меня назад, но его руки обхватывают меня, удерживают меня на месте.

— Ты меня хочешь, — говорю я, затаив дыхание, понимая, что это больше походит на вопрос, чем на утверждение.

В ответ его губы с силой обрушиваются на мои. Я прижимаюсь к нему своим телом, желая уменьшить расстояние. Мои руки ложатся на его грудь, мои пальцы бесцельно ощупывают пуговицы его рубашки.

— Нет, — шепчет он слово во время поцелуя. — Повернись.

Я игнорирую его слова. В своем отчаянном желании почувствовать его кожу, прикасающуюся ко мне, я хватаю его за галстук, потянув за него, пытаюсь развязать узел.

Его руки оказываются на моих, прежде чем у меня есть время об этом подумать. Он кусает мою нижнюю губу, его язык незамедлительно проделывает путь по месту укуса, чтобы смягчить его.

Я делаю шаг назад, не только из — за внезапной вспышки боли, но и из — за самого действия. Мои пальцы бросаются к моей губе, инстинктивно прикрывая место, где, я знаю, будет опухший синяк.

— Больно, — мягко говорю я. — Ты причиняешь мне боль.

Он укрепляет свою позицию, когда обхватывает своей рукой мой подбородок, наклоняя мою голову назад, чтобы наши глаза встретились. Затем наклоняется вперед, когда он мягко шепчет, то его дыхание щекочет мое ухо.

— Это прелюдия к тому, что произойдет, Айла. Скажи мне, если хочешь, чтобы я остановился. Просто скажи слово.

Я делаю полшага назад, нуждаясь в расстоянии, чтобы отдышаться, и чтобы посмотреть в его глазах.

— Мгла.

— Мгла? — на его лбу появляется складка. — Что за «мгла»?

Я почувствовала это в тот момент, когда увидела его в бутике. Это чувство только усилилось, когда я была с ним наедине в его кабинете, а он стоял рядом со мной. Когда я была у него на коленях в машине, а он хотел меня. Его тело не могло скрыть его желания. Это ощущалось и сейчас, когда он касался моих бедер. Я чувствовала это в его поцелуе. Он предлагает именно то, что я хочу.

Я тихонько выдыхаю, когда смотрю снизу вверх в его глаза.

— «Мгла» — это мое стоп — слово. Если будет слишком, и я захочу, чтобы ты остановился, я его скажу.

Рычание, исходящее от него, практически заставляет меня стать на колени. Оно толкает его на колени, когда он поворачивает меня к стеклу, задирает мое платье до бедер, и медленно стягивает мои трусики, и я знаю, что моя жизнь никогда не будет прежней.

***

— Приготовься. — говорит он глубоким, твердым голосом; его голос — единственный звук в комнате.

Я прислоняюсь своей щекой к холодному стеклу окна. Я чувствую его дыхание на моей нежной плоти. Я чувствовала себя выставленной напоказ и раньше, но никогда это не было так. Я стою на каблуках, моя киска на его полном обозрении, пока его рот и язык находятся так близко. Он так близко, что я чувствую каждое движение его губ, когда он говорит.

— Ты прекрасна, Айла. — Его язык медленно задевает мои гладкие складки. — Ты такая мокрая. Ты же была мокрой всю ночь, да?

— Я была мокрой с тех пор, как ты вошел в бутик много недель назад.

Я чувствую быстрое движение позади себя, когда он поднимается на ноги и тянет вниз молнию на задней части моего платья, прежде чем снять его через голову и бросить его на пол.

— Ты хотела меня тогда? Это был тот день, когда ты сделала мне то непристойное предложение.

Я киваю головой, когда кроткое «да» срывается с моих губ. Я отталкиваюсь назад, чувствуя, что его твердый как скала член, прижимающийся к моей заднице через ткань его брюк.

— Скажи мне, что ты собиралась сделать. — Его пальцы проделывают путь вокруг моих обнаженных сосков, прежде чем он сильно сжимает сначала правый, а затем левый.

— Ах, пожалуйста. — Я сжимаю свои бедра, моя правая рука устремляется от стекла к моей киске.

Его ботинки ударяют меня по ступням, заставляя их отодвинуться еще дальше друг от друга, когда его рука хватается меня за запястье, толкая его обратно к окну.

— Держи свои руки на стекле, или я свяжу их за спиной.

Я быстро двигаюсь обеими руками в сторону своих бедер.

Он реагирует мгновенно. Его руки находят мои, притягивают их обратно к стеклу.

— Не делай этого. Я не шучу.

— Я этого хочу. Я хочу, чтобы ты меня связал.

— Господи, — бормочет он мне в шею, когда он трется об меня своим тазом. — Это уже слишком. Ты — слишком прекрасна.

Мои щеки горят, когда я чувствую, что его тело прижато ко мне. Я наклоняюсь вперед, упираясь лбом в стекло.

— Скажи мне, — шипит он. — Скажи мне, что ты собиралась сделать в тот первый день. Если бы пришла в мой офис, скажи мне, что бы тогда произошло.

Я поворачиваю голову влево, чтобы увидеть его лицо. Пот над его верхней губой соответствует желанию в его глазах. Он также потерян в этом, как и я.

— Я покажу тебе, — предлагаю я, поднимая свой лоб. — Я хочу тебе показать.

Его глаза ненадолго закрываются, когда он сглатывает.

— Нет, не сегодня.

— Пожалуйста, — скулю я, желая ему показать.

Возможно, у меня и не было точного плана в тот день в Liore, когда я предложила заглянуть к нему в офис, но сейчас он у меня есть. Я хочу его попробовать. Я хочу, чтобы его член скользил между моими губами, чтобы я могла слышать те звуки, которые он издает, когда следует к своему освобождению. Я хочу дать это ему. Я хочу угодить ему больше, чем я когда — либо раньше хотела угодить любому другому мужчине.

— Мне нужно это. — его рука ползет между ног, чтобы обхватить мою киску. — Сегодня ночью я хочу это.

Я стону, когда, двигая тазом, трюсь об его пальцы.

— Не двигайся, Айла. Держи руки на этом стекле.

Я слегка киваю, прежде чем комната погружается в тишину. Единственные звуки: мое затрудненное дыхание и мягкий шелест позади меня.

Глава 22

Габриэль

Я ем ее с ожесточением, которого никогда не чувствовал раньше. Мне все недостаточно. Я ее лижу, сосу, вдыхаю в себя ее запах; ее вкус опьяняющий и вызывающий зависимость. Звуки, которые она издает, наиболее возбуждающие из всех, которые я когда — либо слышал.

Ее правая рука падает со стекла в мои волосы. Она тянет за пряди, побуждая меня быть ближе, когда трется своим тазом о мое лицо. Укус боли побуждает меня к большему, потому что я знаю, что она за это заплатит. Я объясню ей, что боль, которую я желаю, и нужда — все это ее.

Я замедляюсь, облизывая и мягко ударяя по ее прекрасному розовому влагалищу, желая подольше удержать ее на грани. Она разочарована. Я слышу это в ее мягких столах и в хныканье. Я чувствую это в ее пальцах, в том, как они хватают и тянут. Она хочет это контролировать. Она хочет, чтобы я дал ей именно то, что ей нужно.

Я отодвигаюсь, и от нее исходит глубокий стон. Мой член ноет от этого звука.

Я стою, упираясь губами в ее ягодицу. Ее волосы в спутанном беспорядке, ее губы влажные и пухлые. Ее кожа светится от легкой дымки, результата того, как она извивалась под моим языком.

— Габриэль, пожалуйста, — скулит она.

— Ты переместила свою руку, — я наклоняюсь к ней и резко шепчу, моя рука скользила по ее ягодице.

Она стонет под моим прикосновением, вставая на цыпочки, в попытке добраться своей мокрой киской до моих пальцев. Она близко. Я чувствовал это своим языком, когда снова и снова кружил им по ее набухшему клитору.

— Я хочу кончить, — мурлычет она. — Позволь мне получить освобождение. Я хочу прикоснуться к себе.

Я поднимаю руку в воздухе, прежде опустить ее на ее задницу. Комнату заполняет звук от резкого удара моей кожи по ее, вместе с гортанным стоном, срывающимся с ее губ.

— Еще раз, пожалуйста?

Бля. Эта просьба практически заставляет меня стать обратно на колени.

Я пробегаюсь своими пальцами по ее складкам, размазывая ее влагу вдоль ее попки,

прежде чем снова по ней ударить, на этот раз сильнее.

— Ах, да. Да.

Я расстегиваю свой ремень, давление внутри моих штанов слишком сильное. Я расстегиваю молнию на своих брюках, медленно, пока наблюдаю, как она виляет попой, ее рука медленно движется назад к ее сердцевине.

Я наклоняюсь, чтобы поднять пояс от ее платья. Я его туго сжимаю в кулаках перед собой.

— Я сказал «нет», прекрасная Айла.

Я быстро двигаюсь, притягивая своими руками оба ее запястья. Я обвязываю пояс вокруг одного, и она сама придвигает второе. Ее руки работают вместе со мной, пока я связываю их вместе за ее спиной. Она переворачивает их, скручивает их прямо вместе с моими движениями, словно мы движемся в замысловатом танце.

— Ну а сейчас ты меня трахнешь? — эти слова кажутся чуждыми ей, хотя, соскальзывают с ее сладких губ. — Я хочу, чтобы меня жестко оттрахали.

Господи, пожалуйста. Да.

Я смотрю на ее лицо, ее правая щека все еще прижата к стеклу. Я наклоняюсь вперед, пробегаю своими пальцами по ее спине, прежде чем обхватить ее подбородок, перемещая его так, чтобы он меня касался, и я мог бы скользнуть своим рот по ее губам.

Поцелуй глубокий, пылкий и, как только я отстраняюсь, то сразу же оказываюсь позади нее.

Я скольжу своими пальцами по ее киске. Она мокрая, такая невероятно мокрая.

Ее дыхание учащается. Ее попка движется, когда она скользит своими ногами в стороны, чтобы они находились еще дальше друг от друга. Я смотрю на ее отражение в стекле. Ее прекрасные глаза закрыты. Ее губы дрожат, когда она громко выдыхает.

Моя рука задевает переднюю часть штанов. Я должен это сделать. Это именно то, что я планировал, когда одевался к сегодняшнему вечеру, и когда положил два презерватива в карман своих брюк. Я даже не был уверен, что смог бы сопротивляться искушению быть внутри нее, прежде чем мы вышли из лифта.

Я отчаянно хотел ее в машине. Когда мы ехали по улицам города, мой мозг вызывал в воображении детальные изображения ее обнаженной на моих коленях, объезжающей мой член.

Я думал о том, чтобы ее трахнуть, с тех пор как впервые ее увидел.

Ее тело было всем, что я себе представлял и даже большим.

Она буквально умоляла меня, чтобы я это сделал.

Все, что я должен сделать, это расчехлить свой член и воткнуть его в ее влажное влагалище. Я могу жестко ее взять прямо у этого окна. Я могу прямо сейчас заявить на нее свои права.

Я делаю глубокий вдох, когда мои руки срываются к стеклу по обе стороны от нее, захватывая ее в клетку.

— Габриэль. — ее голос едва слышен. — Пожалуйста, трахни меня.

Я опираюсь своим лбом о ее спину, бросая взгляд на ее связанные запястья и за них, на изгиб ее голой попки. Я провожу губами по ее плечу, прижимаясь своей щекой к мягкости ее ароматной кожи.

«Мгла» мысленно четко говорю я ее слово, прежде снова упасть на колени, вдохнуть сладкий запах ее возбуждения и лизать ее киску, пока она не кончает, крича мое имя.

Глава 23

Айла

Я безошибочно узнаю мелодию своего смартфона, когда она будит меня своим неприятным звуком. Я понимаю, что некоторые люди раздражаются из — за тех из нас, кто выбирает музыку на будильник так, чтобы сразу встать по тревоге, а не ставят скучный старый колокольный перезвон и обычную мелодию.

Так случилось, что мой рингтон был одной из моих самых любимых вещей в жизни, и так как это мой телефон, то это на самом деле не должно волновать никого другого.

Я тру лицо рукой, пытаюсь прогнать сон со своих глаз. Мне требуется всего пол секунды, чтобы открыть глаза и понять, что это не моя спальня. На самом деле, эта комната, по крайней мере, в четыре раза больше моей спальни и, когда я дома, я никогда, никогда не сплю полностью обнаженной, какой являюсь сейчас.

— Ты проснулась.

Я также никогда не слышала такого голоса в своей спальне, когда не прикасалась к себе, думая о Габриэле Фостере.

Габриэль Фостер. Он действительно прошлой ночью ел меня снова и снова, или же это был сон?

Я сажусь и резко поворачиваюсь налево в тот момент, как мой телефон замолкает.

— У тебя превосходный вкус в выборе рингтонов, Айла. — его голос глубокий и в нем присутствует рычание, что является его характерной особенностью. — Это Бах?

— Нет. — я качаю головой, пытаюсь освободиться от этого сна. — Это не Бах. Это Вивальди. В мелодиях ты можешь услышать уязвимость. Вот почему я его так сильно люблю.

Что? Какого хрена я сейчас делаю? Мои груди на полном обозрении, и я нахожусь в чужой постели, сообщая тонкостях моей любимой композиции.

— Ты крепко спала. — он выходит прямо на линию моего обзора. — Сейчас около семи. Мне нужно в ближайшее время уехать на встречу.

Я поправляю мягкую белую простынь, которая меня прикрывает, и теперь она защищает мою грудь не только от его взгляда, но и от холода в комнате. Он одет не в тот костюм, в котором был прошлой ночью. Тот был темно — синим. Ну а этот серый. Он побрился, принял душ и выглядит готовым принимать вызовы в течение дня.

Мои глаза падают на постель, когда мой мозг вызывает воспоминания о том, что случилось прошлой ночью. Он вылизывал меня возле окна, пока я не кончила. Потом он меня развернул. Нежно поцеловал и развязал мои запястья, а затем отнес меня в свою постель. После того, как он со своим ртом довел меня до еще одного оргазма, то улегся на кровати рядом со мной, его лицо, находилось над моим, в то время как он провел указательным пальцем по моим губам. Я смотрела ему в глаза, пока я, должно быть, не уснула.

В той комнате я умоляла его трахнуть меня. Я хотела этого так сильно, что любое чувство собственного достоинства, которое у меня было, исчезло из — за возрастающей во мне нужды почувствовать его член внутри меня.

Я слышала звук расстегивающегося ремня и молнии, но на этом он и остановился.

Он остановился, когда я хныкала о том, что хочу его член, а когда он упал на колени,

чтобы снова меня вылизать, я почувствовала нахлынувший на меня прилив смущения.

Такое происходило раньше.

Не первый раз я сказала мужчине, что мне нравится быть связанной, только после того, как они на это соглашались, то вскоре очень удобно теряли номер моего телефона.

Я должна была извиниться за то, что так сильно этого хотела. Нет, я должна вытащить из этой постели свою задницу, чтобы я могла отправиться в бутик. Мне не нужно ничего делать, лишь посмотреть на нетронутую подушку рядом с моей, чтобы понять, что он не спал со мной на этой кровати.

Ему принадлежит «Фостер Энтерпрайзес». Работа компании вращается вокруг его графика. Его порыв уйти, чтобы попасть на встречу — не более чем вежливое «хрен с тобой, Айла», и нет, это не в хорошем, или удовлетворительном смысле.

— Дверь автоматически закроется за тобой. — Он бросает взгляд вниз на часы на его запястье. — Я оставил номер своего водителя, Чарльза, он на карточке у твоей сумочки. Позвони ему, когда будешь готова уйти, и он поднимется, чтобы сопроводить тебя вниз к машине.

— Я так и сделаю, — тихо я говорю. — Мне нужно уехать в ближайшее время. Я должна быть на работе в девять часов.

Он опускается на край кровати, так что, когда он сидит, то его лицо находится прямо напротив моего.

— Я наслаждался прошлой ночью. Ты замечательная молодая женщина.

Спасибо? Именно это я должна сейчас сказать?

— Я опаздываю. — он наклоняется вперед, чтобы прикоснуться губами в моему лбу. — Я прошу прощения за то, что уезжаю, но это важно.

Я киваю, когда он встает, поворачивается на каблуках и выходит из спальни. Не имеет значения, важно это или нет. Единственное, что важно, это то, что я потеряла всякое уважение к себе, когда вошла в эту квартиру прошлой ночью.

***

— Я могу вам помочь? — я прижимаю полотенце еще ближе к своему телу.

Женщина, которая прошла в ванную комнату, пока я принимала душ, слегка качает головой из стороны в сторону, затем она снова возвращается к своей задаче, которая, по — видимому, включает в себя замену зубной щетки мистера Фостера. Она ставит в стакан новую зубную щетку, достав ее из кармана, прежде чем бросить использованную в мусорку.

— Почему вы здесь? — я слышу панику в своем собственном голосе, даже если знаю, что, скорее всего, она здесь, чтобы убрать его квартиру. Это имеет смысл, учитывая униформу и табличку с именем.

Ее глаза ловят мои в отражении большого зеркала над раковиной.

— Я убираюсь. Он любит, чтобы убирались, когда он уходит.

Я знала, что мне стоило уехать домой сразу же после того, как он ушел. Таким и было мое намерение, пока я не вошла в ванную и не увидела просторный мраморный душ. Я почувствовала непреодолимое желание смыть прошлую ночь со своего тела, и из моей головы. Я завязала свои волосы резинкой, которую держала в своем клатче, а затем, когда горячая вода ударила меня по спине, я услышала, как открывается дверь ванной комнаты.

На долю секунды мое сердце остановилось, веря в то, что это возвращается Габриэль, чтобы извиниться за... за то, что не трахнул меня? За то, что мне отказал? За что бы то ни

было, что заставляет меня прямо сейчас чувствовать себя настолько униженной.

Хотя, это не имело значения. Вот она, тихая, скромная и очаровательная женщина, которая и глазом не моргнула, когда я вышла из душа полностью голой, прежде чем она протянула мне полотенце.

— Вы можете вернуться позже? — прошу я ее. — Я бы хотела собраться, прежде чем уйду.

— Иногда он возвращается с ленча с... иногда у него здесь встречи во время ленча, а иногда и то раньше. — Она кивает в сторону другой комнаты. — Он любит, чтобы к этому времени все было убрано. Я должна это сделать прямо сейчас.

Господи, а он жёсткий. Даже не дает передохнуть бедной женщине.

Она даже не даст мне десять минут, чтобы взять себя в руки, из опасения, что он вернется домой, прежде чем у нее появится возможность убрать его туалетные принадлежности. Подождите. Эти бутылки шампуня и лосьона, которые она расставляет, — маленькие. Они очень маленькие.

Я бросаюсь из ванной комнаты с полотенцем бессистемно завернутым вокруг меня. Я иду через присоединенную спальню в большую гостиную. Мои глаза сканируют пространство, вбирая в себя все, что я не видела прошлой ночью, когда свет был тусклым, а мой интерес был сосредоточен исключительно на Габриэле.

Я поворачиваю налево в поисках других комнат. Иду по коридору, но все, что я нахожу, это — закрытая дверь, которая ведет к компактной стиральной и сушильной машинам.

Я марширую обратно через главную комнату, мимо женщины, которая в настоящее время вытирает пыль со стола. Я замечаю на нем свой клатч, с поздравительной открыткой и конвертом. Коридор на противоположном конце комнаты ведет к небольшой нише с телевизором и креслом.

— Где кухня? — Я спрашиваю, не задумываясь, мой живот скручивается в узел. — Где у мистера Фостера кухня?

Она слегка пожимает плечами, не глядя на меня.

— В этом люксе нет кухни. Мистер Фостер здесь не ест. Я имею в виду, что он здесь не готовит.

Клянусь, что я слышу ее тихий смешок. Это лишает меня возможности задать ей очевидный вопрос. Я уже могу себе представить ее реакцию.

Я поворачиваю назад к спальне, захлопнув позади себя тяжелую дверь. Бросаю полотенце, когда направляюсь прямо к его шкафу. Открываю обе двери, чтобы увидеть две белых рубашки, один костюм и одну пару черных туфель.

Я делаю глубокий вдох, когда приближаюсь к комоду. Тяну за первый ящик, но он не поддается. Я встречаюсь с тем же сопротивлением, когда я пытаюсь открыть второй ящик. Заперто. Я пробую открыть их все, зная, что результат будет один и тот же.

Тогда я поворачиваюсь, мой взгляд падает на телефон, стоящий на прикроватной тумбочке. Медленно иду к нему, изучая различные подписанные кнопки. Я поднимаю трубку и нажимаю «0».

— Доброе утро, мистер Фостер.

— Это не мистер Фостер, — шепчу я в воздух. — Я не мистер Фостер.

— Конечно. — Женщина на другом конце провода радостная, слишком радостная для такого раннего утра. — Вы хотите заказать завтрак для вас двоих? Я скажу обслуживанию номеров, чтобы прислали его обычный заказ. А что бы хотели вы?

Я молча стою, когда открываю ящик прикроватной тумбочки. Я ничего не чувствую, когда мои глаза сканируют коробки презервативов и тубиков смазки, которые находятся рядом с блокнотом и ручкой, на который стоит логотип гостиницы.

Теперь обретает смысл то, почему прошлой ночью мы подъехали к задней части здания и вошли через частную дверь, прежде чем зайти в лифт. Я никого не видела. Я не обращала ни на что достаточно пристальное внимание, чтобы понять, где я находилась.

— Мисс, вы еще там? — Голос по телефону потрясает меня. — Что я могу вам заказать?

— Мою гордость. Я бы хотела вернуть назад свою гордость. — шепчу я в свою руку, когда закрываю ею микрофон, прежде чем повесить трубку.

Мое желание сбылось. Я хотела, чтобы мой день рождения был запоминающимся. Я вполне уверена, что никогда не забуду, что провела свой двадцать первый день рождения в «номере для траха» Габриэля Фостера, или в моем случае, в «номере без траха».

Глава 24

Габриэль

— Габриэль, ты знаешь, что это полная фигня. — слова шипит Кaleb, когда хлопает обоими кулаками по моему столу. — Почему, черт возьми, ты это делаешь?

Я неоднократно задавал себе тот же вопрос с тех пор, как вышел из номера отеля и вошел в лифт, оставляя позади Айлу. Единственное отличие состоит в том, что прямо сейчас Кaleb сосредоточен исключительно на бизнесе, а я не могу выкинуть из головы образ только что проснувшейся Айлы.

— Я делаю это для твоей матери. — выталкиваю я слова, направляя на него своим указательным пальцем. — Это для нашей матери, чтобы ее имя не было снова облито грязью в прессе. Если честно, Кaleb, ты действительно думаешь, что прямо сейчас она сможет с этим справиться?

— Это шантаж. — Он проходится обеими руками по своим темным волосам. — Он шантажирует нас, и ты ему уступаешь. Что, черт возьми, с тобой случилось?

Я стал надзирателем нашей матери. Я был делегирован вычищать один беспорядок за другим, пока она странствует по жизни, не вызывая ничего, кроме разрушения. Он прав, это настоящая хрень.

Когда один из адвокатов компании позвонил мне вскоре после шести утра, я мгновенно ответил на звонок. Я сидел на кресле возле кровати, все еще полностью одетый с прошлой ночи, смотрел, как спала Айла.

Я держал ее в своих руках после того, как отнес в спальню. Раздвинул ее ноги и языком довел ее сладкую киску до интенсивного оргазма. Она двигалась подо мной на кровати, сжимая простыни своими руками, потягивая за них, пока ее стоны наполняли воздух. Мне потребовалась каждая унция внутренней силы, чтобы снова не опустить свою голову и не вернуть ее обратно в то положение. Я мог бы снова и снова слушать, как она кончает, и мне бы никогда не было этого достаточно.

Хотя, было достаточно для нее. Я мог чувствовать, как обмякли ее мышцы, и слышать, как замедлилось ее дыхание. Я хотел, чтобы она поспала. Хотел держать ее около себя всю ночь напролет, но это было слишком. Все было слишком, и после того, как я натянул одеяло на ее обнаженное тело, то сидел в кресле рядом с кроватью и смотрел, как она спит. Прошли

минуты, а затем часы, и когда мой телефон зазвонил, то я ответил на него в другой комнате.

Я побрился, принял душ и оделся, и сделал все это до того, как комнату заполнил мягкий звук симфонии. Это был рингтон на ее телефоне, а после того как мелодия затихла, она объяснила по — прежнему знойным ото сна голосом, кто был композитором, и тонкие нюансы, найденные в музыке.

Я никогда не знал никого похожего на нее. Никогда не пробовал ничего более притягательного, чем ее тело. Она не похожа ни на одну женщину, которую я когда — либо приводил в отель. Она не принадлежит ему. Это не место для нее.

— Габриэль. — Голос Калеба вытягивает меня из моих мыслей. — Ты на самом деле собираешься выписать тому маленькому засранцу чек, чтобы он держал язык за зубами?

— Сядь. — хрипло говорю я. — Сядь и заткнись, Кaleb.

Где — то после минутного колебания, он опускается в одно из двух кресел перед моим столом. Его голова качается из стороны в сторону, пока он неоднократно шлет проклятия себе под нос. Он вспыльчивый. Всегда был таким.

— Мать предложила Данте Кастро место в компании. — начинаю я, прежде чем выпить большой глоток из ныне теплой чашки кофе на моем столе. — Я верил в то, что это было устное соглашение. Я представил себе, что она бросила предложение без всякого умысла, но, видимо, он более проницателен, чем я о нем думал. Во время ленча он составил простой контракт на салфетке, и он собирается использовать его, как свидетельство.

— Это ничего не значит, Габриэль.

— Это означает, что у него есть рычаги управления, и сегодня утром он собирается устроить эту пресс — конференцию, чтобы объявить о судебном процессе, который он планирует начать, который покажет нас в негативном свете. — Я смотрю мимо его головы в приемную, где, наконец — то, на день устроилась София. Для меня не редкость приходить в офис раньше нее. Очень редко до девяти часов бывает такая активность, как сегодня.

— Так ты собираетесь просто дать ему денег? — выплевывает он вопрос, не глядя на меня. — Ты ведь ни на секунду не веришь, что контракт продержится в суде?

— Конечно, нет. — я делаю паузу. — В нем нет никакой юридической силы, не в этом все дело.

— Тогда какого черта ты это делаешь?

Я опираюсь на спинку стула, скрестив ноги.

— Если этот контракт, подписанный мамой, станет достоянием общественности, то в подразделении Verdine все перевернется вверх дном. Проектная группа будет обозлена из — за того, что наша мать пытается их заменить, и мы потеряем несколько лучших людей, которые у нас есть.

— Я бы толкнул его на это. — Он отражает мою позицию, скрещивая свои ноги, когда пробегает пальцами по подлокотнику кресла. — Я говорю, что мы позволяем начаться этой игре и посмотрим, какой будет расклад.

— Этого не случится. — продолжаю я. — Verdine работает более гладко, чем когда — либо. Я не вижу причин, чтобы искушать судьбу, позволяя Данте Кастро обо всем рассказать. Прежде чем ты пришел, я поговорил с его адвокатом, Кaleb. У меня есть составленные документы, а после обеда я выпишу чек. Они отменяют его пресс — конференцию, как мы и договаривались.

— Что заставляет тебя думать, что ты можешь это сделать? — Его правая рука сжимается в кулак. Это слабое движение, но оно не ускользает от меня. — Ты принимаешь

эти односторонние решения за всех нас. Что дает тебе такое право?

Я вздыхаю, когда чувствую, как уголки моих губ поднимаются в слабую улыбку.

— Я — генеральный директор, Калев. Как, черт возьми, ты все время об этом забываешь?

***

— Ее здесь нет, сэр. — Сесилия жестом указывает на оживленный торговый зал. — У Айлы обеденный перерыв.

Я смотрю на свои часы. Сейчас около часа дня. Я потратил свое утро, разбираясь не только с катастрофой по имени Данте Кастро, но с проблемой на одном из производственных объектов за рубежом. До сих пор это был напряженный день, и я жаждал спокойствия после бури, в виде нескольких минут наедине с Айлой.

Мне нужно объяснить, что случилось с ней прошлой ночью. Я хочу, чтобы она поняла, что желание моего тела — овладеть ею — было обуздано лишь моей необходимостью сделать это в любом месте, кроме отеля. Когда она обнаженная лежала передо мной, то ее гладкое влагалище жаждало, чтобы его взяли, я остановил себя лишь из — за собственного эгоистичного стремления привести ее в свою постель. Я хочу ее в своей постели, в той постели, куда я никогда не приводил другую женщину.

— Она попросила дополнительные пятнадцать минут, мистер Фостер. — Сесилия перемещается с ноги на ногу. — Думаю, она была одета для свидания за ленчем. Заходил мужчина, чтобы ее забрать.

Мои плечи мгновенно сжались.

— Она вас с ним познакомила?

Ее глаза сужаются, когда она изучает мое лицо.

— Она этого не сделала, но он бывал здесь раньше. Он заходил на прошлой неделе, чтобы купить нижнее белье. Айла помогала ему его выбрать.

Меня охватывает ревность. Это не та эмоция, с которой я знаком. Я не могу вспомнить последний раз, когда чувствовал в моем желудке эту прожигающую яму. — Это клиент?

— Я думаю, что для Айлы он больше, чем клиент. Он обнял ее, когда вошел в дверь.

— Как он выглядел? — спрашиваю я, даже прежде чем осознаю, что сформировал этот вопрос у себя в голове. Какая на хрен разница, как он выглядит? Важно лишь то, кто он, черт возьми, для Айлы.

— Он очень привлекательный. — вздыхает она. — Он высокий, темноволосый, с зелеными глазами. Был одет в хороший костюм. Не костюм из линии Verdine, сэр, но, вы знаете, в хорошо подогнанный костюм.

— Она сказала, куда собирается? — я смотрю через бутик, где один из продавцов помогает двум женщинам. — В какое время она планирует вернуться?

Ее глаза устремляются к часам, висящим на стене позади нас.

— Она должна вернуться в любую минуту. То есть, если она снова не опоздает. Если так и будет, то я разберусь, сэр. Я могу об этом позаботиться.

Я бросаю взгляд на окна, выходящие на Пятую авеню. И тогда вижу ее. Она одета в серое обтягивающее платье, а ее волосы собраны в безупречный хвостик. Когда она наклоняется, чтобы обнять мужчину, с которым обедала, меня затапливает мгновенное и неожиданное чувство облегчения.

Глава 25

Айла

— Вы друг друга знаете? — спрашиваю я с долей удивления в своем тоне.

— Гаррет — друг. — Габриэль похлопывает мистера Райана по плечу. — На самом деле он — кузен моего самого близкого друга. Мы общаемся в одних кругах.

Мне стоило об этом знать. Почти все, кого я встретила, когда переехала на Манхэттен, связаны со всеми остальными. Когда я связалась с Гарретом Райаном, чтобы он помог мне разобраться в кое — каких правовых вопросах, то понятия не имела, что он на самом деле был одним из самых востребованных во всем Нью — Йорке адвокатов, занимающихся завещаниями. Он гораздо более компетентен, чем адвокат, который у меня был в Чикаго. За последние два месяца мистер Райан сделал для меня больше, чем любой другой адвокат, которого я нанимала.

— Я на прошлой неделе видел Ванессу. — Габриэль запикивает свои руки в передние карманы брюк. — Моя мать была госпитализирована. Ванесса дежурила в ту ночь.

— Точно. — мистер Райан постукивает пальцем по своему подбородку. — Я был рад услышать, что с Джанной все в порядке.

Я могу не полностью следить за их разговором, но определенно знаю, кто такая Ванесса. Она — жена мистера Райана. На прошлой неделе он заходил, чтобы купить что — нибудь особенное на ее день рождения. Она также медсестра, которой очень гордится муж, и всецело ее любит.

— Я должна возвращаться к работе. — спокойно говорю я, потому что чувствую, что глаза Сесилии, практически прожгли отверстие в середине моей спины. — Мне много чем надо заняться после обеда.

— Я прикажу своей ассистентке подготовить те документы, о которых мы говорили, Айла. — рука мистера Райана потирает мое плечо. — Мы подготовим их к завтрашнему дню, и если это удобнее, то я могу зайти вместе с ней сюда, чтобы их подписать.

— Нет. — быстро выпаливаю я. — Я имею в виду, что у меня есть время после работы, чтобы заехать в ваш офис. Я могу быть там не позднее четырех часов.

— Я освобожу для вас это время. — Его глаза устремляются от моего лица к лицу Габриэля. — Было приятно тебя видеть, Габриэль. Позвони мне в ближайшее время, и мы встретимся, чтобы выпить.

— На следующей неделе. — отвечает Габриэль, когда протягивает руку. — И мы выберем время.

***

— Я думаю, что должна быть включена в эту встречу. — Сесилия скрещивает руки на груди, пока стоит в дверях офиса в задней части магазина. — Я — менеджер Айлы, сэр. Роуэн сказала мне взять на себя контроль над сотрудниками.

Я знаю, что он собирается выпроводить ее, но предпочла бы, чтобы она осталась. До сих пор мой день был поганым. Когда я была готова покинуть отель, то проигнорировала его предложение вызвать водителя. Вместо этого я поехала на лифте вниз к тому входу, куда мы прибыли прошлой ночью. Я попросила одного из мужчин, стоящих у двери, поймать мне такси. Поездка назад к моей квартире была ухабистая и безрассудная. Мне пришлось

отчаянно держаться за спинку сиденья передо мной.

Когда я наконец — то вернулась домой, то у меня было всего пятнадцать минут, чтобы подготовиться к работе, все это время я пыталась обходить вопросы Кассии о том, где я провела ночь. Я надела последнюю чистую одежду, которая была у меня в шкафу, и завязала свои волосы в конский хвост. Наложив совсем немного макияжа, я поспешила обратно к двери и добралась до работы не более чем за минуту до начала рабочего дня. Я знаю это наверняка, потому что Сесилия взяла на себя обязанность указать мне на время.

Мой ленч с мистером Райаном, возможно, был бы единственным ярким пятном за весь день, если бы он не передал мне письмо, которое моя мать отдала своему адвокату, чтобы оно попало ко мне. Несколько месяцев назад я бы плакала, читая его. Сегодня же, я просто чувствовала себя пустой, пока мои глаза сканировали слова, написанные от руки. Внешне, для незнакомца, они кажутся сердечным и трогательным. Хотя, я знаю лучше. Она беспокоится лишь о себе, а единственные слова, которые я жажду от своей матери, она мне никогда не скажет.

— Это личное дело. — говорит он, делает шаг к ней. — Выходите и закройте за собой дверь.

— Все, что касается бутика, должно включать меня. — и она на самом деле топает своей туфлей по полу. — Я остаюсь.

— Вы выходите, сейчас же. — он машет в воздухе кистью своей руки. — Закройте дверь. Вернитесь в переднюю часть магазина.

С ее губ соскальзывает громкий вздох, когда она поворачивается на каблуках и уходит, хлопнув за собой дверь.

Сесилия занимает стержневую позицию. Кто знал? Ну, собственно, я знала.

Я смотрю на мистера Фостера. Его волосы в порядке. Он более сдержанный, чем был прошлой ночью. Он выглядит почти так же, как в первый раз, когда я его увидела. Кроме того, теперь я на него смотрю совершенно по — другому, когда знаю, каково это, целовать его и кончить от ощущения его рта на моей киске.

— Айла, я хотел бы обсудить то, что случилось прошлой ночью.

Этот день уже ощущается гораздо тяжелее, чем я могу справиться. Возможно, если бы я не прочитала слова своей матери, желающей мне счастливого дня рождения, то чувствовала бы себя более эмоционально стабильной для того, чтобы поговорить с ним. Письмо было наполнено сантиментами, хотелось бы, чтобы это было правдой, но, к сожалению, каждое слово было завуалированной попыткой манипулировать мной, чтобы я дала ей то, что она хочет. Это не имеет ничего общего к нашим с ней отношениям, все дело в деньгах.

Я скрещиваю свои руки на груди. Может быть, это попытка оградить себя от дальнейших повреждений.

Может быть, это ничего больше, чем моя потребность оставаться непоколебимой, касательно тех решений, которые я приняла ранее, когда оставила в его гостиничном номере поздравительную открытку и билеты, которые он мне подарил.

— Нечего обсуждать, мистер Фостер. Это было ошибкой. Я сожалею, что это вообще произошло, и этого больше никогда не повторится.

Глава 26

Габриэль

И в этом месте я обычно прекращаю это «невыгодное дело» и ухожу. У меня нет таких дискуссий с женщинами, потому что я никогда не видел в них необходимости. Всякий раз, когда я был с женщиной, и оказывалось, что связь должна была сойти с намеченного курса, а я хотел, чтобы все оставалось на своих местах, то я все заканчивал. Инвестирование моего времени и энергии в кого — то, с кем, я точно знаю, что не буду видеться дольше нескольких недель, — это расточительно. В Манхэттене явно не наблюдается недостатка женщин. Однако, здесь лишь одна Айла Лейн.

— Это не правда. — Моя челюсть напрягается. — Это не было ошибкой, Айла. Это был один из самых незабываемых вечеров, которые у меня когда — либо были.

Она мигает.

— Ты не должен этого говорить. Я не собираюсь из — за этого разваливаться на части.

Мне не нужно слышать эти слова, чтобы понять.

Но, она не понимает того, что из — за ее слов я уже разваливаюсь на части.

— Я прошу прощения за то, что этим утром уехал в спешке. — я двигаюсь ближе, но она отступает к двери, сохраняя расстояние между нами. — Я столкнулся с проблемой, которая не могла ждать. С ней нужно было немедленно разобраться.

— Ты — занятой человек. — она пожимает плечами. — Я понимаю. Ты должен был уйти.

Я не видел ее такой раньше. Она закрыта. Она построила вокруг себя барьер. Это видно в ее позе, а также в тоне ее голоса. Айла пренебрежительна, на грани с холодом.

— Я тебя расстроил. — предлагаю я с протянутой рукой. — Скажи мне, в чем дело, Айла. Дай мне шанс это исправить.

Ее голова качается из стороны в сторону.

— В этом нет необходимости. Мне жаль, что я пришла в твой гостиничный номер.

Меня незамедлительно поражает осознание. Я говорю то, о чем думал с тех пор, как увидел ее обнаженной, стоящей у окна прошлой ночью:

— Я сожалею, что привел тебя в тот гостиничный номер.

Ее нижняя губа слегка вздрагивает, но она поспешно останавливает это движение, медленно пройдясь по ней своими верхними зубами. Это действие не должно быть настолько чувственным, каким является, но пересиливает то, как я на нее реагирую.

— Ты согласен с тем, что это была ошибка? — Несмотря на то, что она очень старается сдержать эмоции в своем голосе, у нее ничего не получается. Я слышу в нем дрожь, болезненную реакцию.

Делаю шаг в ее сторону, и на этот раз с ее стороны нет вообще никакого движения.

— Я согласен с тем, что это место не для тебя. Я согласен с тем, что должен был привести тебя в свой пентхаус.

Ее рука перескакивает к ее груди, эта мягкая плоть, видна в вырезе ее платья.

— Это ничего бы не изменило. Все те вещи, которые произошли, не изменились бы.

— Вещи? — протягиваю вперед свою руку, чтобы коснуться ее локтя. Она слегка напрягается. — Какие вещи? Я не понимаю.

Я вижу мольбу в ее глазах в ту секунду, когда они встречаются с моими. Ее губы слабо шевелятся, словно она пытается найти нужные слова. Я изучаю ее лицо. Оно такое уязвимое. В ее потрясающих голубых глазах есть что — то, что должно быть сказано. Это что — то находится прямо там, погребенное под слоем боли.

— Мне нужно понять, что я сделал. — облизываю свою нижнюю губу. — Я вижу, что тебя расстроил. Пожалуйста, Айла, объясните мне, в чем дело.

Она сглатывает так сильно, что этот звук слышен в тишине комнаты.

— Я просто... Я очень смущена, сэр.

— Смущена? — я пробегаюсь рукой по волосам. Я знал, что мне стоило притормозить, чтобы заглядеть свой уход в такой спешке, но это что — то другое. Я смутил ее. Каким — то образом я заставил ее чувствовать себя как — то незначительной.

— Я просила тебя сделать те вещи, — говорит она дрожащим голосом, когда закрывает глаза. — мне очень жаль, но я хотела тех вещей, поэтому и просила о них. А ты их не хотел. Я так унижена.

Я хватаю ее за бицепс и притягиваю к своей груди, прижимая своей рукой ее голову.

— Господи, Айла. Нет, я так не думаю.

Она пытается отступить, но я ее крепко держу.

— Я просто так сильно этого хотела.

Моя грудь сжимается от этих слов. Она просила меня ее трахнуть. Она хотела сделать мне минет. А я от этого отказался. Я ее отверг. Вот что ее угнетает. Мой резкий отказ.

— Айла. — я слегка ее отстранил, чтобы иметь возможность посмотреть на ее лицо. — Прекрасная, прекрасная Айла.

Выражение ее лица слегка смещается.

— Мы не обязаны об этом говорить. Мы можем просто забыть о прошлой ночи. Иногда вещи не должны случаться.

— Мы с тобой должны были случиться. — произношу я слова без каких — либо колебаний. — Я не правильно себя повел прошлой ночью.

— Я не хочу, чтобы ты говорил мне эти вещи. — Она выдергивается из моих рук, и я ей это позволяю. — Ты не должен быть добр ко мне. Я не одна из тех девушек, которые в этом нуждаются. Просто я не такая.

— Тебе нравится проводить со мной время? — четко и лаконично спрашиваю я.

— Не в этом дело, Габриэль.

— Это единственное, что имеет значение, Айла. Ответь на вопрос. Тебе нравится проводить со мной время?

— Да, — выплевывает она в ответ. — Ты знаешь, что нравится.

Я слегка улыбаюсь этой уступке.

— Ты хочешь проводить со мной больше времени?

Ее рот слегка кривится.

— Это глупый вопрос. Я имею в виду, после того как я повела себя прошлой ночью, почему ты вообще меня об этом спрашиваешь?

Я выгибаю бровь.

— Ты очень скоро об это узнаешь, Айла, и то, что я у тебя спросил — не глупо. У меня для всего есть причина.

— Тогда в чем причина? — ее вопрос пронизан вызовом. — Скажи мне причину того, почему прошлая ночь прошла, именно таким образом?

Я на ней, прежде чем у нее появляется шанс на это отреагировать, толкаю ее назад, прижимая к стене. У Айлы перехватывает дыхание, когда я прижимаюсь к ней своим телом.

— Посмотри на меня, Айла. — подталкиваю ее щеку своим подбородком. — Подними глаза, сейчас же.

— Да, сэр. — ее голос никак не скрывает ее возбуждения, когда ее глаза захватывают мои.

Я пробегаюсь своими губами по ее щеке, прежде чем скользнуть ко рту, вовлекая ее в глубокий, интенсивный поцелуй. Низкий стон, перетекающий из ее рта в мой, посылает сквозь меня волну тепла.

— Один лишь твой вкус заставляет меня распадаться на части, Айла. — рычу я в мягкую кожу ее шеи. — Я не мог тебя там трахнуть. Это место не для тебя.

— А где мое место? — спрашивает она, шепча чуть громче.

— В моей постели. Это единственное место, где ты должна быть.

Глава 27

Айла

Я достаточно уверена, что Сесилия, наконец — то, поняла то, что происходит, когда я вышла из кабинета, а моя помада была размазана по всему моему рту и по рту Габриэля. Если не это, то все прояснил бы стояк, который он пытался замаскировать, осторожно положив на него свою правую руку. Он глубоко меня поцеловал после того, как сказал мне, что он хочет меня в своей постели. А его постель, не используется, как «номер для траха». Не смотря на то, что у меня было искушение спросить его об этом месте и о том, сколько других женщин заказывали завтрак в обслуживании номеров, я этого не сделала. Его прошлое — это его прошлое, а прямо сейчас я — его настоящее. Это единственное, что имеет для меня значение.

— Вы с мистером Фостером кувыркаетесь?

Кувыркаемся? Это выражение еще актуально?

Я продолжаю развешивать новую одежду, которая прибыла сегодня, с надеждой на то, что Сесилия исчезнет вместе с этим вопросом. Кто вообще все еще называет это «кувыркаться»?

— Айла, я задала тебе вопрос. — она стучит меня по плечу. — Я хочу знать о тебе и мистере Фостере.

Я поворачиваться на каблуках к ней лицом. До сих пор я не замечала, чтобы она носила эту ярко — красную ленту. На самом деле она идеально сочетается с платьем. Она никоим образом не отвлекает внимания от большого банта из ткани на ее левом плече.

— Что? Я сейчас очень занята, Сесилия.

— Ты и мистер Фостер занимаетесь такими вещами? Вы с ним занимаетесь сексом, да?

До сих пор был только действительно захватывающий оральный секс, спасибо. Ну, технически, за это стоит благодарить мистера Фостера.

— Моя личная жизнь — не твое дело. — я кладу руки на талию. — Что я делаю после работы — тебя не касается, Сесилия.

— Вы только что занимались этим в офисе? Если да, то это — мое дело.

— Я никогда не занималась сексом в этом здании. — Я машу рукой в воздухе. — А ты?

— Однажды.

У меня буквально отваливается челюсть. Я это чувствую и ничего не могу сделать, чтобы остановить.

— У тебя был секс в магазине?

— Это было после закрытия. — Она указывает на стол, покрытый кружевными трусиками. — Это было там, на том столе.

Я прижимаю ко лбу кончики своих пальцев. Как меня вовлекли в этот разговор и во что — то большее, есть ли способ вытеснить этот мысленный образ из моей головы?

— Не беги к мистеру Фостеру, чтобы рассказать ему об этом. — Она указывает пальцем на меня. — Я буду все отрицать, а ты будешь выглядеть душой.

Мои губы кривятся.

— Я не скажу ни единой душе, Сесилия. Твоя тайна со мной в безопасности.

Я не шучу! Я даже не уверена в том, что смогла бы сформировать слова, чтобы кому —нибудь сказать о сексуальной жизни Сесилии, не говоря уже о Габриэле.

***

— Айла, вы когда —нибудь были в Skyn?

Я закрываю дверь примерочной легким толчком своего плеча. Я чувствую мгновенное облегчение, когда слышу, как щелкает замок.

— Я ходила туда однажды. — признаю я. — Не могу сказать, что это был лучший опыт, который у меня когда —либо был.

Она поправляет кружевной бюстгальтер, который примеряет.

— Мне нравится, как он сидит. Он есть в разных цветах?

Я медленно киваю.

— Черный, фиолетовый, думаю, что есть еще и красный, но мне придется перепроверить, есть ли он у нас на складе.

— У вас ведь нет ошейников?

Она не первый клиент, который спрашивает меня об этом. Однако, первый и единственный клиент, который когда —либо говорил о Skyn, о том клубе в нижнем Манхэттене, куда я ходила несколько недель назад.

— Мне очень жаль, Тиффани, у нас этого нет.

Она любит, чтобы ее так называли. Я не уверена, является ли это частью ее воображаемой жизни, но не это имя значится на ее кредитной карте или на водительских правах, которые она должна была показать мне, чтобы проверить свою личность, когда открыла у нас счет.

Если бы мне пришлось гадать, то я бы сказала, что она, по крайней мере, на пятнадцать лет старше меня. Первый раз, когда она пришла, то попросила меня помочь ей примерить дюжину различных бюстгальтеров. В течение часа, что я с ней провела, она болтала о своей склонности к тому, чтобы ее связывали. Это сразу же вызвало мой интерес, и, когда она говорила о мужчинах, которых встретила в Skyn, я совершила ошибку, спросив у нее, где находится клуб.

— Я знаю место, где смогу его достать. — она указывает на спину в попытке заставить меня растянуть ее бюстгальтер. — Хотите когда —нибудь пойти туда со мной после работы? Это может быть интересно.

Нет никакого фактического протокола, который гласит, что мы не можем общаться с клиентами, особенно с теми, которые разделяют те же интересы, что и мы. Я не могу рассказать Кассии о том, что мне нравится в постели. Я пробовала однажды, два или три года назад, когда спросила у нее, хочет ли она, чтобы ее парень ее отшлепал.

Реакция Кассии сказала «нет», не только словами, которые она использовала, но и

языком своего тела. Она неудержимо рассмеялась, прежде чем объявить, что она пнет в пах любого парня, который попытается это сделать.

После того раза я больше никогда об этом не говорила, несмотря на то, что это было тем, чего я жаждала, с моего первого года в колледже, когда парень помог мне понять то удовольствие, которое я могла бы найти в боли.

Его опыт был так же ограничен, как и мой, но мы экспериментировали вместе и, когда мы расстались, то я чувствовала пустоту, которая не может быть заполнена только хорошим трахом. Я жаждала большего, и до сих пор испытываю жажду.

Прошлой ночью был первый раз, когда я чувствовала себя такой возбужденной под прикосновениями мужчины. Когда Габриэль притянул за спину мои руки и связал их поясом, то я чуть не потеряла равновесие. Я практически кончила, когда он шлепал меня по попке. Это было слишком, но я хотела даже большего.

— Думаю, что возьму эти два. — она жестом указывает на два бюстгальтера на скамейке рядом с нами. — Вы подумаете о моем предложении, так ведь?

— Подумаю. — Я бы могла. Но опять же, Габриэль может дать мне все, что нужно.

Глава 28

Габриэль

— Расскажи мне о «мгле».

Ее голова подсакивает, пока глаза скользят по периметру ресторана.

— Ты хочешь поговорить об этом здесь?

— Есть ли причина, по которой нам не стоит этого делать? — Я делаю маленький глоток вина из бокала, который заказал после того, как мы уселись. Айла снова предпочла газированную воду. Я мог бы присоединился к ней, но не после того, как увидел платье, в которое она была одета. На ней то же самое платье, в котором она была в Skyn, когда я увидел ее там через стекло. Почти все ее великолепное тело находится на обозрении, и если бы мы прямо сейчас не находились в центре ресторана «Аксель НЙ», наслаждаясь тем, что я надеюсь, будет быстрым ужином, я бы уже ее трахал.

— Это общественное место. — Она проводит рукой по затылку, из — за чего ее набухшие соски выпирают под тонкой тканью платья. Что бы я ни отдал, чтобы всосать в рот один из них прямо сейчас.

Я машу официанту, чтобы он ушел прочь, когда тот приближается, чтобы взять наш заказ на ужин.

— Почему «мгла»? Скажи мне, что это для тебя значит.

— А какое стоп — слово у тебя?

Тонкая попытка сменить объект разговора, вызывает улыбку на моих губах.

— Мы сейчас обсуждаем твое стоп — слово.

— Я не знаю. — Она тянется к маленькой корзине с хлебом, расположенной в центре стола, затем кладет руку обратно. — Это просто слово. Слово, которое я обычно не говорю, когда меня трахают.

То, как она произнесла это слово, привлекло немедленное и полное внимание моего члена.

— А что ты обычно говоришь, когда тебя трахают?

— Если ты позволишь мне сделать заказ, мы могли бы поесть, а после этого ты мог бы выяснить это на личном опыте.

Я громко фыркаю от смеха.

— Туше, мисс Лейн. Ваше желание для меня закон.

***

— Я знала, что здесь будет красиво, — говорит она, осматривая вид. — Я предполагала, что это будет прекрасно, потому что ты — Габриэль Фостер, но в действительности это невероятно.

Я тянусь к ее руке.

— Я проведу для тебя экскурсию.

Она смотрит на мое лицо.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

— Сначала мне нужно проверить телефон. Я жду важное сообщение.

Ее слова должны бы нарушить момент, но этого не происходит. Я слышал, как она во время обеда говорила с Гарретом Райаном. Звонок закончился ее обещанием просмотреть документ, который он ей пришлет.

Наружу вырывается мой естественный инстинкт понять все, что происходит в моем мире, но это дело Айлы, и когда она будет готова поделиться, то я буду более чем готов ее выслушать, и помочь, если это будет необходимо. Я не спрашивал о ее делах с Гарретом, и не буду этого делать. Я полагаю, что она поделится этим, когда, и если почувствует потребность это сделать.

Айла пересекает комнату, направляясь в сторону маленького столика в коридоре, где кинула свой клатч. Я наблюдаю за тем, как с каждым шагом движется ее попка. Не знаю, как я продержался до сих пор. Мне нужно, чтобы она была голой подо мной не позднее, чем через десять минут.

— Думаю, я забыл свой телефон. — Я слышу панику в ее голосе. — Я оставила его в ресторане. Или, может быть, в машине. Мне он нужен.

Я лезу в карман, чтобы вытащить свой собственный телефон. Провожу пальцем по экрану, прежде чем набрать номер.

Он отвечает после первого гудка, как и всегда.

— Чарльз, осмотри машину. Мисс Лейн потеряла свой телефон. Если в машине его нет, то возвращайся в ресторан и найди его.

Он говорит что — то в ответ, но я не слышу эти слова и все остальное, так как наблюдаю за Айлой, кидающей клатч на стол, и за ее руками, лихорадочно перебирающими содержимое.

Все это находилось в ее сумочке в тот день, когда она уронила ее в клубе. Два презерватива, двадцать долларов, ее водительское удостоверение, на этот раз неподдельное, и наручники. Такие же блестящие, новые золотые наручники лежат на столе в моем фойе.

Я подхожу к ней, останавливаюсь позади нее, протягиваю руку и беру их в тот момент, когда у меня звонит телефон.

Немедленно отвечаю на звонок.

— Спасибо, Чарльз. Я позвоню, когда захочу, чтобы ты принес телефон.

Она медленно поворачивается, ее нежная рука тянется к наручникам, осторожно за них тянет.

— Сними платье.

— Габриэль, — говорит она слабым шепотом. — Я хочу, чтобы ты их отдал.

— Платье, Айла. — Я провожу холодным металлом наручников по ее подбородку. —

Разденься для меня, сейчас.

Она медленно кивает, когда ее руки тянутся вверх за шею, чтобы развязать завязку, на которой держится платье. Когда она тянет, узел развязывается, платье падает на пол, а ее прекрасные полные груди теперь оказываются на моем полном обозрении.

— Твои трусики. — Я киваю подбородком. — Сними их.

Она сбрасывает одну туфлю, затем другую, прежде чем наклониться вперед, медленно стягивая вниз прозрачные черные трусики, одетые на ней.

Вот так, без обуви, Айла, по крайней мере, на фут ниже меня. Она миниатюрная и соблазнительная. Ее тело чувственное и спелое.

— Ты этим пользовалась? — Наручники свисают с моего указательного пальца.

— Нет, — тихо говорит она. — Я купила их перед тем... Я купила их, когда переехала сюда.

Я крепко их сжимаю, пока скидываю свой пиджак и бросаю его на стол, поверх ее вещей.

— Ты специально принесла их с собой сегодня вечером?

Она не отвечает. Единственным ответом является ее учащенное дыхание, пока она смотрит, как я развязываю галстук, прежде чем дернуть за него и бросить на мой пиджак.

— Ты наслаждалась тем, как я связал твои запястья прошлым вечером?

— Да, сэр.

Мой член твердеет от этих слов. Вытаскиваю обе запонки, затем начинаю расстегивать рубашку.

— Ты так сильно кончила, когда я лизал твою сладкую киску.

У нее перехватывает дыхание, а руки направляются к киске.

— Ты медленно обучаешься, Айла. — Я скидываю рубашку, обнажая свое тело. — Твое тело — мое, только я могу к нему прикасаться.

Ее глаза бродят по моей широкой груди, останавливаясь на моем твердом животе.

— А это мое? Я могу тебя трогать?

Я не могу скрыть улыбку, которая дрейфует по моим губам, пока я расстегиваю свой ремень.

— Это все твое, ты можешь этого касаться, но только тогда, когда я скажу. Поняла?

Ее глаза следят за моими руками, когда я расстегиваю молнию.

— Я понимаю. Это все мое.

Глава 29

Айла

— Мгла. — повторяю я слово, когда мягко тяну наручники, застегнутые вокруг моего запястья. — Я помню, но не скажу его. Я не нужно будет его говорить. Он снова меня целует, на этот раз его губы задерживаются дольше.

После того, как Габриэль поднял мои ноги и обвил их вокруг своей талии, он отнес меня в свою постель. Эта комната отличается от той, в которой мы были прошлой ночью.

Она тепло украшена прекрасной картиной и изысканной мебелью.

После того, как он уложил меня на спину, то взял наручники и застегнул одно металлическое кольцо вокруг моего правого запястья. Я хныкала, но это было не из — за страха. Это вырывалось изнутри, я не могла это контролировать. Это волнение, сдобренное нуждой и похотью.

Он продел короткую золотую цепочку через один из прутьев в изголовье кровати из кованого железа. Габриэль поцеловал мою левую ладонь, а затем запястье, после чего застегнул вокруг него второе металлическое кольцо.

— Ты принимаешь какие —нибудь противозачаточные? — Его голос низкий, очень низкий.

Я смотрю на окна слева от себя, которые выходят на Центральный парк. Знаю, что здесь нас никто не может видеть, но чувствую себя выставленной на всеобщее обозрение, и его вопрос не помогает.

— Я принимаю таблетки, — признаюсь я. — Делаю это на протяжении многих лет. Почему ты спрашиваешь?

— Я бы хотел трахнуть тебя без презерватива. — Он лезет в карман брюк, по — прежнему надетых на нем, чтобы вытащить пакетик из фольги. — Сегодня вечером мы будем его использовать, но если ты проверилась и чиста, то я предпочел бы больше его не использовать.

— «Мгла».

Его губы раскрываются в хитрой улыбке.

— В чем проблема, Айла?

— Ты безумно горячий. — Я опускаю свой подбородок, указывая на его рельефный пресс. — Ты должно быть очень часто таким занимаешься. Я предпочла бы использовать презерватив.

— Я не так часто этим занимаюсь, как ты думаешь. — Он прижимает свои губы к моему виску. — Я ежемесячно проверяюсь, и я чист.

Я двигаю головой в попытке захватить его губы своими, но он отодвигается.

— Я хочу, чтобы ты использовал презерватив сегодня и завтра, и через месяц, если ты все еще будешь меня трахать.

— У меня есть запас жизненных сил, Айла. — Он проводит своим указательным пальцем по моему левому соску. — Хотя, не путай меня с машиной. Я не смогу трахать тебя в течение всего месяца. Мне понадобится несколько перерывов, чтобы поесть и поспать.

Мне нравится эта его сторона. Это сторона, не ограничивается лишь сшитым на заказ костюмом и нахождением в офисе на самом верху небоскреба.

— Мы проведем переговоры, мистер Фостер.

— Возможно, — говорит он, наклоняясь вперед, его левая рука сжимает изголовье кровати. — Сегодня ты будешь меня слушать, да?

— Да.

Он проводит по моей брови кончиками пальцев, пока смотрит мне в глаза.

— У тебя самые красивые губы, которые я когда —либо видел. Я жаждал того, чтобы они были обернуты вокруг моего члена.

Мой язык высовывается при упоминании этого.

— Пожалуйста, сейчас?

В тишине я наблюдаю за тем, как его руки стягивают штаны, затем следуют его

боксеры. Смотря на него без одежды в приглушенном свете этой комнаты, я понимаю, что любой другой мужчина, которого я когда — либо видела, должен был покраснеть со стыда. Его член — совершенный: толстый и длинный.

Его пальцы скользят по всей длине, останавливаясь, чтобы ненадолго обхватить яйца, прежде чем он медленно движется на кровать. Он глубоко меня целует, прежде чем стать над моей грудью.

— Скажи «мгла», если будет слишком, Айла. «Мгла».

Я стону в тот момент, когда бархатная головка его члена касается моей нижней губы и, когда она проскальзывает в мой рот и касается моего языка, то я наблюдаю за тем, как его голова откидывается назад, а глаза закрываются.

Он шипит, когда я поднимаю голову, чтобы вобрать в себя больше и, когда его руки хватают меня за волосы, чтобы синхронизировать мои движения с ритмом его толчков, я стону вокруг его толщины. Его вкус, и звук его голоса, призывающий принять всего его, заставляют меня стать мокрой, настолько мокрой, что все, чего я хочу, это протянуть руку вниз и трогать пальцами клитор, чтобы я могла кончить.

— Бля. — это слово вырывается с низким шероховатым стоном, пока он движется с большей силой, быстрее и глубже, пока я не чувствую вкус потока его освобождения, когда он держит мою голову на месте, чтобы я могла взять все это.

Я смотрю вверх прямо на него, когда он идет обратно в спальню, на нем лишь пара спортивных штанов.

После того, как Габриэль кончил в мой рот, он соскользнул с моего тела. Я хныкала из — за потери прикосновений его члена, но он почувствовал и мою потребность кончить.

И через несколько минут после того, как его пальцы начали касаться моего клитора, я выгибалась на кровати, после того как перешла через край и упала из — за очень интенсивного оргазма. Его рот нашел мой, и именно в тот момент я застонала в его губы, он опять шевельнул пальцами, на этот раз проскользнул двумя внутрь меня, терпеливо добиваясь еще одного моего оргазма.

Затем он крепко прижимал меня к себе, наши обнаженные тела вжимались друг в друга, пока его губы покоилась на моем плече. Я слегка дернула за наручники и, не говоря ни слова, Габриэль быстро двинулся, чтобы расстегнуть их, но не спешил, целуя мои руки и оба моих запястья.

Я тихо села, когда он потянулся к своему телефону, чтобы позвонить Чарльзу. Попросил его принести мой телефон, и пока он натягивал спортивные штаны, я смотрела на город. Здесь живут миллионы людей, у каждого есть своя собственная уникальная история, и моя на данный момент переплетается с историей Габриэля Фостера. Это не имеет никакого смысла, но, возможно, это не имеет и значения. Может быть, эта история просто о наслаждении этими моментами, пока они есть.

— Проверь свои сообщения, Айла, — говорит он, протягивая мне мой телефон. — Разговор, который у тебя был с Гарретом по телефону, казался важным.

Я киваю, проводя пальцем по экрану, чтобы открыть свое почтовое приложение. Сразу же нахожу нужное сообщение и, как только открываю его, то мои глаза сканируют текст, очень внимательно вчитываясь в каждую строку.

— Ты выглядишь обеспокоенной. — Его рука касается моего голого колена, когда он садится рядом со мной на край кровати. Когда он вышел из комнаты, чтобы встретить Чарльза, я завернулась в простынь, но мои ноги все еще были обнажены.

Я прислоняюсь спиной к спинке кровати, пока телефон лежит на моем бедре.

— Это всего лишь кое — какие семейные дела.

— Семейные дела? — Он наклоняется вперед, его пальцы подхватывают прядь волос с моей щеки, заправляя ее за ухо. — Хочешь поделиться этим со мной?

Я хочу. Я очень хочу это сделать, но то, что происходит между нами слишком приятно, чтобы смешивать с моей семейной драмой, мои проблемы лишь будут все отягощать. Это изменит энергетику между нами.

— Я могу с этим справиться.

— У меня нет сомнений в том, что можешь. Иногда помогает, когда ты обсуждаешь свои проблемы. Уменьшает груз.

— У тебя тоже есть семейные дела? — полушутя спрашиваю я.

— Моя семья это сплошной долбаный беспорядок. — его брови подпрыгивают. — Ты должна об этом знать. Все это можно прочесть в таблоидах.

— Я знаю лишь то, что твой папа женится на какой — то сумасшедшей высокой модели.

— Ключевое слово здесь «сумасшедшая», Айла. — Он закатывает глаза. — Она абсолютно шизанутая.

Я смеюсь вслух.

— Люди знают, что ты очень забавный?

— Какие люди? — Он придвигается ближе ко мне. — Ты же не собираешься рассказать этим людям, что я не только забавный, но и до смерти боюсь высоты?

— Я так и знала. — Я шлепаю рукой по его обнаженному плечу. — Я знала, что ты боишься высоты.

Его глаза всплывают из — за красной отметины, оставшейся на его коже.

— Ты только что шлепнула меня? Скажи мне, что этого не происходило.

Я слышу небольшое изменение в тоне его голоса в тот момент, когда вижу интенсивный блеск в его глазах.

— Мне жаль?

— Тебе жаль? — повторяет он в ответ. — Это должно быть утверждение, а не вопрос.

— Правда?

Призрак ухмылки играет на его губах, когда он срывает с меня простынь, кидает мой телефон на кровать и переворачивает меня на живот.

Его руки скользят по моей ягодице за считанные секунды до того, как я чувствую резкую боль от его руки, когда он шлепает меня по тому же самому месту. Я кричу, и еще раз, когда его рука соединяется с моей плотью, на этот раз чуть сильнее.

Я толкаю свою попку в воздух, желая большего, испытывая не только жажду боли, но звука, который срывается с его губ, когда он слышит мою реакцию. Это глубокие низкие слова проклятий.

— Пожалуйста, — говорю я в простыни. — Еще раз, пожалуйста.

Единственный ответ, который я слышу, это безошибочный звук разрывания упаковки презерватива и стон, когда его руки скользят по моей киске.

Он дергает меня за бедра обеими руками, прежде чем потереться широкой головкой своего члена вдоль моих складок.

— Твое тело готово для меня. Ты мокрая, такая мокрая.

Я толкаюсь лицом в простынь, когда чувствую, как он проскальзывает внутрь.

— Боже, Айла. — Он толкается в меня, дюйм за восхитительным дюймом, растягивая меня. — Ты очень узкая. Это уже слишком.

Я толкаюсь своей попкой назад, желая большего. Делаю глубокий вдох, чувствуя, что он проскальзывает в меня на всю длину, болезненный укус настолько интенсивный, что я едва могу двигаться.

Используя свои руки на моих бедрах, он контролирует наш ритм. Сначала ритм медленный, сдерживаемый потребностью моего собственного тела приспособиться к его размеру и к его управлению моим удовольствием.

Я начинаю двигаться, толкаясь назад, чтобы встретить каждый его толчок. Он увеличивает скорость своих погружений, ставит свою правую ногу на кровать, это предоставляет ему возможность погружаться еще глубже.

Я кричу от интенсивности того, как он снова и снова ударяется в меня, я едва слышу свой собственный голос, кричащий его имя, когда я кончаю вокруг его члена, прежде чем он тянет меня за волосы, и объезжает меня, приближаясь к своему оргазму.

Глава 30

Габриэль

В тот момент, когда я впервые увидел наручники на столе, пока она рылась в своих вещах, пытаюсь найти свой телефон, мне следовало сделать признание. Существовала одна вещь, которая терзала меня с тех пор, как я поцеловал ее в ту первую ночь в машине.

Я видел ее в Skyp. Я наблюдал за ней через стекло и должен ей об этом сказать.

Моя совесть считает, что мне нужно рассказать ей правду.

Мудрые и опытные извилины в моем мозгу говорят мне о том, чтобы я, к чертям, забыл об этом. Она здесь, в моей постели, спит, пока ее обнаженное тело прижимается к моему. Я ее пробовал, я ее трахал, и я не собираюсь останавливаться.

С тяжелым сердцем решив ей ничего не говорить, потому что знание о том моменте в ее прошлом, лишь смутит ее и снова подтолкнет к тому унижению, которое она чувствовала в гостинице, когда я проигнорировал ее просьбы о большем.

У меня нет никаких оснований возвращаться в тот клуб, и я сделаю все. Чтобы быть чертовски уверенным в том, что и она туда не вернется. Я дам ей все, что она хочет и в чем нуждается. Абсолютно все.

Она слегка шевелится, ее мягкие груди упираются в мою грудь.

Прямо сейчас я мог бы взять ее снова. Если бы она дала мне разрешение, то я бы перекатил ее на спину, чтобы проскользнуть своим членом в ее влагалище, так чтобы я мог чувствовать влажность и гладкость ее кожи вокруг меня. Это было тем, что я делал лишь один или два раза, когда был подростком, с женщинами, чьи имена я не могу вспомнить. Ощущение было хорошим, приятным, но я знаю, что с Айлой будет намного лучше.

Но она этого не хочет. Она осмотрительна, осторожна, внимательна по отношению к самой себе.

Я не буду на нее давить. Мне бы хотелось добиться большего, чем она готова и желает дать, но именно она задает темп тому, что между нами происходит. И все будет двигаться так быстро, как она захочет. Мне не нужно ей об этом говорить, она это чувствует. Я чувствую, что ей нужно именно это.

— У тебя есть мороженое?

Ее тело дрожит, когда моя грудь вибрирует из — за сильного смеха.

— Ты говоришь во сне, или ты хочешь мороженое?

— Ты такой накачанный и у тебя нет ни единой унции жира, держу пари, что ты никогда не ешь мороженое.

Я переворачиваюсь вместе с ней, прижимая ее руки к простыням над ее головой. Ее волосы находятся в беспорядке, губы все еще опухшие после того, как несколько часов назад я трахал ее рот.

— У меня есть шоколадное и клубничное. — я медленно раздвигаю ее бедра своим коленом. — Если ты хочешь мороженое с другим вкусом, то я пришлю Чарльза, чтобы он его купил.

— Ты бы отправить его, чтобы он купил мне мороженое?

— Я пойду сам, если тебе этого хочется. — Я смотрю на ее тело. Оно прекрасно.

Она кружит своими бедрами, выгибаясь на кровати.

— Я не хочу, чтобы ты куда — либо ходил.

— Я останусь здесь навсегда, если именно этого ты хочешь.

Ее глаза смягчаются, когда она смотрит в мои глаза. То, как она это делает, практически причиняет боль. В ее взгляде чистота, невинность, которая резко контрастирует с тем человеком, которого она играет на публике. Здесь, рядом со мной, она не использует никакого фильтра для своих улыбок и взглядов.

— Я достану для тебя мороженого любого вкуса, который ты захочешь, после того как займусь с тобой любовью.

Ее глаза медленно скользят вниз по моему лицу к моей груди, и движутся дальше.

— У тебя есть еще один презерватив? Я принесла несколько с собой. Они находятся на столе у двери.

Я слегка киваю, когда медленно придвигаюсь ближе, наклоняясь вперед, чтобы пробежаться языком по ее нижней губе.

— Пожалуйста, возьми презерватив. — Она высвобождает свои руки, чтобы толкнуть меня в грудь. — Я не могу. Я не буду без него.

Я приподнимаю ее за бедра, чтобы она оседлала мои ноги, поддерживаю своей рукой ее спину, когда наклоняюсь влево, чтобы схватить презерватив, который чуть ранее положил на тумбочку. Наклоняю Айлу, прижимая ее спину к кровати, когда открываю пакетик и раскатываю по своему члену, все это время мои глаза прикованы к ее лицу.

— Извини, — мягко говорит она. — Дело в том, что...

— Нет. — Я заставляю ее замолчать, прикладывая свой палец к ее губам. — Никогда не извиняйся за то, что защищаешь себя.

Она слегка кивает.

Ее бедра все еще расставлены поверх моих, когда я медленно двигаюсь вперед, потирая ее клитор головкой члена.

— Ты кончишь первой. Я никогда не буду настаивать на большем, чем ты сможешь мне дать. Ты это понимаешь?

— Да, — говорит она слова, затаив дыхание, когда я проскальзываю в нее. — Я понимаю.

Я не говорю ни слова, когда прижимаюсь своим ртом к ее губам, и трахаю ее с нежностью, которую никогда не чувствовал раньше.

***

— Ты полон секретов?

Ее голос меня пугает. Я сижу в моем домашнем кабинете. Еще не рассвело, и когда она мы с ней поели мороженого, она, наконец — то, провалилась в глубокий сон. Я ее нежно поцеловал, прежде чем выбраться из постели, чтобы сделать звонок в наш европейский головной офис, находящийся в Риме. Я говорил так тихо, как только мог, чтобы ее не разбудить.

— Ты ведь не репортер под прикрытием, который пишет и об истории моей семье? — я разглаживаю руками спортивные штаны, которые снова надел. — Заходи, садись сюда.

Она быстро подходит, ее тело, прикрыто рубашкой, в которой я был на ужине. Мне нравится, как она на ней сидит, хотя ее руки исчезли под тканью длинных рукавов.

Я усаживаю ее в идеальное место перед собой, прежде чем обвести ее талию своими руками. — Какой новый секрет вы обнаружили, мисс Лейн?

— Секреты, — поправляет она меня, мягко целуя мой рот. — Так говорят, когда подразумевают более чем один секрет.

Я снова заявляю права на ее рот, на этот раз очерчиваю языком ее нижнюю губу.

— Расскажи мне об этих секретах.

— Первый состоит в том, что ты читаешь новый детективный роман, о котором говорят во всех социальных СМИ. — Она обводит мой подбородок своим указательным пальцем.

— Ты видела книгу на тумбочке. Это — не секрет.

— Это не реальный секрет. — Она скользит своей рукой к задней части моей шеи, чтобы она смогла притянуть меня в длинном, затяжном поцелуе.

— Секрет состоит в том, что ты прочитал последнюю страницу, даже прежде чем закончил третью главу, потому что ты так сильно хотел узнать окончание.

— *Parli Italiano?*

— Да, — шепчет она в мою щеку. — Я говорю по — итальянски.

— Сколько из этого разговора ты слышала? — Я стараюсь казаться суровым, но это бесполезно. — Что еще более важно, где ты научилась говорить по — итальянски?

— Я слышала последние несколько минут. — она прижимается лицом основанию моей шеи. — Я не подслушивала. Тебя не было в постели, так что мне хотелось тебя найти.

— Я рад, что ты это сделала.

— Моя бабушка говорила по — итальянски. — Она пробегается пальцами по моей груди. — Она отчаянно любила итальянца, когда была в моем возрасте.

— Так что, твой дед — итальянец? — спрашиваю я, притягивая ее еще ближе к себе.

— Нет, итальянец любил итальянку. Моя бабушка вышла замуж за Ирландца.

Я громко смеюсь.

— А ирландец сделал ее счастливой?

— Он был ирландцем. — она наклоняет голову, чтобы заглянуть мне в глаза. — Как ты думаешь?

— Я думаю, что она любила его достаточно, чтобы выйти за него замуж, так что он сделал ее очень счастливой.

— Так и есть. — кивает она, когда слегка обхватывает мою щеку. — Она была счастлива вплоть до того дня, когда он умер.

Глава 31

Айла

— Это лишь один секрет, Айла. — он трется щекой о мой лоб, когда кладу голову ему на грудь. — Что же собой представляет второй секрет?

Это посложнее. Это не игриво и невесело. Так же это не мое дело, но я не очень хорошо справляюсь с любопытством. Оно меня съедает. Это всего лишь вопрос. Самое худшее, что может случиться: он скажет, что это не мое дело.

— Речь идет о твоём «номере для траха».

— Номер. Для. Траха. — решительно говорит он, четко произнося слова. — Что это?

Я тяжело вздыхаю, когда смотрю в его глаза.

— То место, куда ты приводишь всех дам, когда хочешь их оприходовать.

Его брови взлетают.

— Оприходовать? Нет. Не надо. Так говорит мой брат.

Я улыбаюсь из — за выражения его лица.

— Тогда начнем все сначала. У меня есть вопрос о гостиничном номере, который ты используешь, чтобы трахать женщин.

— Почему мы об этом говорим? — он садится ниже меня. — Этот отель принадлежит моей семье. Я использую комнату иногда, чтобы развлечься.

— Называй это, как хочешь. — я постукиваю его по плечу. — Меня это не волнует. Мне было интересно узнать о том, что в спальне.

— А что там? — я слышу тревогу в его голосе.

— Там есть комод. И он заперт.

Он чешет затылок.

— Да, я держу его закрытым.

— Что в нём?

Он откидывается на спинку стула, слегка задержав дыхание. Эта реакция должна быть именно тем ответом, который мне нужен, но это не так.

— Я бы предпочел этого не обсуждать, Айла. По крайней мере, не сейчас.

Его ноги двигаются подо мной. Я встаю, чувствуя, что ему это нужно.

— Хорошо. Мне просто любопытно.

Он тоже встает на ноги.

— Нам необходимо перед этим разговором обсудить твой опыт.

— Мой опыт? — мои руки подсакивают к моей груди. — Я не уверена в том, что тебя понимаю. Какой опыт?

— Ты получаешь удовольствие от того, что тебя связывают. — тихо говорит он. — Ограничивают твою свободу.

Я киваю, нервно переминаясь с ноги на ногу.

Он проводит обеими руками по своим волосам.

— Ты ответила, когда я тебя шлепнул. Тебе нравится боль?

— Это зависит от того, кто всем управляет. — признаюсь я. — Мне понравилось, когда ты это сделал.

— Что еще тебе нравится? — Он опускает руки к бокам. — Скажи мне, что еще ты делала? Что тебе нравится?

Когда я вошла в его кабинет, то не ожидала, что мы будем это обсуждать. Я честно думала, что он скажет мне, что держит фаллоимитаторы в том комодe, чтобы использовать на тех женщинах, которых он туда привозит. Самое худшее, что я себе представляла, — это его признание о том, что он собирает использованные трусики, которые срывает со всех женщин, которых там трахает. Я никогда не думала о том, что все это обернется против меня.

— Я один раз была в секс — качелях. — Я поднимаю в воздух свой указательный палец. — Это было горячо.

Его руки подпрыгивают к губам.

— Я буду иметь это в виду. Что еще?

— Я когда — то отсосала у парня в автобусе, — я начинаю. — Было поздно и темно, но...

— Нет. — Его грудь вздымается. — Я не это имею в виду.

— Ты спрашивал. — Мои руки упираются в бедра. — Я просто говорю тебе, что я делала.

Прежде чем я могу среагировать, его руки находятся на моих бицепсах, сжимают, притягивают к себе.

— Тебя когда —нибудь пороли, Айла? Тебя когда —нибудь бил плетью какой —нибудь мужчина? Ты когда —нибудь кончала от того, что горячий воск капал на твою кожу?

Я медленно качаю головой, очень медленно.

— Зажимы для сосков? Ты их использовала?

— Нет, сэр.

— Именно это находится в тех ящиках, Айла. Такие вещи я держу там, я наслаждаюсь именно такими вещами.

Я сплетаю перед собой свои пальцы.

— Я никогда такого не делала, ничего из этого.

Он закрывает глаза.

— Я не хотел, чтобы этого разговор происходил сейчас. Я никогда бы не решил поделиться такими вещами вот так вот, так рано.

Мне следовало бы сказать, что я хочу попробовать, или, по крайней мере, что я хочу узнать больше, но не могу. Еще нет. Не тогда, когда я сомневаюсь в том, что у меня есть внутренние силы, чтобы сделать что — либо из этого.

— Могу я сейчас пойти домой? — спрашиваю я тихо. — Думаю, что мне стоит вернуться домой.

— Нет. — Его голос пропитан мольбой, так же, как выражение его лица. — Давай вернемся в кровать. Позвольте мне держать тебя до утра. Пожалуйста, Айла.

Я должна была, завернутая в простыни, которые до сих пор хранят запах нашего занятия любовью.

— Я останусь до утра. — Я тянусь к его руке. — Я останусь.

***

— Мне нужно, чтобы ты кое — что поняла. — он стоит на коленях рядом с кроватью, когда я открываю глаза после того, как проснулась. — Я должен тебе кое — что объяснить, прежде чем отвезу тебя домой.

Я переворачиваюсь на бок и оказываюсь прямо перед ним. Кладу свои руки рядом под

щеку.

— О чем ты говоришь, Габриэль?

— У тебя самый мелодичный голос, который я когда — либо слышал. — он убирает со лба мои волосы. — Ты хорошо поешь?

Я улыбаюсь.

— Я фальшивлю. Хотя, я — фантастическая скрипачка.

— Лучшая из тех, кого я когда — либо слышал. — он облизывает свою нижнюю губу. — Я никогда раньше не встречал никого, похожего на тебя.

— Это потому, что есть лишь одна я.

Он смеется.

— Ты даже не имеете ни малейшего представления о том, насколько верно это утверждение.

— Я тоже никогда не встречала никого, похожего на тебя. — Я проглатываю ком в горле. — Прошлая ночью была удивительна. У меня никогда не было такой ночи.

— Я должен сказать кое — что о том, что случилось в моем кабинете. — Его голос все еще сонный. — Те вещи, о которых я говорил, не ограничивают мои желания.

— Хотя, они тебе нравятся.

— Я нахожу их возбуждающими.

Я тру кулачками своими глаза, отчаянно пытаюсь прогнать сон прочь.

— Первый раз, когда мой парень привязал меня к кровати, мне было страшно.

Выражение его лица смягчается, когда он проводит своим указательным пальцем по моему подбородку.

— Ты сказала ему об этом?

Я резко выдыхаю.

— Я это сделала, а он меня убедил. Он сел на кровать рядом со мной. Крепко меня обнял. Он сказал, что обо мне позаботится, и мы вместе выбирали стоп — слово.

— «Мгла»?

— Нет, это было что — то другое. Я не помню, что это было.

Он целует меня в лоб.

— Ты использовала свое стоп — слово во время той встречи?

— Мне не пришлось. — Я смотрю в его глаза. — Он был нежным. Это был фантастический опыт.

— А он тебя шлепал?

— Не в тот раз, позже, во время других встреч.

Он колеблется на мгновение.

— Скажи мне, почему тебе нравится, когда тебя шлепают. Что ты чувствуешь?

Я на мгновение утыкаюсь головой в простыни, чтобы скрыть румянец, расплзающийся по моим щекам. Я и раньше говорила о близости с мужчинами, но не так, не с таким высоким уровнем уязвимости. Никто никогда не пытался понять меня так, как он.

— Это ощущается, как освобождение, словно ты выбрасываешь все из головы. — я стискиваю свои бедра. — Также существует и физическая часть всего этого. Моя киска трепещет, когда меня шлепают. Все ощущается намного яснее.

— Также может быть с плетью и с кнутом. Под искусной рукой человека, который знает, как подтолкнуть тебя к краю, все эти ощущения воспринимаются более интенсивно.

— Ты хочешь сделать все эти вещи со мной, Габриэль?

Одно плавное движение, и он оказывается на кровати, его руки упираются по обе стороны от меня, лицо его висит близко около моего.

— Я хочу тебе дать самое интенсивное удовольствие, которое ты когда — либо испытывала. Использую ли я свою руку, свой рот, свой член, или что —нибудь еще, это не имеет особого значения. Я просто хочу, чтобы ты почувствовала себя так хорошо, как это возможно под моими прикосновениями.

Я тоже этого хочу. Я хочу ему об этом сказать, но не могу. Все это слишком для меня.

— Я сказал тебе, что никогда не буду настаивать на большем, чем то, что ты можешь мне дать, Айла. Именно это я и имел в виду.

— Я знаю, что так и будет.

— Ты мне обещаешь одну вещь?

Если бы он каждый день до конца моей жизни смотрел на меня так, как делает это сейчас, то я бы пообещала ему что угодно.

— Что?

— Пообещай мне, что ты позволишь мне завтра вечером отвести тебя на симфонический концерт, как мы и планировали. — его губы задевают мою щеку. — Позволь мне увидеть, как ты будешь это испытывать.

— Не существует никого другого в мире, с кем бы я предпочла туда пойти.

Глава 32

Габриэль

— Почему ты улыбаешься? Бля, да ты никогда не улыбаешься. — Калев сидит за маленьким столиком в переполненном кафе и указывает на меня. — Ты кого — то оприходовал?

На этот раз это ужасное слово заставляет мои губы растянуться в еще более широкую улыбку.

— Не будь грубым, Калев. Я кое с кем встречаюсь.

— «Встречаешься», «оприходуешь», «трахаешься», называй это как тебе, бля, хочется.

— Встречаюсь. Я встречаюсь с замечательной женщиной. — я откусываю еще кусочек от сэндвича, который заказал до того, как он пришел. Я предложил ленч в офисе, а он предложил заглянуть в эту дыру.

Он смотрит мимо меня на меню, нацарапанное на доске, висящей над открытой кухней.

— Я умираю от голода. Дай мне половину твоего сэндвича.

— Закажи свой собственный, — говорю я с набитым ртом. — Тебе стоит встать в очередь прямо сейчас, если ты собираешься вернуться в офис до начала нашей встречи.

— Нам нужно обсудить папу. — Он отрывает взгляд от меню, сосредотачиваясь на моем лице. — Он ввязался в этот брак, не имея спасательной шлюпки.

— Спасательной шлюпки? — я делаю глоток воды. — Это еще один эвфемизм для секса? Если это так, то я не хочу об этом говорить.

Он достает из внутреннего кармана пиджака недоеденный шоколадный батончик и откусывает половину.

— Они не подписали брачный договор. Он просто на ней женится.

Даже мой отец не был бы настолько глуп, чтобы это сделать.

— Ты ошибаешься. Роман умнее этого.

— Прямо сейчас Роман под каблуком у своей жены.

Я кидаю свой сэндвич на бумажную тарелку.

— Я же тебя просил никогда об этом не говорить. Я не хочу знать, с кем он спит.

Он тянется через стол, чтобы стащить мой сэндвич, поднимает кусочек хлеба, лежащий сверху, и вытаскивает сырой помидор.

— Он на ней женат, Габриэль. Не говори мне, что ты думаешь, что она запрыгнула на этот поезд из — за его невероятных навыков в постели. Конечно же, и это тоже, но, в любом случае, все дело в деньгах.

— Откуда ты знаешь, что у них нет брачного договора? — я делаю последний глоток воды из пластиковой бутылки, которую заказал к сэндвичу. — Кто тебе это сказал?

— Наш дорогой старый папа. — говорит он, пока старательно пережевывает. — Он позвонил мне сегодня утром, чтобы поделиться этой пикантной информацией.

— Ты же сказал ему, что он сошел с ума, правда?

— Я сказал ему, что она запудрила ему последние мозги ради того, чтобы забраться в его кошелек, или, точнее, в наш общий кошелек, так как папа до сих пор владеет долей в компании.

— Ему нужен адвокат? — прокручиваю пальцем список контактов в своем смартфоне. — Я могу позвонить какому —нибудь адвокату прямо сейчас, чтобы с этим разобраться.

— Он намертво стоит на своем и противится этому. По его словам, она — любовь всей его жизни.

Я опираюсь руками о край стола и встаю.

— Расскажешь об этом позже. Мы возвращаемся в офис. Пришло время поговорить с Катериной Омари.

— Ты собираешься и ей выписать чек? — Он бросает оставшуюся часть сэндвича обратно на бумажную тарелку. — Вот как ты собираешься заставить ее исчезнуть.

— Ты не можешь поставить ценник на любовь, Калеб. — говорю я, застегивая свой пиджак. — Если она клюнет на приманку, то мы спасем Романа от этой акулы. Он будет нам благодарен... в конце концов.

***

— Мне нужно, чтобы ты соединила меня с Катериной Омари по телефону. — Я смотрю вниз на Софию, которая как раз заканчивает свой собственный ленч, который, судя по крошкам и корке, состоял из куска пиццы. — Откуда ты взяла эту пиццу?

— Почему вы спрашиваете? — Она бросает в урну бумажный стаканчик, наполненный газированной водой, который был в ее руке. — Мне позволено есть ленч за моим столом, сэр?

— Пахнет вкусно. — Я наклоняю голову влево. — Закажи завтра пиццу для нас обоих на ленч.

Небольшая улыбка растягивает ее рот.

— Я могу это сделать, сэр.

— Кто умер? — Калеб выходит из моего кабинета и становится в дверном проеме. Когда мы вышли из лифта, он прошел мимо Софии, не обращая на нее внимания. По большей части это было связано с тем фактом, что он был поглощен телефонным разговором

со своей женой.

— Кто — то умер? — рука Софии поднимается к ее груди. — Должна ли я послать цветы, сэр?

Калекб стучит костяшками пальцев о дверной косяк.

— Такое чувство, что кто — то умер. Ты ведь принимаешь все, что присылают для Гейба?

— Мое имя Габриэль. — я бросаю на него взгляд. — О чем ты говоришь?

— На твоём столе стоит букет увядших цветов. Либо кто — то умер, либо ты кого — то разозлил. В любом случае, мне нужно бежать. Роуэн направляется в мой офис.

Он хлопает меня по спине, затем проходит мимо и направляется обратно к лифту.

— Да, вам была доставка. — София поднимается на ноги. — Мне очень жаль, но я не поняла, что цветы завяли. Я могу их выкинуть прямо сейчас.

— Нет. — я указываю рукой, чтобы она села на свое место, когда вижу букет великолепных черных тюльпанов, стоящих в большой вазе на моем столе. — Меня пока не для кого нет. Я тебя вызову, когда захочу поговорить с Катериной.

— Конечно, сэр.

Глава 33

Айла

— Этим утром позвонил адвокат твоей матери. — мистер Райан кивает своему помощнику, который ставит перед ним чашку кофе. — Айла, ты уверена, что ничего не хочешь выпить?

Я ничего не хочу. Сегодня утром я выпила две чашки кофе вместе с Кассией, прежде чем мы обе ушли на работу, что для меня на две чашки больше, чем требуется. На эту встречу я могу потратить ровно час, прежде чем мне нужно вернуться с ленча. Я хочу, чтобы все прошло намного быстрее.

— Я в порядке, мистер Райан.

— Гаррет. — мягко улыбается он. — Ты должна начать называть меня Гаррет.

Мой взгляд падает на стопку бумаг, которые он расположил передо мной, когда я села.

— Что сказал ее адвокат?

— По закону я обязан тебе это рассказать. — он откидывается на спинку стула, скрещивая ноги. — Если бы я не был обязан это сделать, то не стал бы поднимать этот вопрос.

Я чешу свою щеку.

— Это еще одно предложение по урегулированию спора?

— Так и есть. — Он тянется, чтобы взять кружку с кофе. — Это даже не стоит обсуждать. Я не вижу причин для того, чтобы принимать от них какое — либо предложение.

Я тоже до сих пор не видела на это причин. До этого момента, сумма денег, которые я получала со счета, который моя бабушка открыла на мое имя, была ограничена несколькими сотнями долларов в месяц. Он должен был покрыть мои расходы в то время, как я учусь в «Джувьярдской школе». Она нисколько не сомневалась в том, что я там буду учиться, и небольшой доход от ее поместья был предназначен для покрытия моих повседневных расходов во время обучения. Сейчас, когда мне двадцать один год, многое изменилось. Я

теперь вправе получить все, что она мне завещала.

— Что если я приду с ней к соглашению? — я расправляю руками юбку моего платья. — Если бы я это сделала, то она бы отказалась от иска?

— Айла, иск твоей матери не заслуживает внимания. — он выпрямляется в кресле. — Воля твоей бабушки была очень ясна. Каждая твоя сводная сестра получит небольшую единовременную выплату по достижении ими двадцати одного года. Ты наследуешь всю ее недвижимость, инвестиции, и остальную часть ее имущества.

Мне не нужно это слушать. Я слышала эти слова снова и снова от бесчисленного количества адвокатов. Цифры могут незначительно меняться, поскольку стоимость акций растет и падает, но большая часть имущества представляет собой несколько домов в разных уголках земного шара и больше денег, чем любой человек может потратить за всю свою жизнь.

Мои бабушка и дедушка упорно трудились всю свою жизнь, и учитывая то состояние, которое она унаследовала, когда умер ее отец, то я могу вести праздную жизнь. Хотя, не этого я хочу. Я собираюсь продолжать наследие моей бабушки, в том числе воплотить в жизнь ее мечту стать главной скрипкой в Нью — Йоркской филармонии.

— Я хочу, чтобы это закончилось. — я постукиваю по пачке бумаг. — Вы же мне сказали, что это может затянуться на долгие годы.

— Это возможно, — признает он. — В конце концов, дело будет слушаться перед судьей. У меня нет никаких сомнений в том, что ты будете владеть всем, что тебе оставила бабушка.

— Моя бабушка была такой мягкосердечной. — Я сглатываю, чтобы обуздать эмоции. — Она любила мою мать, но была в ней разочарована.

— Твоя мать совершила несколько непростительных поступков. — Он кашляет в руку. — Ты знаешь, как я отношусь к тому, что она перечисляла себе те деньги с твоего трастового счета.

Он говорит о деньгах, которые я заработала, когда была ребенком. Правда о том, что она сделала с моим счетом, стала доказательством в судебном процессе, который моя мать начала более двух лет назад в ожидании моего двадцать первого дня рождения, когда бы я все унаследовала.

Мистер Райан снова и снова призывал меня с этим повременить, чтобы предъявить встречный иск моей матери за то, что она крала те деньги. Я не могу этого сделать. Это просто деньги. Они никогда не заменят то, что я потеряла. У меня никогда снова не будет отношений матерью, основанных на доверии и безусловной любви.

— Вы можете сделать встречное предложение? — Я медленно наклоняюсь вперед в своем кресле. — Вы можете предложить меньше, чем она просит.

— Айла. — Он скрещивает руки на столе. — Я бы тебе очень настоятельно не советовал этого делать. Это не было бы мудрым шагом с твоей стороны.

— Это бы закончило все это. — Я машу рукой на стопку бумаг, лежащую передо мной. — Это бы навсегда остановил все это?

— Да, но твоя мать должна будет подписать соглашение. В нем будет все оговорено, соглашение будет окончательным.

— Что насчет моих сестер? — Мне трудно о них говорить. Моя мать настроила их против меня, они даже не признают мое существование. — Это не будет влиять на их доли?

— Нет, не совсем. — Он смотрит на меня. — Соглашение вообще не будет их

затрагивать.

— Пожалуйста, сделайте и им встречные предложения. — Я поднимаю руку, чтобы его остановить. — Я рассмотрела все, о чем вы мне говорили, но это моя жизнь. Я хочу со всем этим разделаться. Я хочу, чтобы это закончилось. Пожалуйста, помогите мне сделать так, чтобы это произошло.

Глава 34

Габриэль

— Ты послал за мной своего водителя. — она трется о меня, когда проходит в мой кабинет. — У Сесилии был миллион вопросов по этому поводу.

— Я уверен, так и есть. — Я закрываю дверь, замечая пустое кресло Софии. Я отослал ее со списком поручений, которые откладывал. Не хочу, чтобы нас кто — то перерывал.

— Ты прекрасно выглядишь, Айла.

Она бросает глаза на свое синее приталенное платье.

— Спасибо, сэр. Ты собираешься меня уволить?

Я пытаюсь сдержать улыбку, которую чувствую на своих губах.

— Уволить тебя? Ты сделала что — то, из — за чего я могу это сделать?

Она проводит указательным пальцем под носом, чуть выше ее верхней губы.

— Ведь существует правило о расстегивании своего платья и демонстрировании клиенту своего нижнего белья?

Моя рука резко дергается к галстуку. Воздух в комнате вдруг становится густым и удушающим.

— Когда это произошло?

— Сегодня утром, — застенчиво говорит она.

— Ты расстегнула это платье и показала кому — то свое тело?

— Да. — Она улыбается, прислоняясь к углу моего стола. — Я показала клиенту свой лифчик и трусики.

— Женщине? — полушутя спрашиваю я, пытаюсь спрятать свою эрекцию. Я вызвал ее сюда не для этого, но теперь, когда она признается, я могу сосредоточиться лишь на том, что находится под ее платьем.

Ее руки тянутся к поясу платья.

— Я знаю, что есть правило, согласно которого нельзя приводить мужчин в примерочную. Но ведь нет правила о том, что нельзя посреди магазина демонстрировать белье, в которое ты одета?

Моя собственная рука опускается на переднюю часть моих штанов. Я поправляю ремень.

— Ты показывала свое белье мужчине, Айла? Ты позволила мужчине видеть твое прекрасное тело?

— Что бы со мной случилось, если бы я это сделала? — тихо спрашивает она. — Ты бы меня наказал?

Почему, черт возьми, я не могу сказать, играет она со мной или нет?

— Расстегни свое платье. — Я понижая свой голос. — Покажи мне, что ты ему показала.

Ее тонкие пальцы быстро развязывают двойной узел ее пояса. Она удерживает за платье спереди, единственный намек на то, что находится под ним — это кусочек голубого кружева, виднеющийся в ворота платья между ее грудей.

— Раскрой платье, — повторяю я. — Сними его.

— Ты получил мои цветы. — Она поворачивается на каблуках, становясь лицом к моему столу. — Они тебе нравятся?

Я нахожусь позади нее, прежде чем она может отреагировать, мои руки оказываются под ее платьем, скользят по ее животу.

— Это черные тюльпаны, Айла. Ты послала мне черные тюльпаны.

Она откидывается назад, трется об меня своей попкой.

— Ты знаешь, почему я их выбрала?

Я скольжу своими руками вниз по ее гладкому животу к верхней части ее трусиков.

— Они символизируют мощь и силу.

Она кивает, ее руки движутся, чтобы обхватить мои.

— Именно такой ты для меня. Вот как я тебя вижу.

— Карточка. — шепчу я слова ей на ухо, когда скольжу рукой по ее бедру. — Из — за карточки у меня перехватило дыхание.

Она поднимает карточку, сжимая ее между пальцам.

— Я хочу быть под твоими прикосновениями. Айла.

— Под моими прикосновениями, — повторяю я ее слова, сейчас мои пальцы на ее трусиках, ощущают через кружево жар ее возбуждения.

Она тихо стонет.

— Я могла бы кончить от этого прикосновения.

— Повернись.

Я чувствую нерешительность во всем ее теле, когда она отрывается от моих рук и поворачивается лицом ко мне. Я смотрю на ее лицо. Ее макияж точно такой же, как в тот первый день, когда я увидел ее в бутике. Темные тени делают ее взгляд неукротимым.

Я обхватываю одной рукой ее зад, другая быстро движется к ее спине, когда подхватываю ее на руки и поворачиваюсь, двигаясь, пока она не оказывается на кожаном диване, лежащей на спине, полы ее платья распахиваются, открывая вид на светло — голубой бюстгальтер и такие же трусики.

Я упираюсь одной рукой в спинку дивана, а другой рядом с ее плечом.

— Я тебя накажу, если ты расстегнула свое платье, чтобы показать это тело другому мужчине. Скажи мне, что этого не было, Айла.

Ее губы слегка шевелятся, прежде чем между ними появляется язык, чтобы их увлажнить.

— Ты ведь можешь видеть мои соски и мою киску? Это кружево очень тонкое.

Мои глаза медленно путешествуют по всему ее телу. Каждая ее интимная часть видна сквозь тонкое голубое кружево. И абсолютно ничего не остается для воображения.

— Скажи мне, кому именно ты это показала, и я задушу его голыми руками.

Она громко смеется, ее рука взлетает ко рту, чтобы приглушить этот звук.

— Ты бы не убил человека за то, что он смотрел на мое тело. Ты не такой эксцентричный, Габриэль.

Я тянусь, чтобы обхватить рукой ее подбородок.

— На работе держи свою одежду при себе. Все это только для меня. Поняла?

Ее глаза путешествуют по моему телу.

— А все это для меня, да? Только для меня? Ты не собираешься в свой «номер для траха» на этой неделе?

Я падаю на одно колено, когда медленно стягиваю ее трусики.

— Существует одна женщина, лишь одна женщина, с которой я намерен проводить свое время.

Ее попка движется, когда я прижимаюсь к ее животу своим ртом и оставляю своим языком мокрый след на ее мягкой плоти. Тихий стон срывается с ее губ, когда я прикасаюсь ртом к ее киске.

— Я хочу лишь тебя, Айла. — Я вдыхаю ее запах. — Лишь тебя.

Ее руки хватают меня за волосы, когда я раздвигаю ее ноги, обхватываю своими губами ее набухший клитор, а потом лижу и сосу ее, пока она не кончает под моими прикосновениями.

Глава 35

Айла

— Это красивое платье, Айла. — Кассия стоит в дверях моей комнаты, одетая в одну из футболок Найджела и его спортивные штаны. — У тебя свидание?

— Да. — стараюсь унять тревогу в моем голосе. — Я собираюсь в симфонию.

— Твой парень действительно хорошо тебя знает. — смеется она. — Как Найджел хорошо знает, что я точно туда не пойду.

Я никогда не относилась отрицательно к ее незаинтересованности классической музыкой. Кассия любит носить брюки и блузки. Я люблю платья и юбки. Она любит компьютеры и офисы. Мне нравится моя скрипка и место, где можно поиграть. Мы разные, очень разные, но нас связывает наша дружба.

— Мы можем поговорить, прежде чем ты уйдешь? — Она переступает с ноги на ногу. — Это своего рода очень важно.

— Садись. — указываю я на свою кровать. — Что — то случилось? С твоими близкими все в порядке, ведь так?

Я спрашиваю только потому, что три месяца назад ее отец паниковал из — за своего сердца. Он вечером гулял с их собакой и согнулся от боли. Кассия первым же рейсом полетела в Чикаго, и когда она, наконец — то, позвонила, чтобы сказать мне, что у ее отца был небольшой сердечный приступ, который требует изменения в диете и посещения процедурного кабинета, я почувствовала облегчение

Я не знаю своего отца. Моя мама всегда говорила мне, что он был ублюдком, с которым она провела лишь одну ночь, так что я любила отца Кассии, как своего собственного. Иногда он посылает мне сообщения, просто чтобы узнать, как у меня дела. Я дорожу этим, как дорожу всей ее семьей.

— С ними все хорошо. Они оба поздравляли тебя с днем рождения. — Она потирает глаза рукой. — Они хотят поужинать с тобой в следующий раз, когда будут в Нью — Йорке.

Это было бы в первый раз. Они никогда сюда не приезжают. Сомневаюсь, что это когда —нибудь произойдет. Они любят Чикаго. Это место, которому они принадлежат.

— Что не так? — Я присаживаюсь на уголок кровати. — Что — то с Найджелом?

Она кладет руки на бедра.

— Он попросил меня выйти за него замуж.

Мои глаза устремляются к ее левой руке. Там нет кольца. Я спрашиваю, хотя ответ очевиден.

— Что ты сказала?

— Я его люблю, — тихо сознается она. — Возможно, я не понимала, как сильно, пока он не попросил меня стать его женой.

— Ты собираешься выйти за него замуж? — Я слышу шок в своем собственном голосе, нет никакой возможности, что она его не заметит.

Она улыбается, обнажая прекрасные зубы.

— Пока нет. Но думаю, что в один прекрасный день это произойдет.

— А как он к этому отнесся?

Она хватается мою руку.

— Я собираюсь переехать к нему, Айла. Мы собираемся вместе жить, только мы вдвоем.

Облегчение — не было первой эмоцией, которую я ожидала, но именно его я испытывала. Еще было удивление.

— Я не хочу так с тобой поступать. — Она указывает в сторону коридора. — Я знаю, какая дорогая эта квартира, и знаю, как трудно будет найти новую соседку.

Я могу это себе позволить. Я могу превратить ее спальню в музыкальную комнату. Акустика там не очень хорошая, но там я могу практиковаться, не опасаясь того, что побеспокою окружающих. Я смогу готовить. Я смогу читать. Я смогу быть собой, настоящей собой.

Я придвигаюсь и заключаю ее в свои объятия.

— Я так за тебя рада, Кассия. Не беспокойся обо мне. У меня такое чувство, что со мной все будет просто отлично.

***

— Спасибо, что сегодня вечером принесла с собой скрипку, — говорит Габриэль, пока несет ее в левой руке. Правой он держится за мою руку. — Я надеялся, что ты дашь мне частный концерт.

Я смотрю на его лицо. Он был так же заморожен концертом в симфонии, как и я. Он все время держал меня за руку, и после того, как все разошлись, поцеловал ее и сказал мне, что ему понравилось, как я весь вечер подавалась вперед в своем кресле. Пока я слушала музыку, мои глаза были слегка прикрыты.

— Мне хотелось бы для тебя сыграть. — Я вхожу в лифт, он следует за мной. — У тебя есть какая —нибудь особая просьба?

— Сыграй для меня свое любимое произведение.

Я знала, что он это скажет до того, как слова слетели с его губ. Он требовательный и пугающий, когда дело касается бизнеса, но когда он со мной, то хочет видеть мир моими глазами. Я это чувствую. Я все больше и больше это чувствую с каждым разом, когда мы проводим время вместе.

— Я так и сделаю. Хочешь, чтобы я это делала, когда мы окажемся в твоей квартире? — Я наблюдаю за светящейся панелью, когда мы движемся в сторону верхнего этажа.

— Я хочу наказать тебя за то, что ты вчера сделала в моем офисе. — есть что — то

греховное в его интонации.

— Я кончила два раза. Почему это заслуживает наказания, сэр?

Он потирает пальцем свои губы. Я знаю, что он пытается скрыть улыбку.

— Я говорю о том, что этому предшествовало. Ты все еще должна мне сказать, показывала ли ты клиенту свое тело.

— В бутике есть камеры безопасности. — Я хватаюсь за поручень лифта, когда раздается звук, оповещающий о том, что мы приехали. — Почему бы тебе их не проверить?

Глава 36

Габриэль

— Ты дразнишься, Айла. — Я осторожно кладу футляр со скрипкой на стол возле двери.

— Дразню твой член? — Она поворачивается ко мне и слегка приподнимает подол простого черного платья, одетого на ней. — Или просто дразнюсь?

— Оба варианта. — говорю я себе под нос, когда снимаю пиджак. — Я собираюсь выпить виски. А ты что хочешь?

— Воду.

Я иду на кухню и наливаю себе виски, чистый, а затем бросаю в стаканы несколько кубиков льда, прежде чем открыть бутылку газированной воды и налить половину в ее стакан. Несу стаканы к дивану, где сейчас сидит Айла.

Она берет свою воду и выпивает четвертую часть жидкости, прежде чем зажать между своими зубами кубик льда и засосать его в рот. Она, безусловно, самая чувственная женщина, с которой я когда — либо был. И еще более эротичным все это делает то, что она не знает о своем очаровании.

— Скажи мне, почему ты не пьешь. — Я потягиваю свой виски. — Я это поощряю, но ты как — то упоминала, что избегаешь употреблять алкоголь, потому что это затуманивает твоё сознание. Думаю, именно это слово ты тогда использовала.

На мгновение между ее губами показывается кубик, затем она всасывает его обратно.

Иисусе. Почему из — за этого я становлюсь твердым?

— Однажды вечером я пошла в клуб. — Она кусает кубик льда. — Я использовала поддельное удостоверение личности, чтобы попасть внутрь.

— Очевидно, что на этом история не заканчивается. — Я откидываюсь на спинку кресла, скрестив ноги.

Она поднимает стакан и выпивает больше воды.

— Я круто оторвалась, слишком сильно напилась. Я почти занялась кое — какими вещами с дантистом.

— С дантистом? — спрашиваю я, стараясь говорить так, чтобы мой тон был ровным. Она подразумевает, того мудака, который обнимал ее в клубе. К черту того ублюдка, он больше никогда к ней не прикоснется.

— Предположительно. — Она выгибает бровь. — Это такой клуб, где ты не задаешь много вопросов.

— Никаких вопросов. — Я выпиваю больше виски.

Она заводит руку назад и чешет затылок; движение грациозное и неотразимое. Айла потягивается всем телом, от чего ее грудь устремляется вперед.

— Полагаю, что мне следовало бы задать несколько вопросов. Я не слишком много знаю о том месте, но ходят слухи, что в задних комнатах трахаются люди.

— Так ты пришла туда, чтобы потрахаться? — Я напрягаюсь в своем кресле.

Вот моя возможность сказать ей, что я был в том клубе за зеркальной стеной и наблюдал за ней. Но я испытываю слишком большую необходимость услышать ее рассказ. Она никогда не узнает о том, что я там был. Договоры о неразглашении, подписанные при вступлении в частный клуб, гарантируют, что моя тайна будет в безопасности, даже если мы столкнемся с кем — то, кто меня узнает.

— Клиентка рассказала мне о том клубе. — Она играет с ниткой, торчащей из подола ее платья. — Она мне сказала, что туда приходят люди, которые любят тоже, что и я.

— Люди, которым нравится трахаться с использованием секс — качелей?

— Ты собираешься достать такие? — Ее лицо светлеет. — Боже, твой член и качели. Я бы никогда не покинула такое место.

— Они будут здесь в течение часа, если именно этого ты хочешь.

Она улыбается, затем опускает глаза на свои колени.

— Я пошла туда, потому что клиентка из бутика сказала мне, что ее муж иногда привязывает ее, и они встретились именно там.

Христос. Она пошла к Скуп, чтобы найти мужчину, который бы ее связал. Она пошла прямо в логово льва.

— Ты нашла там то, что искала? — спрашиваю я, потому что хочу это услышать из эгоистичных побуждений. Я хочу, чтобы она произнесла эти слова. Я хочу, чтобы она сказала, что нашла все то, что ей нужно, в бутике, или в моем офисе, или в моей чертовой постели.

Она быстро сглатывает, прежде чем посмотреть на меня.

— Я хочу, чтобы того вечера никогда не было. Я была унижена. Я была пьяна, и если бы одна из работающих там женщин не пришла ко мне на помощь, то я, вероятно, сделала бы то, о чем бы жалела всю оставшуюся жизнь. Она меня спасла.

Я быстро выпиваю оставшуюся часть моего напитка, когда смотрю на ее лицо, жалея, что не могу ей сказать, что на самом деле в ту ночь мы спасли друг друга.

***

— У тебя есть здесь кнут? — шепотом спрашивает она в тишине комнаты, пока полностью обнаженная спокойно сидит на краю кровати, ожидая, когда я разденусь. — Ты держишь все в отеле или кое — что из этого находится здесь?

Я присаживаюсь перед ней, раздвигаю ее ноги.

— Скажи, что ты обо мне думаешь.

— Что? — Ее руки подпрыгивают к моим щекам, обхватывая их. — Что это значит?

— Когда я на тебя смотрю, — начинаю я, прежде чем обхватить рукой одну из ее ладоней, прижимая ее мягкую кожу к моему лицу. — Я вижу невероятно чувственную женщину, которая хочет исследовать и испытать разные вещи. Я вижу кого — то, кому очень комфортно в своем собственном теле, и кто не боится экспериментировать.

— Я люблю секс, — признается она. — Я всегда его любила, с тех пор как в первый раз им занялась.

— Когда ты смотришь на меня, что ты видишь? — Я провожу рукой по ее лбу, убирая в сторону ее волосы. — Расскажи мне.

Ее голубые глаза изучают мое лицо, ее руки скользят по контуру моей челюсти, носа и бровей.

— Я вижу кого — то терпеливого и доброго.

— Не говори тем людям, с которыми ты обычно общаешься, — дразнюсь я. — Это наш секрет.

Она наклоняется вперед, чтобы потереться своими мягкими губами о мои губы.

— Я не скажу ни единой живой душе.

— Что еще ты видишь?

Она громко выдыхает, ее крошечное тело содрогается от этого движения.

— Если я кое — что у тебя спрошу, то ответишь мне честно?

— Без колебаний.

— Я особенная? — Ее мягкий голос трещит от этих слов. — Ты будешь меня помнить?

Острая боль в моей груди почти разрывает меня на двое. Я встаю на ноги, толкаю ее спиной на кровать, и целую ее глубоко, медленно.

— Ты самая удивительная девушка, которую я когда — либо знал, — бормочу я в ее губы, когда разрываю наш поцелуй. — Я хочу знать тебя вечно. Я никогда тебя не забуду.

Глава 37

Айла

— Я думаю, что твоя ванна может вместить десятерых. — Я дую на ароматную пену, окружающую меня. — Это действительно дорогая пена для ванн? У нее запах лаванды. Ты используешь ее, когда купаешься?

Он громко смеется, когда перекидывает через край ванны свои длинные ноги и опускается в воду.

— Я сегодня утром купил ее для тебя. Я принимаю душ. Да и вообще никогда не принимаю ванну.

— А ты купил мороженого? — Я придвигаюсь к нему, проделывая путь через пузырьки, чтобы оказаться в его руках.

— Две пинты [Прим. пер. — примерно 1 литр] — Он притягивает меня ближе, когда я обхватываю его талию своими бедрами. — Я тебя им покормлю после того, как мы примем ванну.

Я осматриваю большую комнату. Он зажег свечи, пока я была в постели, и включил тихую музыку, которая заполняет пространство. Это Бах, думаю, его любимец.

— Ты всегда жил один? — Я прикасаюсь к его челюсти подушечкой своего большого пальца, смахивая пузырек.

— С тех пор, как отправился в колледж. — Он сжимает мою попку. — У меня никогда не было соседа по квартире. Ты не часто говоришь о своей соседке.

— В следующую пятницу она больше не будет моей соседкой. — Я откидываюсь на его руки, желая, чтобы он прикоснулся к моей киске так же, как делал это раньше в постели, прежде чем меня трахнуть.

Он чувствует мое желание, и его длинные пальцы поглаживают под водой мой клитор.

— А что произойдет в следующую пятницу?

Я закрываю глаза, когда двигаюсь вместе с его рукой.

— Она съезжает.

Свободной рукой Габриэль обхватывает мою грудь, потягивая и покручивая сосок.

— Ты собираешься искать нового соседа?

— Вот это место, — стону я. — Почему это так приятно?

— Айла, твое влагалище такое чувствительное. — Он нежно меня целует. — Оно такое роскошно, такое жадное и влажное.

Я не могу сосредоточиться ни на чем, лишь на моем желании снова кончить. Я двигаюсь вперед, когда толщина его твердого члена трется о мою попку.

— Люблю, когда ты меня трахаешь.

— Расслабься. — шепчет он и я чувствую его дыхание на моей шее. — Позволь себе чувствовать.

Я хватаюсь за его бицепсы, погружая свои ногти в его твердые как скала мышцы, когда я трусь своей киской о его руку и падаю через край, выкрикивая его имя.

***

— Айла, ты собираешься искать нового соседа по квартире? — Он ставит на тумбочку пустой контейнер от мороженого и две металлические ложки. — Я могу тебе помочь найти кого —нибудь подходящего.

— Ты имеешь в виду кого —нибудь без члена?

Он усмехается.

— Я бы предпочел, чтобы ты не жила с мужчиной, но это, конечно же, решать тебе.

Я знаю, что он именно это и имеет в виду. Я не могу себе представить, что он когда —нибудь будет мне указывать, что делать, и какие решения принимать. Хотя, я хотела бы, чтобы он руководил. Он много знает в тех областях, о которых у меня мало представления.

— Мы можем кое о чем поговорить? — Я закрываю глаза на некоторое время, чтобы прогнать свои сомнения. — Это что — то личное.

Габриэль опускается обратно на кровать, чтобы мы оказались лицом к лицу. Он натягивает уголок простыни на свои колени, прикрывая тело. Я ему за это благодарна. Рассказывать ему о своей жизни, смотря на его член, приветствовалось бы с моей стороны, но было бы неловко и сильно бы меня отвлекало.

— Мы можем говорить обо всем, что хочешь. Ну, так в чем дело?

Звонит его телефон. Этот звук потрясает меня достаточно для того, чтобы я потуже затянула простынь вокруг себя. Может быть, это знак. Может быть, я не должна чувствовать себя рядом с ним так комфортно, что собираюсь поделиться своими сокровенными секретами.

Он не двигается. Он даже не вздрагивает из — за продолжительного звонка.

— Это может быть твоя мать, — спокойно говорю я.

— Моя мама находится в очень умелых руках личной медсестры, которую себе наняла. — Он постукивает пальцем по колену. — Сегодня вечером они пошли в театр, а затем, вероятно, отправились ужинать. Она в порядке.

Я чешу свою шею.

— Она наняла личную медсестру? Она ведь в порядке?

— Она одна из самых здоровых людей, которых я знаю. — Он проводит пальцами по моей щеке. — У нее всего лишь был приступ тревоги. Меня она сейчас не интересуется. Я сосредоточен на тебе. О чем ты хотела поговорить?

Возможно, именно этого знака я и ждала. Он поймет. У него тоже есть проблемы с матерью. Я сцепляю руки перед собой, делаю глубокий вдох и смотрю прямо в его глаза.

— Моя мать судится со мной. Она пытается забрать все, что мне оставила бабушка.

Глава 38

Габриэль

Мне требуется несколько мгновений, чтобы осознать ее слова. Ее мать с ней судиться. Судится.

— Моя бабушка — Элла Амхерст. Моей бабушкой *была* Элла Амхерст. — Она сжимает свои маленькие ручки. — Я знаю, что ты, вероятно, не знаешь, кто это, но она была очень хорошо известна. Она была очень успешной.

— Твоей бабушкой была Леди Амхерст?

Она громко смеется, ее рука устремляется ко рту.

— Она сама начала так себя называть, и это прозвище прицепилось. Ей нравилось, как это звучит.

— Айла. — Я двигаюсь вперед на кровати. — Моя мать любила Леди Амхерст. У нее много записей с ее музыкой. Твоя бабушка была очень одаренной. Я и понятия не имел о том, что ты ее внучка.

— У нас разные фамилии. — Она играет с изящной серьгой в левом ухе. — Бабушка никогда не брала фамилию моего деда. Она мне говорила, что ей слишком сильно нравится ее собственная.

— У тебя красивое имя, — Я говорю это, потому что это, очевидно, правда. — И ты унаследовала талант своей бабушки. Вот почему ты так великолепно играешь.

— Я никогда не буду столь же хороша, как она. — Она приглаживает рукой свои волосы. — Она была одна на миллион.

— Как и ты, Айла.

— Ты слишком добр. — Она смотрит на меня. — Мы были очень близки. Я жила с ней до того, как она умерла. С моей матерью были кое — какие проблемы, так что обо мне заботилась моя бабушка.

— Проблемы? — спрашиваю я, потому что подозреваю, что это гораздо серьезнее, чем обычные случаи, когда непослушная девушка — подросток восстает против своей матери.

Ее внимательный взгляд следует за моими движениями, когда я ложусь на свою правую руку. В этом свете она выглядит такой чистой и невинной, словно ангел. Я испытываю соблазн, прошло лишь несколько недель, а мне хочется узнать ее поближе. Я жажду узнать подробности ее жизни, той жизни, когда она еще не работала в моем бутике, но это ее история, и я не буду на нее давить. Если ее бабушка умерла, а ее мать с ней судится, что, черт возьми, делает ее отец?

— Когда я была ребенком, то ездила с концертами. — Она закрывает глаза и отрицательно качает головой. — Это звучит напыщенно. Моя мать была моим менеджером. Она договаривалась, чтобы я выступала в разных местах.

— Где именно?

— Везде, где мы могли заработать хоть доллар. — Она смотрит на свои пальцы. — На свадьбах, на похоронах, на церемониях бар — мицвы, на выпускных вечерах, на днях

рождения, я выступала везде.

— В Чикаго? — Я изучаю ее лицо. — Это случилось в Чикаго?

Она пожимает плечами.

— Это началось именно там, но она видела возможности везде. Мы начали путешествовать по всему миру. Она забрала меня со школы. Вышла замуж за мужчину из Чикаго, думаю лишь для того, чтобы убедиться, что он заботится о моих сестрах.

— Когда все закончилось?

— Я должна была повторно идти в седьмой класс. — Она закрывает лицо руками. — Я провалилась, потому что не знала ничего, что было на последнем экзамене. И вот тогда — то моя бабушка и взяла все в свои руки.

— Что именно? — тихо задаю вопрос я. — Именно тогда она стала твоим опекуном?

Она колеблется, прежде чем ответить, ее руки, тянутся за одеялом, она прикрывает колени.

— Моя мать потратила все, что я заработала. В один прекрасный день моя бабушка пришла, чтобы меня забрать, а моя мать ее не остановила.

Ее мать никого не остановила, потому что Айла больше не обеспечивала ей то, что нужно.

— Где все это время был твой отец?

Она быстро поднимает голову, ее нижняя губа дрожит.

— Я его не знаю. Моя мать встретила его в баре. Она даже не знала его фамилию.

Бля. Чтоб их, всех этих людей, которые позволяют такому происходить.

— Можно мне немного воды, пожалуйста? — очень тихо спрашивает она. Ее голос настолько уязвим, что мое сердце болит за нее. — Мне очень хочется пить.

Я киваю, затем поднимаюсь и выхожу из комнаты, зная, что буду ее защищать, что бы ни случилось.

***

— Мистер Райан, — начинает она, прежде чем протянуть мне пустой стакан. — Гаррет советует мне не договариваться со своей матерью, но я думаю, что хочу это сделать.

Я принес ей полный стакан воды почти тридцать минут назад. С тех пор она понемногу из него потягивала, рассказывая мне о происках своей матери, желающей заграбастать наследство Айлы своими чертовыми жадными руками. Какая мать будет воровать у своего ребенка, и не один раз, а два? Эта женщина должна понести наказание за то, что сделала, и не получить не монеты из денег, предназначенных для будущего Айлы.

— Скажи мне, почему ты хочешь договориться? — Я ставлю стакан на тумбочку. — В чем причина?

Она смотрит на меня.

— Когда я была маленькой девочкой, моя мать меня очень любила. Но больше не любит.

Иисус. Пожалуйста. Как кто — то может с ней плохо обращаться?

Я не могу сказать ей что —нибудь в ответ на это. Моя мать может быть неидеальной, но она меня любит. Я это точно знаю.

— Я переехала в Нью — Йорк, потому что в один прекрасный день хочу играть здесь в Филармонии. — Выражение ее лица меняется. — Моя бабушка хотела для меня именно этого. Я хочу именно этого для себя.

— Я верю в то, что так и будет. — и это не пустые слова. Она решительна, и кроме того, невероятно талантлива.

— С тех пор, как я сюда приехала, моя мать посылала мне всякие вещи. — Она поджигает губы. — Письма, подарки, картины.

— Зачем?

Ее брови выгибаются.

— Сначала я это неправильно поняла. Я думала, что она хочет, чтобы между нами все стало по — прежнему. Я думала, что она откажется от своего иска, чтобы мы могли наладить наши отношения.

Задаю вопрос, даже если ответ до боли очевиден:

— Но не таким было ее намерение?

Она слегка наклоняется вперед на кровати, придвигаясь ко мне, и я чувствую, что ей нужно. Притягиваю ее к себе на колени, прижимая ее крепко к своей груди, удерживая ее в своих объятиях.

Я чувствую вырывающийся из нее глубокий вздох, когда она устраивается поудобнее на моей груди.

— Она сделала это для того, чтобы попытаться заставить меня чувствовать к ней жалость. Она сказала мне, что любая приличная дочь будет заботиться о своей матери. Все эти вещи, которые она мне послала, должны были просто мне напомнить, что когда — то, очень давно, она любила меня, и я могла бы ей заплатить, чтобы она меня снова любила.

Глава 39

Айла

— Ты думала о том, чтобы учиться в «Джильярдской школе»? — спрашивает он, как только я отодвигаю смычок от струн. Я сыграла для него три своих любимых композиций, сидя на кровати со скрещенными ногами, одетая лишь в его рубашку. Он сидит рядом в кресле, одетый лишь в распахнутый белый халат.

Тот разговор, который мы вели ранее, закончился, когда я пошла за своей скрипкой, чтобы для него сыграть. Я знаю, что он хотел бы чуть больше поговорить о моих хреновых отношениях с матерью, но я не могла этого вынести. Я чувствовала себя слишком незащищенной, слишком уязвимой, поэтому мне было необходимо отступить к тому месту, где я чувствую себя в безопасности. И это место находится там, где есть моя скрипка. Она успокаивает меня лучше, чего бы то ни было.

— Я была принята в «Джильярдскую школу». — тихо признаюсь я. — Я получила полную стипендию, прежде чем закончила старшую школу.

— Так ты там училась, а затем устроился на работу в Liore?

Я точно уверена в том, что если бы училась в самой престижной музыкальной школе в стране, то не стала бы продавать дорогое белье в его бутике.

— Нет. — Я нежно провожу по своей скрипке. — Их предложение о стипендии было отозвано.

— Почему? — Он встает с кресла и, сделав одно плавное движение, оказывается стоящим у кровати. — Почему это произошло?

У меня сдавливают грудь.

— Я была отстранена от занятий в старшей школе более чем один раз. Я нарушала правила.

Призрак ухмылки расплзается на его губах, затем он сжимает их в тонкую линию.

— Какие правила ты нарушила?

— Назови любое, — легкомысленно говорю я. — Я нарушила большинство из них.

— Ты была прогульщицей?

— Была ли я прогульщицей? — повторяю я. — Ты спрашиваешь, прогуливала ли я занятия?

— Да.

— Очень много.

— Ты получала плохие оценки? — Он становится на одно колено. — Ты провалила какой — то предмет?

Я достаточно долго смотрю на его член, поэтому он легонько постукивает по моему бедру, чтобы привлечь мое внимание.

— Я ничего не проваливала в старшей школе. Да это вообще не правило.

— Скажи мне, что ты сделала, чтобы попасть в такие большие неприятности.

Я провожу пальцами по лакированному дереву скрипки. Это был подарок моей бабушки. В течение многих лет это была ее скрипка, а затем она купила себе другую. Это мое самое ценное сокровище.

— Я много раз опаздывала на занятия. И меня ловили. Меня застукали с парнем на территории школы.

— Это не серьезные нарушения. И из — за этого ты потеряла свою стипендию? — он смотрит на меня своими теплыми глазами, с выражением понимания на лице.

Мои брови поднимаются.

— Я потеряла свою стипендию, когда меня поймали на списывании. Это одно из самых жестких правил, которые ты не можешь нарушить.

— Тебя поймали на списывании? — Я слышу неверие в его голосе. — Какой это был предмет, Айла? Алгебра? История? Ты принесла с собой ответы на тест в виде шаргалки или, может быть, они были написаны на твоей руке?

— Ничего подобного. — бормочу я. — Это произошло на экономике. Через год после того, как умерла моя бабушка, и я была на кладбище. Я поспешила в школу на тест. И совсем забыла о том, что в сумке находились мои записи. После теста учитель обыскал все наши сумки и нашел их.

— Это смягчающие обстоятельства, Айла.

— Нет, Габриэль. — Я кладу скрипку на кровать рядом с собой. — Это подтверждение списывания, согласно правилам моей старшей школы.

— Ты нарушила все эти правила после того, когда умерла бабушка?

Я прикусываю нижнюю губу, чтобы сдержать слезы.

— Мне было только семнадцать лет, когда она умерла. На тот год я должна была отправиться жить со своей матерью. Каждый день был как в тумане. Я просто хотела убежать от своей жизни. Я просто хотела убежать от всей той боли.

***

— Я знаю кое — кого из офиса приемной комиссии «Джувьярда». — Он смотрит на свое отражение в зеркале ванной комнаты, когда поправляет свой галстук. — Я могу сегодня

сделать несколько звонков.

Я не удивлена этим предложением. Я его ожидала, хотя, признаю, думала, что он мог бы это сделать за моей спиной.

— Нет. — твердо говорю я, когда провожу руками по тому же черному платью, в котором была прошлым вечером. — Я могу повторно подать туда документы, если захочу.

— Айла, если бы ты повторно подала документы, то тебя бы приняли. — Он надевает свой пиджак. — Я обещаю, что не буду принимать в этом участия, если это то, чего ты хочешь.

Было бы легко с его помощью вернуть свою жизнь назад, чтобы она протекала так, как я хочу, но также это бы означало, что я останусь у него в долгу, а мне бы не хотелось такого между нами. Я могу позаботиться и о себе, и о своей жизни. Я хочу и нуждаюсь в том, чтобы он полностью это понять и поддержал меня.

— Я в ближайшее время собираюсь уволиться с работы в бутике.

Это утверждение заставляет его обернуться и стать прямо напротив меня.

— Ты собираешься бросить свою работу?

— Я ждала открытия музыкальной школы на Верхнем Вест — Сайде. — Я поднимаю волосы вверх и делаю хвостик, используя резинку, которую всегда держу в своей сумочке. — Я бы хотела учить детей играть на скрипке.

— Звучит интересно.

— Это частная школа. — Я смотрю на зеркало, находящееся за ним, понимая, что мое лицо все покрыто румянцем от того, что этим утром он довел меня до оргазма, вылизывая мою киску, после того как мы проснулись.

Мы заснули в объятиях друг друга после того, как я поделилась с ним своими секретами. Он не сказал ни слова после того, как я рассказала о боли, которую чувствовала, когда умерла моя бабушка, но его молчание и уютные объятия были именно тем, что мне было нужно.

— Именно этого ты хочешь?

Я мягко улыбаюсь, когда разглядываю его с головы до ног. Габриэль выглядит потрясюще, как всегда: на нем костюм, он чисто выбрит, его волосы причесаны.

— Я хочу все это, но не могу опаздывать на работу. Сесилия меня уволит, а я хочу иметь удовольствие видеть ее лицо, когда буду увольняться.

Он усмехается.

— Я не имел в виду мое тело, Айла. Я говорил о работе, о работе учителя музыки, именно это ты хочешь?

— Я хочу играть на скрипке. Я хочу делиться музыкой с другими. И прямо сейчас это подразумевает работу учителем.

— Я полностью за. — Он поворачивается к зеркалу. — Для нас это беспроблемный вариант.

— Как так? — Я бросаюсь к нему, обхватив руками его грудь.

Он гладит мои ладони своими руками.

— Ты получишь работу, которая приносит тебе удовольствие, а я буду дышать спокойнее, зная, что на работе ты будешь держать свою одежду при себе.

Габриэль

— Кто знал, что папа стоит каких — то шесть цифр. — Кaleb махнул мне, чтобы я зашел в его кабинет. — Как думаешь, сколько стою я?

— Один доллар девяносто девять центов в хороший день.

— Пошел ты, — Он стреляет в меня своей ухмылкой. — Теперь ты тоже юморишь? Кто, черт возьми, та женщина, в которую ты пихаешь свой член? Ей нужно выдать чертову медаль.

Мне нужно как можно быстрее формально представить Айлу всей своей семье. У нее уже была та неудобная встреча с моей матерью в моем офисе, но в тот момент, когда я расскажу, что она внучка Леди Амхерст, Айла станет ею любима, как родная дочь. Я уже это знаю. Я это видел, когда моя мать слушала, как Айла играла тем вечером в филармонии.

— Ты говорил с Романом о Катерине? — Я иду к окнам. Его офис не столь просторный, как у меня, и вид из окон меркнет в сравнении с моим, но ему он подходит. За последние несколько месяцев его жизнь эволюционировала, так как он женился. Здесь, в этом здании, он находится с девяти утра по пяти вечера, не больше, часто даже меньше.

— Пройшей ночью я разбил его сердце. — Он беспокойно передвигается по кабинету. — Я послал ему те электронные письма, которыми мы с ней обменялись, и фотографию обналиченного чека.

— Он будет с нами снова разговаривать? — Я уже знаю ответ на этот вопрос. Мой отец, хотя, и гордый человек, но знает о своих взаимоотношениях с молодыми женщинами и то, почему он их привлекает. Он знает, что они не обращают внимание на его седеющие волосы и значительно выпирающий живот. Возможно, раньше он считал по — другому, но сегодня все прояснилось. Тот факт, что его невеста согласилась на чек гораздо меньшей суммы, чем та, которую я готов был предложить, является доказательством ее мотивации.

Фактически, Катерина Омари приняла первое предложение, но сделала это с надменным видом. Я практически слышал, как она пускала слюни в телефонную трубку. Эта проблема решена.

— Он приезжает в город на следующей неделе. — Кaleb указывает на сообщение в своем смартфоне. — Мы встретимся за ужином. Ты можешь привести ту женщину, которая послужила причиной открытию твоей настоящей личности.

— Пошел ты.

— Мы закончили. — Он жестом указывает мне на дверь. — Я понимаю, что не часто могу это сделать, так что сейчас получаю удовольствие.

— Как Роуэн?

— Она беременна.

Это заявление толкает меня обратно в кресло, стоящее перед его столом.

— Что?

— Ты слышал меня, старик. — Это прозвище он не употреблял с тех пор, как мы были в старшей школе. — Я буду папой. Я!? Ты можешь в это поверить?

Я не могу. Буквально, я не могу представить моего младшего брата, в качестве отца.

— Она беременна?

— Уже три месяца. — Он сияет. — Мы пока не знаем, будет мальчик или девочка, но мне все равно. У меня будет ребенок, Габриэль.

Я пялился на него через стол. Он всего на два года младше меня, но каждый раз, когда я

на него смотрю, то вижу того же восьмилетнего паренька, который сидел рядом со мной на крыльце особняка, в котором мы жили. Он спрашивал меня о созвездиях, а я их показывал, одну за другой, в то время как он сидел и спокойно слушал.

Калек вырос где — то в промежутке между «тогда» и «сейчас». Он женился и теперь собирается стать отцом. Он будет хорошим отцом, честным и заботливым. Он будет замечательным отцом.

— Я рад за вас обоих. — Я снова встаю.

Он протягивает руку, предлагая мне ее пожать, но я ее игнорирую. Вместо этого обхожу стол, отодвигаю его кресло и заключаю своего младшего брата в теплые объятия.

***

— Айла мельком показала клиенту свое нижнее белье, сэр. — Сесилия устремляет взгляд на Айлу, стоящую в другом конце бутика.

— Неужели она это сделала?

Она поворачивается к тому месту, где я стою.

— Я думаю, что это нарушение правил, сэр. Она всегда нарушает правила.

Я изучаю квитанции со вчерашних продаж.

— Я должен ее за это наказать.

— Только посмотрите на нее сейчас. — Она пихает своим локтем мне в бок. — Полы ее платья практически распахнуты.

Я стучу своим пальцем по прилавку.

— Продажи Айлы до сих пор самые впечатляющие, Сесилия. Ваши же требуют некоторых улучшений, вы должны стараться лучше.

Она хватает меня за предплечье, когда вглядывается в цифры.

— Я должна обо всем заботиться, сэр. Очень много времени требуется на то, чтобы управлять всеми сотрудниками.

— Вы испытываете трудности в том, чтобы все держать под контролем?

Ее тело застывает, а рука бросается к передней части ее платья.

— Нет, я не это имела в виду. Просто Айла доставляет много хлопот.

— Безусловно, так и есть.

Она ждет минуту, прежде чем сказать:

— Я видела на камерах безопасности, как она раскрывает полы своего платья, сэр. Она просто развязала ремень и их приоткрыла. Я могу показать вам, если вы хотите.

Тот факт, что она не уволила Айлу, является свидетельством того, что клиент, которому Айла показала свое нижнее белье, был женского пола, а не мужского.

— Мне не нужно на это смотреть. Я поговорю об этом с Айлой.

— Что с ней происходит? Между вами двумя что — то происходит?

Вопрос раздражает меня достаточно для того, чтобы я обернулся к ней лицом.

— Почему вы спрашиваете?

Ее руки скрещиваются на груди в защитном жесте.

— Она нарушает много правил и никогда не попадает в неприятности.

— Она до сих пор не нарушила ни одного правила, которое бы послужило основанием для ее увольнения, Сесилия, — напомнил я ей. — Вы тоже нарушали правила. Вы не сделали свою работу тем утром, когда кое — что было обнаружено в примерочной. Если бы вы сделали свою работу, то не было бы проблем.

— Что такого в таких девушках, как она? — она чешет свой затылок. — Почему мужчины, как вы всегда хотите девушек, как она?

— Я понятия не имею, чего хотят другие мужчины. — Я смотрю мимо нее туда, где стоит Айла. Ее лицо сияет от улыбки, когда она говорит с клиентом. — Могу вам сказать лишь то, что Айла не девушка. Она невероятно сложная женщина и для меня большая честь, что она проводит со мной время.

— Пофиг. — бормочет она, когда уходит. — Seriously, я не понимаю, в чем ее привлекательность.

Глава 41

Айла

Я просматриваю свою квартиру в последний раз, прежде чем открыть дверь.

— Айла. — Он хватает меня за плечи, а затем наклоняется, чтобы меня мягко поцеловать. — Ты прекрасно выглядишь.

Габриэль всегда так говорит. Думаю, что могла бы надеть на себя мешок и остроконечную шляпу, и он сказал бы тоже самое. Я не жалею. Мне это нравится. Я никогда от этого не устану.

Он, с другой стороны, поразительно выглядит. Габриэль одет во все черное. И сейчас один из немногих случаев, когда я вижу его без галстука за пределами его пентхауса.

— Вот где я живу, — из — за нервозности я констатирую очевидное. Конечно же, я здесь живу. Ведь я сама дала ему этот адрес, когда он спросил, может ли он забрать меня на ужин.

Я отодвигаюсь в сторону, когда он протискивается мимо меня.

— Она больше, чем я себе представлял. Здесь удобно?

— Ну, это не пентхаус с видом на Центральный парк, — поддразниваю его я. — Хотя, квартира мне очень нравится. А теперь, когда моя соседка съехала, она мне нравится еще больше.

— Я думал, что она съезжает в эту пятницу.

Я думала точно так же, пока она не сказала мне, что сосед Найджел съехал с их квартиры, так что она переехала туда пораньше. В финансовом плане это лучшее решение для них обоих, так что прошлым вечером она запаковала оставшуюся часть своих вещей, я ее крепко обняла и смотрела, как она выходит за дверь.

Мы по — прежнему будем встречаться во время ленча и ужинать вместе. Мы иногда будем зависать вместе, но наша жизнь движется в разных направлениях.

— У нее была возможность переехать чуть раньше, так что она ею воспользовалась.

Он тянется к моим рукам, притягивая их к себе.

— Айла, ты дрожишь. В чем дело?

Я смотрю в сторону своей спальни. Нет причины нервничать. Именно этого я хочу. Вот почему вчера вечером по пути с работы домой я заглянула в небольшой магазинчик, в который давно хотела зайти. Я делаю это не для него. Ну, не только для него. Это для меня.

— Поцелуй меня. — я встаю на цыпочки. Я еще не надела туфли, и, если на то пошло, на мне нет трусиков. Единственное, во что я одета, — это темно — синее платье — футляр, которое он никогда раньше на мне не видел.

Габриэль обхватывает мое лицо своими ладонями, когда медленно и глубоко меня

целует, его восхитительный язык погружения в мой рот, уговаривая меня. Я стону в поцелуе, когда он прихватывает своими зубами мою нижнюю губу. На этот раз, когда он меня кусает, я не отступаю.

— О чем ты говоришь? — говорю я, затаив дыхание, мои губы находятся около его рта.

— Ты развела полы своего платья перед клиентом. — он, улыбаясь, прижимается губами к моему рту. — Сесилия не была этим впечатлена.

— Мне пофиг на то, что думает Сесилия. Пофиг.

Он смеется. Этот звук отдается во мне вибрацией. Как же мне так повезло? Что же такого я сделала в своей жизни, чтобы заслужить внимание этого мужчины?

— Я хочу, чтобы те вещи, которыми мы занимаемся, оставались лишь между нами. — Я останавливаюсь, чтобы снова его поцеловать.

Он притягивает меня ближе, сейчас его рука слегка обхватывает мою шею.

— Так и будет, Айла. Все, что мы когда — либо делали или будем делать, останется между нами.

— Я купила тебе подарок.

Его пальцы зарываются в мои волосы.

— Подарок? Для меня?

Я закрываю глаза, мгновение сомневаюсь в том, хорошая это идея или нет.

— Покажешь мне? — его слова опутаны ожиданием. — Я хочу посмотреть, что это такое.

— Габриэль. — Я еще раз прижимаюсь губами к его рту, упиваясь сладким вкусом его дыхания и запахом его кожи. — Моя спальня за первой дверью слева. Пожалуйста, дай мне пять минут. Всего пять минут, а затем входи.

Он целует меня с низким рычанием.

— Через пять минут, Айла. Ни минуты больше.

***

У меня замирает сердце, когда я слышу, как открывается дверь и звук, слетающий с его губ. Это не стон. Это не похоже ни на одно слово. Это медленный, гортанный звук, который мгновенно пронзает желанием каждую клеточку моего естества.

— Иисус, Айла, — он шипит, когда окидывает меня взглядом. — Это для меня? Ты сделала это для меня?

Единственным источником света в комнате являются свечи с ароматом ванили, которые я расположила по периметру комнаты. Их где — то дюжина, а может и меньше. Я не считала, когда зажигала их своими дрожащими руками.

Затем я стянула свое платье, закрепив вокруг своей шеи черный меховой ошейник. Я вытащила из коробки кнут, который держала на виду после того, как все купила. Я держала его в своих ладонях, представляя, что сильная рука Габриэля будет обернута вокруг ручки, а затем, как он проводит им по моей коже, прежде чем нанести им удар.

— Айла, — тихо произносит он мое имя, когда снимает с себя пиджак, бросая его на стул возле кровати. — Я никогда не видел ничего прекраснее этого.

Мое тело полностью обнажено. Мои бедра расставлены не более чем на несколько дюймов, моя киска мокрая, возбужденная, жаждущая его.

Он закатывает рукава своей рубашки и не сводит с меня глаз.

Я слегка хныкаю, когда он опускает на кровать одно колено, когда хватает наручники,

которые я оставила на тумбочке. Габриэль проделывает путь из поцелуев и мягких укусов по моей правой руке, прежде чем застегнут браслет вокруг моего запястья. Он продевает наручники через изголовье моей кровати, также мягко целует и покусывает мою левую руку. Когда я, наконец — то, пристегнута, он наклоняется. Его указательный палец подцепляет металлическое кольцо на передней части моего ошейника. Он тянет его вверх, моя шея медленно сгибается из — за его движения, когда он притягивает меня в жаждущем поцелуе.

— «Мгла», Айла.

— «Мгла». — повторяю я.

Он отодвигается, чтобы посмотреть на меня. Его глаза сосредоточены исключительно на моем лице.

— Ты не знаешь, что со мной делаешь. Ты не можешь понять, что это для меня значит.

Я киваю, когда прикусываю нижнюю губу, сдерживая испытываемые мной эмоции.

— Пожалуйста, сэр.

Его рука обхватывает ручку кнута. Он поднимает кнут вверх, чтобы я могла его видеть. Другая его рука проводит по всей длине кнута, прежде чем она оседает на кожаной рукояти.

Я стону в тот момент, когда он опускается на мою щеку. Габриэль проводит по ней кнутом, кожа теплая и жесткая.

— Медленно, прекрасная Айла. Сегодня ночью все будет медленно.

Я киваю в ответ, неуверенная даже в том, что смогу сформировать слова.

Кожа скользит по моему подбородку, вниз по моей шее и по груди. Я смотрю в его лицо, наблюдая тонкие нюансы того, как поднимаются его брови, когда кожаный кнут кружит по моему соску. Я так возбуждена, что мои соски болят, болели еще до того, как он их коснулся.

Я вскрикиваю, когда он шлепает кнутом по моему правому соску. Эту боль заглушает лишь удовольствие в его дыхании. Он тихо стонет. Он сделал это так тихо, что я могла бы его не услышать, если бы в комнате был слышен еще какой — либо шорох из — за движения его рубашки.

Мои глаза тяжело закрываются из — за желания, нужды. Я внимательно слушаю. Слышу, как стучат его ботинки, когда он передвигается по паркетному полу, и звук моего затрудненного дыхания, объединенного с учащающимися ударами моего сердца.

Я кричу, когда кожа хлопает по моему левому соску, не один раз, не два, а снова и снова.

Затем на мне оказываются его губы, его дыхание у меня во рту, его язык на моем.

— Я обожаю тебя, Айла. Я тебя обожаю.

Я снова киваю. На этот раз, зная, что если попытаюсь заговорить, что из меня вырвутся мои спутанные эмоции, которыми я не готова поделиться.

Чувствую на моем бедре мягкое прикосновение его руки, как он толкает меня на бок. Я помогаю, скользя своим телом на живот, пока на мои запястья остаются скованными над головой.

Кожа кнута скользит по моей коже, останавливаясь в верхней части моей попки. Он снова и снова кружит в центре моей спины. Эти ощущение гипнотизирующие, расслабляющие, такие успокаивающие.

— Габриэль, — шепчу я его имя, когда открываю глаза. Он находится за моей спиной. Я могу видеть лишь слабое движение его рубашки, когда его предплечье оказывается в поле зрения, совершая круговые движения, снова и снова, а потом еще раз, и еще раз.

У меня вырывается стон, когда жесткая кожа скользит вниз по моей заднице, кружа по небольшому пространству. Я толкаюсь назад, когда по моей попке шлепает кнут, мое тело жаждет большего. Я стискиваю свои бедра, отчаянно желая всего, что будет стимулировать мой клитор достаточно для того, чтобы я взлетела.

Он рычит, выражая свое неодобрение или одобрение, пока кожаный кнут снова по мне шлепает, затем Габриэль выжидает несколько минут и шлепает меня снова.

Сейчас я лежу на спине, кнут скользит по моему животу к тому месту, которое так его жаждет. Габриэль раздвигает мои ноги кнутом. Я молчу, позволяя моим бедрам упасть на кровать.

Кожаная рукоятка медленно скользит по моим складочкам; это происходит так мучительно медленно, что я издаю громкий стон и закрываю глаза.

— Я хочу кончить.

— Так и будет.

И он сразу же дает мне то, чего я хочу. Грубая тугая кожа кнута кружится на моем местечке. Габриэль надавливает на мой клитор, а я поднимаю бедра с кровати, когда он самым интимным образом ко мне прикасается небольшим кусочком кожи, и произносит:

— Твоя киска такая красивая. Мне нравится, какая она на вкус. Мне нравится, как ты сжимаешь мой член, когда кончаешь. Я собираюсь очень жестко тебя оттрахать.

— Пожалуйста, Габриэль, — молю я об освобождении. Я хочу почувствовать жало боли. Хочу знать, каково это.

Кнут движется, и я кричу от отчаяния. Моя награда — это резкий шлепок кожи по внутренней поверхности моего бедра, и еще один, а затем, как только я открываю глаза, то чувствую на кровати его вес. Все, двигается; каждый звук становится громче, каждый аромат сильнее. Потребность моего тела в освобождении — это все, что я могу чувствовать и о чем могу думать.

Я смотрю, как Габриэль достает из кармана презерватив, прежде чем натянуть его на свой толстый член. Габриэль наклоняется вперед, раздвигая полы своей рубашки, когда толкается в меня по самые шары, поднимая вверх мою правую ногу. Ощущение настолько сильное, что я плачу и выгибаю спину, поднимая свой зад над кроватью.

— Так чертовски хорошо. — эти слова переливаются из его рта в мой, когда он сильно меня целует, трахая меня еще сильнее. Очень скоро я кончаю. Это происходит настолько быстро, что подстрекает его двигаться еще быстрее.

— Мне всегда будет мало. — Слова слетают с его губ, пока он врезается в меня. — Я никогда не насыщусь тобой.

Я его целую, желая всего, что он может мне дать и, когда его тело трясется, пока он кончает, только одно слово заполняет комнату. Айла. Айла. Айла.

Глава 42

Габриэль

Открываю глаза, сразу же понимаю, что спал в кровати, которая мне не принадлежит. Также мгновенно, и с благодарностью понимаю, что Айла находится рядом со мной. Чувствую ее великолепное тело, прижатое ко мне. Когда смотрю вниз, то замечаю изгиб ее попки.

Я два раза ее трахнул. Первый раз, когда она была прикована наручниками к кровати, а затем снова через несколько часов после первого, когда она взяла мой член, обхватив его своими губами. Она стояла на коленях на полу рядом с кроватью, мягкий ошейник все еще обхватывал шею Айлы, когда она глотала каждый дюйм моего члена, побуждая меня кончить ей в рот.

Мне этого хотелось. Я, черт возьми, так ужасно этого хотел, но еще больше хотел быть в ней. Когда я притянул ее к себе на колени, она колебалась. Я знал, что это значит. И был готов. Я жестом показал ей, чтобы она связала презерватив, который я вытащил из кармана своих штанов.

Она очень нежно раскатала его по моему члену, а затем медленно придвинулась ко мне на колени и опустила на меня своей гладкой киской. Она меня жестко объезжала; все было невероятно: угол проникновения, ощущения, вид ее подпрыгивающей груди.

Ее губы распухли, ее тело покрылось потом, и в этот раз, когда она кончила, то сыпала проклятиями. Ее слова сводили меня с ума достаточно сильно для того, чтобы обхватить рукой ее талию, после чего я мог вонзаться в нее своим членом, пока не кончил. Я упал на спину, потянув ее за собой.

Она разрушила меня. Я это чувствовал уже несколько недель. Я все это игнорировал, но теперь это чувствую каждой своей частичкой. Я хочу, чтобы это никогда не заканчивалось.

— Мы так и не поужинали. — Она прижимается спиной к моей груди. — Габриэль, ты голоден?

Нет, это не голод. Я влюбился. Думаю, я влюбился. Я никогда такого не испытывал, но чувствую, что это любовь.

Обхватываю ее своей рукой, утыкаясь лицом в мягкость ее волос.

— Я могу что —нибудь приготовить. Что у тебя есть из продуктов?

— Горчица.

Смеюсь, когда понимаю, что она не собирается еще что — то перечислять.

— У тебя есть только горчица?

— Это фантастическая горчица. — Она спихивает ногами одеяло.

Я притягиваю ее ближе.

Обычная желтая горчица?

— Ха, — громко говорит она. — Ты знаешь, что это не так. Это фантастическая горчица.

— Горчица Gray Poupon? [Прим. пер. — горчица, которую производят во Франции]

— Да, именно она. — говорит она с жутким акцентом. — Если она тебе нравится, то можешь есть ее ложкой.

Я съезживаюсь.

— Ты ведь не ешь ее ложками?

— Я ненавижу горчицу. — Она переворачивается и проводит рукой по своему лицу, чтобы убрать волосы. — Она осталась от Кассии, моей соседки. Так что горчица даже не моя.

— Что бы ты хотела поесть? Я могу что —нибудь заказать.

— Пиццу. — Она прижимается к моей груди обеими руками. — Давай закажем пиццу.

***

— Почему ты никому не сказал? — Она жует последний кусочек. — Ты думал над тем,

чтобы поговорить об этом с мамой?

Я никогда не думал о том, чтобы с кем — то об этом поговорить, особенно с моей мамой. Это та вещь, которую я скрывал большую часть жизни. По крайней мере, с тех пор как стал подростком, когда и почувствовал, что происходит.

— Дела моей матери касаются только ее. — Я вздрагиваю из — за собственного выбора слов. — Не знаю, что хорошего получилось бы, если бы я ей противостоял.

— Ты только что мне сказал, что знаешь наверняка, что она изменяла твоему отцу, по крайней мере, с двумя мужчинами.

— Я также наверняка знаю и то, что мой отец тоже изменял моей матери с таким же количеством женщин, а то и с большим.

Она вытирает губы бумажной салфеткой.

— Это действительно хреново. Они же дали обеты. Они обещали друг другу верность.

— В их браке всегда было много недовольства, — мягко говорю я. — Они всегда спорили. В их браке было столько противостояния, что мы испытали облегчение, когда они решили развестись.

Она откидывается на спинку кровати.

— Ты когда —нибудь думал о том, что они об этом пожалели? Как думаешь, они все еще беспокоятся друг о друге?

Я люблю это в ней. Этот оптимизм и наивность. Возможно, Айла пережила много трудностей в своей собственной семье, но она не думает, что в отношениях должно быть непостоянство и измены, как происходило у моих родителей.

— Думаю, что в некотором смысле моя мать до сих пор любит Романа, моего отца. — спокойно говорю я. — Она явно все еще что — то испытывает, так как была очень расстроена, когда он женился.

— Я читала о том, что его бросила жена. — Она толкает коробку с пиццей в мою сторону. — Ты должен поесть еще.

— Я сыт. — Я захлопываю крышку коробки.

— Если я когда —нибудь выйду замуж, то хочу, чтобы это было навсегда. — Она смотрит через комнату на свечи, которые я задул несколько часов назад, когда она в первый раз заснула. — Я знаю, что глупо так говорить, но это моя мечта. Одна из многих.

Я наклоняюсь вперед, чтобы провести губы по ее обнаженному колену.

— Это не глупо, если это твоя мечта, Айла.

Она зажимает свою переносицу, ее глаза на мгновение закрываются.

— Я хотела, чтобы были только мы с тобой и кнут. Ну, а потом я одела еще и ошейник.

Я сглатываю из — за переполняющих меня эмоций.

— Я понимаю.

— Я знаю, что есть и другие. — Она снова закрывает глаза. — Я не хотела быть лишь одной из них.

— В моей жизни нет других женщин. — Я кладу подбородок на ее колено. — Ты никогда не будешь такой, как другие.

Она скользит рукой по моему лбу.

— Спасибо за эту ночь. Я хочу больше.

— Мы будем делать все, что ты хочешь, Айла, и когда пожелаешь.

Ее рука останавливается на моей щеке.

— Это было особенным, Габриэль? Разве это кажется тебе таким же особенным, как и

мне?

— Это было для меня всем. Всем. — говорю я, прежде чем ее поцеловать.

Глава 43

Айла

— Я увольняюсь. — Это чувствуется лучше, чем я себе когда — либо представляла.

— Конечно.

Нет, просто нет. Продолжай со мной бороться, Сесилия. Рассердись. Дай мне что — нибудь. Брось мне чертову кость.

— Конечно? — Я обхожу прилавок и оказываюсь прямо перед ней. — Что ты имеешь в виду?

Она пожимает плечами, покрытыми оранжевой тканью.

— Ты увольняешься. Я понимаю.

Я топаю ногой. Этого не происходит. Мне нужно почувствовать удовлетворение.

— Ты вообще не расстроена?

— Айла, ты спрашиваешь, буду ли я по тебе скучать?

Я не об этом спрашиваю, ведь так?

Она смотрит вниз на стоящую перед ней стопку бумаг. Я слеую за ее движением, когда ее трясущиеся руки случайно слегка сдвигают листы, и она их поправляет, выравнивая стопку.

— Что не так? — Я протягиваю руки и хватаю ее за запястья. — Скажи мне, что происходит.

Ее плечи напрягаются.

— Я видел Лэнса прошлой ночью.

— Лэнса? — Я пытаюсь вспомнить, упоминала ли она когда — либо прежде это имя. Нет, абсолютно точно, нет. Уверена, что запомнила бы. — Кто такой Лэнс?

— Ты знаешь, кто он.

По — видимому, она действительно упоминала в разговоре Лэнса, а я в тот день была слишком «очарована» ее выбором гардероба и отключилась. Я собираюсь спросить очевидное:

— Это мужчина, которого ты любила?

Она быстро кивает.

— Он пришел ко мне. Мы пошли на ужин.

Каким — то образом, когда двадцать секунд назад я сказала, что увольняюсь, мы стали друзьями.

— Ужин прошел хорошо?

— Он хочет, чтобы мы снова были вместе.

— Это хорошо? — осторожно спрашиваю я. — Это ведь хорошо, да?

— Он — секретарь, Айла, — шипит она. — Он работает секретарем у Алека Хьюза.

Если бы я знала, кто такой Алек Хьюз, то это могло бы сделать все понятнее. Что ж, ткну пальцем в небо. Единственный Хьюз, о котором я когда — либо слышала, это мужчина, владеющий компанией, в которой Кассия является интерном.

— Лэнс работает в «Хьюз Энтерпрайзес»?

— Не говори так, будто ты сильно впечатлена.

— Не говорю.

Ее голова поднимается вверх.

— Так что ты со мной согласна? Ты бы не встречалась с мужчиной, который работает секретарем?

— Сесилия, я когда — то встречалась с парнем, который мыл стекла автомобилей, пока они стояли на светофоре и ждали, когда загорится красный свет. Я не лучший судья.

Она улыбается. Она на самом деле улыбается.

— Мои родители считают это возмутительным. Они хотят, чтобы я была с кем — то вроде мистера Фостера.

Он занят. Руки прочь.

— Почему ты не наплюешь на то, что думают твои родители? Не они же с ним встречаются.

— У них репутация. И они не хотят ее запятнать кем — то вроде Лэнса, — с непроницаемым видом произносит она каждое слово.

— Не хотят запятнать репутацию? Сесилия, а твои родители знают, что живут в этом столетии?

Еще одна улыбка, на этот раз ярче.

— Я не хочу разочаровывать их, Айла.

Слегка стучу кулаком ей в плечо.

— Ты из — за этого беспокоишься. Это твое сердце, Сесилия. Ты любишь этого парня?

— Я люблю его больше всего на свете.

— Не потеряй его. Пятнай все, что тебе нужно для того, чтобы его удержать.

Она кивает, расправляя складки на своем оранжевом брючном костюме.

— Я последую твоим советам, но все равно не буду по тебе скучать.

— Я тоже не буду по тебе скучать. — Я притягиваю ее в объятия. — Я вообще не буду по тебе скучать.

***

— Ты решила пойти навстречу своей матери и урегулировать с ней спор? — Габриэль выгибает свою темную бровь. — Ты уверена в том, что это лучшее решение?

— Да. — Сегодня после работы я отправилась в офис Гаррета. И, хотя, вчера я хотела уволиться сразу же, то сегодня я передала Сесилии уведомление о том, что уволюсь через две недели. Не хочу ставить ее в затруднительное положение, да и в музыкальной школе начну работать, лишь через три недели.

Сейчас мой план состоит в том, чтобы отточить мое умение, чтобы быть подготовленной к прослушиванию в «Джильярдской школе», и чтобы я смогла распорядиться своим наследством и имела возможность заплатить за свое собственное обучение.

— Тогда я рад за тебя, Айла.

Я не указываю ему на то, что мне все равно, верит он или нет в то, что это лучшее решение, потому что это не его жизнь. Это моя жизнь и, когда я оставлю позади всю эту драму со своей матерью, то получу эмоциональную свободу, которая мне нужна, чтобы, наконец — то, двигаться вперед, без всего этого тяжелого груза.

— Мне нужен финансовый консультант. — Я смотрю через стол на него. — Можешь

кого — нибудь порекомендовать?

На его лице расплзается ухмылка.

— У меня есть несколько человек на примете, которых могу настоятельно рекомендовать. Я тебя с ними познакомлю, а затем ты сможешь решить, кто лучше тебе подходит.

— Это очень поможет.

Он подносит к своим губам стакан воды со льдом и медленно пьет, наблюдая за мной все время.

— Я помогу тебе любым возможным способом. Тебе лишь нужно попросить, и я всегда все сделаю.

— Мы можем поговорить о прошлой ночи?

Он слегка смещается в кресле, его глаза осматривают почти пустой ресторан.

— Да, конечно. О чем бы ты хотела поговорить?

— Тебе, кажется, неуютно. — Я смотрю на дверь. — Если хочешь, мы можем пойти в другое место.

Он слегка качает головой.

— Все нормально. Я здесь никогда не был. Я вообще не заходил в эту часть города.

— Я тоже. — признаюсь я. — Клиентка, которая живет по соседству сказала, что это фантастическое место.

Он снова движется. На этот раз берет со стола свой смартфон, внимательно смотрит на экран, затем кладет его обратно. Он явно это делает не из любопытства. Он нервничает, на самом деле, очень нервничает.

— Мгла.

Это вызывает еще одну улыбку. Мягкую улыбку.

— Айла, ты используешь свое стоп — слово в очень интересных случаях. Что происходит?

— Когда я попросила тебя здесь встретиться, то оторвала от чего — то важного?

— Нет, — быстро отвечает он. — Совсем нет.

Не знаю, как продолжать разговор. Я не могу на него давить, если я не имею понятия о том, что его беспокоит. Он управляет огромным конгломератом, занимающимся модой. Полагаю, что каждый день ему нужно решать целую гору разных проблем.

— Скажи мне, почему ты выбрала именно слово «мгла»? — Он делает жест официанту. — Я собираюсь выпить, в конце концов.

Сижу молча, пока он заказывает бокал красного вина. Не произношу ни слова, пока он печатает сообщение на своем смартфоне. Приносят его напиток.

— Из — за тебя.

— Как из — за меня? — тихо спрашивает он. — Ты выбрала слово «мгла» из — за меня?

Я тянусь вперед, чтобы придвинуть к себе его бокал с вином. Наклоняю его и делаю глоток богатой, красной жидкости.

— Да, из — за тебя.

Он пристально на меня смотрит, его глаза изучают изгиб моих губ, прежде чем они перемещаются к моим глазам.

— Объясни.

— Это глупо. — Я делаю еще один глоток вина, наслаждаясь теплом, которое

разливается по всему моему телу. — Это будет звучать так глупо.

— Нет ничего из того, что ты могла бы мне сказать, что звучало бы глупо. — Он стучит пальцами по поверхности деревянного стола. — Расскажи мне.

— Не знаю, почему подала заявление на работу в бутике. Я имею в виду, что хотела получить работу и однажды, когда проходила мимо бутика, то увидела объявление на окне. Там говорилось о том, что в бутик требовались сотрудники, так что я вошла.

— Да, вспоминаю, Сесилия поместила объявление на окне.

— В тот день я разговаривала с Уоллис. Она наняла меня после того, как я заполнила заявление. Я начала работать на следующий день.

— Это был быстрый процесс. — Он придвигает стакан с вином обратно к себе, делает небольшой глоток, затем толкает его в мою сторону.

— Каждый день я вставала, и шла туда. Делала свою работу. Возвращалась домой и каждый день я забегала в магазинчик за два квартала от моего дома и покупала сэндвич с индейкой.

— Сэндвич с индейкой и без горчицы?

— Да, никакой горчицы. — Я улыбаюсь. — Затем, в один прекрасный день ты зашел в магазин. И клянусь, когда я обернулась и посмотрела на тебя, то вокруг тебя было это свечение.

Его руки опираются на стол.

— Расскажи больше.

Я чувствую прилив смущения.

— Мне захотелось тебя поцеловать. Мне действительно хотелось поцеловать тебя в твоём офисе в тот день, когда ты делал мне выговор за то, что я сделала тебе непристойное предложение.

— В тот день ты сказала, что устроишь в моем офисе частный показ женского белья.

— Это была бы больше частная «трахни меня, пожалуйста» вечеринка, но это семантика.

Он громко смеется, его голова откидывается назад.

— Правда, наконец, выходит наружу.

— Часть правды. — мягко говорю я. — Это только начало.

Глава 44

Габриэль

— Расскажи мне конец.

Айла смотрит на бокал с вином, ее пальцы медленно приближаются к нему, затем она их отстраняет, слегка качая головой.

— Очевидно, что в тот день мы не поцеловались, и тогда я подумала, что ты кувыркаешься с Сесилией.

— Очень некстати. — язвительно говорю я.

— Она серьезно говорила так, словно вы встречаетесь. — Она закатывает свои большие голубые глаза. — И я на это купилась. Я поверила в то, что она — твой тип.

— Ты — мой единственный тип. — Я откидываюсь на спинку стула, чувствуя себя гораздо менее тревожным, чем был десять минут назад.

Она опускает вниз подбородок, но не раньше, чем я вижу, как ее щеки слегка розовеют.

— Я была взволнована, когда увидела тебя на том благотворительном вечере в симфонии. Она перекидывает волосы на спину через левое плечо, несколько прядей цепляются за ткань ее черного платья. — Кстати, ты потрясающе выглядишь в смокинге.

Я улыбаюсь, не желая ее прерывать.

— Я и раньше целовалась с мужчинами, — признается она, двигая рукой в воздухе. — Я имею в виду, конечно же, целовалась, но, когда ты поцеловал меня в машине, то это было по — другому.

— Как по — другому? — Когда речь идет об Айле, то мое любопытство становится неуправляемым.

— Интенсивно, мощно, связь между нами чувствовалась чем — то диким, первобытным.

— Я ощущал то же самое. — Я перемещаю свои ноги, скрещивая их под столом, в тонко завуалированной попытке замаскировать свою растущую эрекцию. Целоваться с Айлой почти так же чувственно, как вылизывать ее киску или трахать ее. Это сокровище из вкусов и ощущений. Что — то, что я мог бы делать часами.

— Пожалуйста, не думай, что я глупая. — Ее голос надламливается, когда она произносит эти слова. — Я не глупая.

— Ты невероятно особенная. Самый особенный человек, которого я знаю. Я совсем не считаю тебя глупой.

Она кивает, когда откидывается на спинку стула.

— Я пишу стихи. Я писала стихи.

Это признание меня удивляет. Я не хочу, разрушать ее оборону прямо сейчас, но я на грани понимания стольких вещей, касающихся ее. Не хочу этого терять.

Она наклоняется влево, притягивая к себе сумочку. Этот клатч больше того, что я видел раньше. Он черный, на нем местами потрескалась кожа, и очевидно, что ему много лет.

— Я принесла свои стихи с собой.

Ее маленькая рука ныряет в сумочку и достает синюю записную книжку. Страницы перекошены, некоторые листы выпирают с разных сторон.

— Я написала свое первое стихотворение на следующий день после того, как умерла моя бабушка.

Она медленно переворачивает страницы. Ее руки изящно поглаживают бумагу.

— Хочешь его прочитать?

Я бы ничего не хотел сильнее.

— Да.

Слезы наполняют ее глаза, делая радужки ее глаз более яркими, чем обычно. Она такая хрупкая и сильная, такая сложная, невероятная.

— Оно называется «Мгла».

Я пытаюсь бросить взгляд на бумагу, но, когда смотрю на слезы, стекающие по ее лицу, то понимаю.

— Айла, а сколько стихотворений ты написала?

— Сотни.

— Как называется второе твоё стихотворение?

Она тихо рыдает.

— «Мгла».

Я с трудом сглатываю.

— А третье?

— «Мгла».

— Айла, а когда ты написала последнее стихотворение?

— За две ночи до моего дня рождения.

Я прекращаю задавать вопросы из своей эгоистической необходимости прочитать написанные ею слова. Ставлю локоть на стол, прижимаю лоб к кулаку. Читаю наполненные болью слова молодой женщины, которая так отчаянно одинока в этом большом мире.

Я одна в этой мгле под названием жизнь.

Каждый день наполнен мглой.

Каково это жить за этой мглой.

Слово «мгла» повторяется в каждой следующей строчке, снова и снова.

— Это твое стоп — слово.

— Я знала, что я никогда не произнесу его, когда я с тобой. — Она делает глубокий вдох. — Когда выбираешь стоп — слово, то должен быть уверен в том, что просто так не произнесешь его, когда ты с этим человеком.

Я киваю, глядя на ее лицо.

— Мгла рассеялась, когда ты меня поцеловал.

Глава 45

Айла

В тот момент, когда я выхожу из туалета и направляюсь обратно в почти пустой зал ресторана, то знаю, что — то не так. Я пошла туда лишь за тем, чтобы поправить макияж после того, как рыдала перед Габриэлем. Я знала, что сегодня вечером покажу ему свои стихи. Они не такие хорошие, чтобы их печатать, и я не собираюсь их показывать кому — то другому, но это часть наших с ним отношений, подарок, которым я должна была поделиться.

Его голова наклонена, пока он разговаривает по телефону. Его глаза скрыты от меня рукой, прижатой ко лбу. Он нетерпеливо разговаривает с человеком на другом конце провода и явно его ругает, если не его словами, то интонацией, с которой их произносит, хотя, я слишком далеко, чтобы услышать его слова.

Я смотрю на стол, понимая, что если приближусь к нему сейчас, то лишь только помешаю беседе. Это, должно быть, касается бизнеса. Он, должно быть, имеет дело с чем — то за пределами моего понимания. Я не управляю компанией. Даже не могу себе представить, как можно это делать.

Моя страсть — это музыка, и теперь, когда моя жизнь в порядке, именно на музыку буду тратить свое время и свою энергию.

Я иду к бару, где рассредоточено несколько человек, сидящих на стульях за барной стойкой. Улыбаюсь бармену, пока заказываю еще один бокал вина, чтобы поделиться с Габриэлем.

Вино поможет успокоить мои нервы, и есть что — то интимное в том, чтобы пить с ним из одного бокала.

— Мы знакомы? — Слышу я женский голос левой стороны меня. — Айла, это вы?

Я быстро поворачиваюсь, когда я понимаю, что это Тиффани, клиентка из магазина.

— Тиффани, как вы?

Она притягивает меня в быстрые объятия.

— Я хорошо. Я здесь, чтобы пропустить стаканчик с подругой. Хотите к нам присоединиться?

— Я здесь не одна. — Я не указываю на наш столик. Мы с Габриэлем пока не сделали наши отношения достоянием общественности. Не уверена, имеет ли это для него значение, но это не собираюсь объявлять об этом всему миру. К тому же, мне нравится, когда он только мой, как сейчас.

— А это моя подруга. — Она смотрит за мое плечо в сторону женщины, которая только что прошла через дверь. Она высокая, красивая, ее черные волосы уложены в преднамеренном беспорядке.

— Сэйдж. — Тиффани указывает рукой на женщину. — Это Айла.

Женщина останавливается рядом с нами, ее пристальный взгляд проходится по мне с головы до ног, прежде чем хитрая улыбка изгибает ее рот.

— Я знаю Айлу, или, технически, я не видела ее раньше.

— В бутике Liore? — спрашивает Тиффани. — Я тоже ее там встретила.

— Не там. — Сэйдж указывает на дверь. — Это дальше по улице. Я видела вас в Skyn.

Моя рука поднимается, чтобы прикрыть мою грудь, несмотря на то, что платье, которое сейчас на мне, делает это за меня.

— Вы видели меня в Skyn?

— Ну, чтоб меня... — ее голос спадает на нет, когда ее глаза сканируют ресторан. — Вы же здесь не с Габриэлем?

Я бросаю быстрый взгляд туда, где, опустив голову, все еще сидит Габриэль, погруженный в разговор.

— Вы знаете, Габриэля?

Она смеется. Это не сладкий смех, наполненный нотками удовольствия. А темный, почти зловещий смех.

— Знаю ли я Габриэля?

Ответ ясен. Он ее трахал.

— Это из — за Габриэля с тобой произошло все то дерьмо? — хихикает Тиффани. — Он — тот самый? Ты же говоришь не о Габриэле Фостере?

Я делаю неровный вдох.

— Мне нужно идти.

— Вы должны остаться и рассказать мне о том, как, черт возьми, он вас нашел. — Рука Сэйдж обхватывает мое запястье. — Он выбрал вас в клубе, но затем вы уронили сумочку, и ночь пошла прямо ко всем чертям.

— Он меня выбрал? — спрашиваю, мой голос является отражением моих эмоций. Он тихий, дрожащий, смущенный.

— На самом деле в ту ночь со мной была подруга, которую я привела для него. — Она щелкает пальцами перед моим лицом. — Потом, бум, он видит, как вы трясете своей довольно симпатичной попкой на танцполе, и решает, что вы — та самая.

— Ты самая? — Я пялюсь на ее лицо.

— Он был там, «вылавливал» кого —нибудь, чтобы потрахаться и, видимо, вы его тип.

— Айла. — Голос Габриэля разрывает пространство.

Я поворачиваюсь к нему, но он уже рядом со мной.

— Сэйдж, держи свой гребаный рот на замке.

— О боже, Габриэль. — Она толкает его в плечо. — Ты уже рассказал ей обо всем, нет?

Я хочу знать лишь то, как ты ее разыскал?

— Мы уходим. — Его рука ложится на мою поясницу. — Сейчас, Айла.

— Он от этого кайфует, Айла. — говорит нам в спины Сэйдж. — Большой, властный Габриэль.

Я больше не слышу ничего из того, что она говорит, так как мы проскальзываем мимо к нашему столику, где я забираю свои стихи и заталкиваю листки обратно в свою сумочку.

Глава 46

Габриэль

Она выглядит такой маленькой и хрупкой, пока сидит в машине и смотрит в окно. С тех пор, как мы покинули ресторан, она не сказала мне ни слова. Я тоже ничего не говорил. Я не уверен в том, какие слова мне нужно использовать, чтобы они смыли ту боль, которую она чувствует.

Меньше часа назад она излила мне свою душу, а теперь ее сердце было там, на полу того грязного паба, а Сэйдж стояла на нем с победным видом.

Я признаю, что боялся, когда Айла мне позвонила и попросила там с ней встретиться. Паб был так близко к Skyn. Слишком близко, чтобы я чувствовал себя там комфортно, но потом она начала рассказывать мне о своих стихах и о том, что чувствовала, когда мы целовались, и вся моя нервозность испарилась.

Я был готов забрать ее домой, как только она вернулась из уборной, но позвонил Калеб. Один из наших дизайнеров уволился, раздраженный после того, как услышал слухи о Данте Кастро. Я тренировал Калеба, чтобы он обратился к сотрудникам, пересказав мою речь слово в слово, чтобы это минимизировало ущерб. Я не хотел разбираться с этим сам. Я переложил все полномочия на Калеба, чтобы позаботиться об Айле, и в спешке не заметил приход Сэйдж. Не видел, как она подошла к Айле. К тому времени, как я посмотреть в сторону бара, ущерб уже был нанесен.

— Что она имела в виду, когда сказала, что ты меня выбрал? — Ее глаза были сосредоточены на окне. — Ее ты тоже выбрал?

Я смотрю, как сжимаются в кулаки ее руки, лежащие на сумочке, прижатой к груди, защищая не только содержимое, но ее сердце.

— Когда — то мы с ней встречались, целую жизнь назад.

Ее плечи напряжены.

— В том отеле, куда ты меня привозил?

— Нет, — быстро отвечаю я, мои глаза сосредоточены на ее руках. — В дешевом мотеле рядом с клубом.

— Она сказала, что ты видел меня в Skyn. — Ее голос надламливается, но она его восстанавливает, делая вдох. — Ты был там в ту ночь, что и я?

— Да, — признаюсь я. — Я пошел туда в ту ночь.

Ее взгляд падает на ее колени.

— Я рассказывала тебе о клубе. А ты не рассказал мне о том, что видел меня там.

Мне так сильно хочется протянуть руку, чтобы к ней прикоснуться. Я не могу держаться

на расстоянии. Я не могу дышать, зная, что она расстроена из — за меня.

— Ты рассказывала мне о клубе. Сказала, что хотела бы о нем забыть. Ты была унижена тем опытом. Я не хотел тебе об этом напоминать.

— Это не справедливо. — Ее палец устремляется вверх, затем она опускает руку на прежнее место. — Ты должен был рассказать мне о том, что был там.

— Должен был, но именно я причина твоего смущения. Я был тем, кто попросил, чтобы тебя выставили из клуба. Вообще — то, я на этом настоял. Айла, я хотел тебя защитить.

Она качает головой.

— Это не имеет никакого смысла, Габриэль. Она сказала, что ты меня выбрал.

Я запускаю обе руки в свои волосы.

— В тот вечер я пошел в клуб из — за того, что хотел тебя трахнуть. Ты была в моем офисе за день до этого. Я не спал всю ночь, испытывая болезненное желание. Я должен был выкинуть тебя из своей головы, поэтому туда и пошел.

Айла слегка двигает головой, но не отрывает глаз от своих коленей.

— Сэйдж сказала, что у нее есть кое — кто на примете, кто, как она думала, мне должен понравиться. Но, когда я на нее посмотрел, то ничего не почувствовал. Потом я увидел тебя. Я не знал, что это была ты. Я смотрел на женщину с самым красивым телом, которое когда — либо видел. Ее движения отличались от движений любой другой женщины, которую я когда — либо знал. Притяжение было незамедлительным и очень сильным. Именно его я почувствовал, когда за день до этого вошел в бутик и увидел тебя. Тем вечером в клубе все вокруг меня исчезло, была лишь ты, а потом ты повернулась, и я увидел твое лицо.

— Ты сказал им, чтобы они выставили меня из клуба?

— Да, а потом смотрел, как они это делают. — признаюсь я. — Я видел, что произошло. Я видел, твое унижение. Я хотел к тебе подойти, поддержать тебя. Я хотел забрать тебя домой.

— Вот почему ты поцеловал меня в машине до моего дня рождения. — Ее рука хлопает по сидению автомобиля. — Потому что знал, что я любил эти вещи. Ты знал, что хочу, чтобы на меня надели наручники.

Боже, пожалуйста. Пожалуйста, не позволяйте этому украсть ее у меня.

И я придвигаюсь к Айле, потому что не могу вынести ту боль, которую она чувствует. Обхватываю ее своей рукой. Она не сопротивляется.

— Я тебя поцеловал, потому что этого хотел. Я тебя поцеловал, потому что никогда никого не хотел поцеловать сильнее, чем тебя.

Она поворачивается и впивается в меня своими глазами, у которых сейчас цвет штормового моря.

— Нет, ты поцеловал меня, потому что знал, что мне нравится, когда на меня надевают наручники. Ты видел их на полу в клубе, ведь так?

Я тянусь к ее подбородку, обхватываю его своей ладонью. Откидываю ее голову назад.

— Даже если бы я больше никогда не приковал тебя к кровати, если бы больше никогда не провел кнутом по твоей коже, то это бы не изменило то, что я к тебе чувствую. Это не то, чем кажется. Я тебя люблю, Айла. Я тебя люблю.

Айла

Я кладу голову на плечо Габриэля. Я не бешусь из — за того, что он тем вечером был в клубе. Я тоже была там, по точно такой же причине, что и он. Я хотела с кем —нибудь трахнуться. Я хотела обо всем забыть. Мы оказались в одном и том же самом месте, при очень разных обстоятельствах, но клуб свел нас вместе.

— Габриэль, ты бы мне рассказал? — Я смотрю на его лицо. — Думаешь, ты когда —нибудь бы мне об этом рассказал?

— Я собирался это сделать сегодня вечером. — Он проводит пальцем по моему лбу. — Я ненавижу этот ресторан. Он находится слишком близко к клубу. Я знал, что есть шанс, что кто —нибудь из его членов может туда зайти. И задышался из — за того, что знал, что шансы были невелики, что этот кто — то не выдаст мой секрет. Я собирался тебе рассказать.

— Ты видел, как я разговаривала с тем дантистом? — Я опускаю взгляд обратно на свои колени. — Тем вечером я разговаривала с дантистом.

— Ты разговаривала с каким — то засранцем. — поправляет он меня. — Когда я увидел, как ты повернулась, и понял, что это ты, то чуть сам не бросился на танцпол, чтобы тебя от него оторвать.

Его руки сжимает меня сильнее.

— Что бы со мной случилось тем вечером, если бы тебя там не было?

Он прислоняется своим подбородком к моей макушке, затем его губы прижимаются к моему лбу.

— Иногда я об этом думаю, но меня ужасает мысль о том, что могло бы произойти. Я бы пошел на край земли, чтобы тебя защитить.

Я знаю, что он бы так и сделал. Я видела это сегодня вечером, в том, как он на меня смотрел. Я услышала это в том, как он сказал мне, что любит меня.

— Мне нужно, чтобы ты знала, что тем вечером, после того, как ты покинула клуб, я сделал так же. — Его голос глубокий и хриплый. — Я пошел домой и всю ночь думал о тебе.

Мое сердце замирает.

— А после этого ты ходил в тот клуб?

Я знаю, что ответ — не мое дело. Меня не должно заботить, если он вернулся туда следующим вечером или любым другим. Я должна волноваться лишь о том, что сейчас он хочет быть со мной, тем не менее, ничего не могу с собой поделать.

— Я не намерен когда — либо возвращаться в тот клуб или в номер отеля.

Таких заверений я никак не ожидала.

— Я боюсь слишком обнадеживаться. Не хочу что — то чувствовать, а потом этого лишиться.

Габриэль притягивает меня к себе на колени, как он сделал в тот вечер, когда впервые меня здесь поцеловал. Берет в свои ладони мое лицо. Меня притягивают его темные глаза.

— Если это закончится, то я развалюсь на части. Я буду за нас бороться. Я сделаю все, что нужно для того, чтобы помочь тебе понять, что дорожу тобой. Айла, скажи мне, что тебе нужно, и я сделаю это для тебя.

Я пробегаю пальцем по его бровям: сначала по левой, а затем по правой. Его лицо такое сильное, такое мужественное. Оно прекрасно, если мужчина может быть прекрасным.

— Как возможно то, что ты меня любишь?

Его тело содрогается, когда он сглатывает.

— Мне кажется невозможным то, что я могу тебя не любить.

— Габриэль. — Я наклоняюсь вперед, чтобы прижаться к его рту своими губами. — Никогда не прекращай этого делать.

***

— Это я должна была тебя отшлепать. — говорю я, учащенно дыша ему в грудь. — Я этого не заслужила.

— Нет, заслужила. — Его голос глубокий, хриплый и по — прежнему полон желаний. — Сегодня вечером это было наградой. Айла, я видел, какой мокрой ты из — за этого становишься. Не пытайся из — за этого со мной спорить, или я снова перекину тебя через мое колено.

Начнем с того, что технически он не перекидывал меня через свое колено.

После того, как мы вернулись в его пентхаус, то часы напролет сидели в кресле его гостиной, целуясь и разговаривая. Я задала чуть больше вопросов о клубе, и он честно ответил на каждый. Он помог мне понять свое стремление туда ходить: это заполняло дыру внутри него.

Я никогда не принадлежала тому месту. Весь мой опыт в этой области и рядом не стоял с тем, что раньше проделывал Габриэль, но в ту ночь, когда он увидел меня, отчаянно пытавшуюся найти мужчину, который мог бы помочь усмирить мои желания, он почувствовал ко мне необъяснимую тягу.

Он сказал мне, что нескольких недель после этого пытался бороться со своим желанием, но затем на мой день рождения, когда попробовал меня в первый раз, то ослеп и лишился памяти. С тех пор ему больше никто был не нужен, лишь я.

Я ему верю. Я ему доверяю. Я знаю, что это правда, так как сама чувствую то же самое.

После того, как мы поговорили, он отнес меня в постель и раздел. Он меня лизал, и прикасался ко мне, и когда я пыталась контролировать его пальцы на моей плоти, он шлепнул меня по попе, и шлепал снова и снова, произнося мое имя и признаваясь в любви.

Я тянусь вниз, поглаживаю рукой его член. Он такой длинный, такой толстый. Такой красивый и удивительный, как и сам Габриэль.

— Трахни меня, Габриэль, — шепчу я, скользя своим тело по телу Габриэля. — Я хочу, чтобы ты меня трахнул.

— Иисусе, Айла, — шипит он, закрывая глаза из — за моих слов. Его руки скользят вниз по моей спине прямо к моей заднице.

Я немного двигаюсь, скользя грудью по его грудной клетке, прежде чем глубоко и страстно его поцеловать.

— Презервативы лежат в тумбочке. — Его рука обхватывает мою талию, и он наклоняется влево.

Я его останавливаю и притягиваю назад.

— Пожалуйста, только не двигайся.

Его дыхание замедляется, когда я медленно двигаюсь обратно, скользя своей киской по всей длине его эрекции, затем протягиваю руку и обхватываю толстое основание его члена.

— Мне это нравится. — выгибаю свое тело, откидываясь назад. — Так же, как это. Только мы.

Он громко стонет, когда в меня входит первый дюйм его члена, кожа к коже, никаких барьеров.

— Ты уверена? — Он останавливает мои движения, хватая меня за бедра обеими руками. — Айла, скажи мне. Скажи, что ты уверена.

— Я тебя люблю, — шепчу я слова в его дрожащие губы, затем откидываюсь назад, опускаюсь на его член, и вбираю в себя каждый его дюйм.

Глава 48

Шесть месяцев спустя

Габриэль

— Я никогда не был более горд тобой, чем сейчас.

Айла поворачивается на каблуках и дергает меня за галстук, притягивая к себе мою голову, чтобы впиться в мой рот своими красивыми губами. Поцелуй возбуждающий, соблазняющий, глубокий.

— Прошло так много времени с тех пор, как ты меня трахал. Трахнешь меня прямо сейчас?

— Мы находимся посреди Центрального парка. — Я указываю жестом на парк вокруг нас, пока скольжу второй рукой по ее спине, покрытой тонкой тканью платья.

— Я трахал тебя прошлой ночью. Что с тобой?

— Ты. — Она постукивает рукой по моей груди и разглаживает галстук. — Сегодня вечером, после работы, трахнешь меня в качелях?

Секс — качели были подарком. Я хотел, чтобы они уже были в дополнительной спальне в тот же день, когда она переехала ко мне. Это произошло два месяца назад. Я трахал ее в качелях, пока она двигалась туда — сюда, отдаваясь мне целиком, как делает каждый раз, когда мы вместе. Она такая же требовательная, как и я. Она любит мое тело, жаждет его, и каждый раз, когда она меня трогает с безошибочным оттенком желания, я сдаюсь.

Мы много экспериментировали. На что — то ее тело откликалось, на что — то нет, и, проделывая разные штучки, мы нашли именно то, что работает, обеспечивает нам дополнительную близость.

— Сегодня вечером, после работы, я собираюсь тебя просить выйти за меня замуж.

Ее глаза наполняются слезами. Рот Айлы округляется, образуя небольшую букву «о». Она не произносит ни звука, не двигается на приближающийся звонок колокольчика велосипедиста, не реагирует на громкие крики каких — то детей, когда они несутся по дорожке в нашу сторону. Время останавливается.

Пройдет шесть часов или минута, ничто не изменит ход остальной части нашей жизни. Мы не похожи на обычных людей, мы далеки от всего обычного. История нашей любви уникальна, как и женщина, стоящая передо мной.

Та же женщина, которую два часа назад приняли в «Джувьярдскую школу» благодаря ее огромному и бесспорному таланту. Осенью начнутся ее занятия, тогда же будут запущены новые линии одежды в наших бутиках.

Однажды, когда мы уже некоторое время будем женаты, я пойду со своей матерью в концертный зал и буду слушать, как моя жена играет в филармонии. Я знаю, что это произойдет. Я куплю сезонные билеты и буду наслаждаться каждым концертом. Я исполню каждому ее мечту, а если не смогу, то буду стоять рядом с ней, пока она делает это сама.

Сжимаю в руке маленькую коробочку. Вытаскиваю из кармана пиджака свою руку. Опускаюсь на одно колено.

— Выходи за меня, прекрасная Айла. Позволь мне любить тебя каждый день до конца моей жизни.

В мгновение ока она тоже оказывается на коленях, ее светлые волосы развеивает ветер, ее голубые глаза все еще наполнены слезами.

— Да, да.

Я надеваю ей на палец кольцо с бриллиантом грушевидной огранки и целую его после этого.

— Ты изменила всю мою жизнь. Я не был жив, пока не встретил тебя.

— Я тоже. — Она кивает, ее глаза прикованы к кольцу. — Ты все изменил, Габриэль. Ты вернул назад мою жизнь. Ты вытащил меня из мглы.

Эпилог

Год спустя

Габриэль

— Нам нужно поторопиться, если мы собираемся прийти вовремя на день рождения Зика. — Она потягивается, лежа на кровати. — Габриэль, ты ведь купил ему подарок?

— Три подарка. Я не мог выбрать один. Почему одет только я? — Я натягиваю через голову черный свитер, прежде чем застегнуть молнию на джинсах. — Миссис Фостер, вы ведь не собираетесь пойти на вечеринку «в чем мать родила»?

Она смотрит на меня из — под полуприкрытых век. Она дремала до того, как я вошел в спальню и разбудил ее поцелуем. Мне хотелось большего. Я всегда хочу большего, но мы с ней занимались любовью этим утром, как только проснулись. Мы делали это медленно, нежно, идеально.

— У меня есть платье. — Она указывает на шкаф. — Голубое, одно из тех, что ты подарил мне на мой день рождения.

Именно в этом платье, была Айла на той фотографии, которую я видел на ее телефоне вскоре после того, как мы встретились. На следующий день я пошел в бутик Arilia и взял его, определив ее размер на глаз. Многие месяцы я хранил его здесь, в нашей квартире, а подарил ей лишь на ее двадцать второй день рождения. Айла была тронута. Она часто носит его, даже сейчас, когда оно сидит на ней не так, как когда — то.

— Ты собираешься рассказать своей матери сегодня? — Она садится на кровати, придвигается к краю и спускает ноги на пол. — Думаю, мы должны подождать. Сегодня день Калеба и Роуэн. У их маленького мальчика первый день рождения.

— Мы подождем. — соглашаюсь я, становясь перед ней на колени. — Мы можем сказать ей через несколько дней, или на следующей неделе.

— Завтра, — она прижимается губами к моему лбу. — Мы ведь можем рассказать ей завтра?

— Она будет так же взволнована, как в тот день, когда тебя приняли в «Джувьярдскую школу», или в день нашей свадьбы.

Это был лучший день в моей жизни. У нас была простая свадьба, так захотела Айла, она

проходила здесь, нашем пентхаусе. На свадьбе присутствовали члены моей семье, некоторые мои друзья и ее друзья, Кассия и Найджел. Она была в платье, которое помогла спроектировать моя мать. Когда Айла произносила слова своей клятвы, я плакал. Настолько нежными были ее слова.

— Она будет счастлива, да? — она проводит пальцем над моей левой бровью. — Я хочу, чтобы она была также счастлива, как и мы.

Я кладу обе руки на кровать по обе стороны от ее обнаженных бедер. Наклоняюсь вперед и прижимаюсь своими губами к ее аккуратному, выпирающему животу.

— Моя мама будет счастлива, что мы назовем нашу дочь, Элла Джанна Фостер.

Она опускает руки к моим волосам, нежно поглаживает, пока я целую ее в живот.

— Через четыре месяца у нас будет дочь. Я стану мамой через четыре месяца.

— А я буду отцом, — шепчу я в ее кожу. — У меня будет то, что хочет каждый человек, и я никогда, никогда это не отпущу.

КОНЕЦ

Больше книг на сайте - Knigolub.net